МИСТЕРЫ ФАНТАСТИКИ

ЛИ БРЭКЕТТ

САГА О МАРСЕ
И ДРУГИХ МИРАХ

www.litru.ru

Пришествие землян

Ли Дуглас Брэкетт

Аннотация
Ли Бреккет. ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН
ПРЕДИСЛОВИЕ
ХРОНОЛОГИЯ
1998: ЗВЕРИНАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ ШАНГИ
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
2016: МАРС МИНУС БИША
2024: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШАНДАКОРА
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
2031: БАГРОВАЯ ЖРИЦА БЕЗУМНОЙ ЛУНЫ
2038: ДОРОГА НА СИНХАРАТ
  Глава 1
  Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5

Аннотация

Время Ли Брэкетт называют золотым веком американской фантастики. Марс, созданный талантом писательницы, — планета, где мечи соседствуют с бластерами, древняя магия действует наравне с наукой, а космические корабли вполне уживаются со всадниками на гигантских монстрах.

Ли Брекет
ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для некоторых из нас Марс извечно был краем света, золотым садом Гесперид, вечно манящей прекрасной мечтой. Путешественники — люди и роботы — постепенно превратили эту мечту в холодную, суровую, сокрушительную действительность. И все же, как известно, в отношениях, сложившихся между людьми и обитателями Марса, простой факт равнозначен Истине, которая всемогуща и пребудет вечно. А посему примите эти легенды старого Марса как подлинные истории, забыв на время о мрачной реальности.

Я готов подписаться под всем, что рассказано в этой книге. В конце концов, я сам видел все это.

ХРОНОЛОГИЯ

1998: Звериная драгоценность Шанги
2016: Марс минус Биша
2024: Последние дни Шандакора
2031: Багровая жрица Безумной Луны
2038: Дорога на Синхарат

1998: ЗВЕРИНАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ ШАНГИ

Глава 1

Берк Уинтерз оставался в пассажирском отсеке до самого последнего момента, когда «Старфлайт» опустился в космопорте Кахоры. Он просто не мог ни на кого смотреть — даже на Джонни Найлза, хотя тот был всегда ему симпатичен, — не мог управлять кораблем, своим кораблем, который так долго водил через космические просторы.

Он бы и не попрощался с Джонни, но избежать этого оказалось невозможно. Тот ждал Берка внизу, пока Уинтерз спускался по аппарели, и за его широкой ухмылкой таилась глубокая тревога.

Джонни протянул Уинтерзу руку:

— Пока, Берк. Ты заслужил этот отпуск. Развлекись на всю катушку.

Берк Уинтерз обвел взглядом огромную площадку космопорта, растянувшегося на несколько миль посреди оранжевой пустыни. Ревущий муравейник, скопище грузовиков, платформ, людей и космических кораблей — рудовозов, грузовых судов, лоснящихся красавцев-лайнеров типа «Старфлайта» — с цветами трех планет и дюжины колоний, но все равно вызывающе земных по стилю и формам.

Джонни проследил за его взглядом:

— Сколько раз видишь, а все равно дух захватывает, верно?

Уинтерз не ответил. Вдалеке, за много миль от грохочущих взрывов ракетных двигателей, посреди красных песков пустыни виднелся похожий на драгоценный камень гласситовый купол Кахоры — торгового центра Марса. Крошечное солнце устало глядело вниз, на него, и древние горы тоже взирали на купол, и дряхлый блуждающий ветер пролетал над Кахорой, и казалось, что планета просто терпеливо ждет, когда же город исчезнет с ее лица вместе со своим космопортом — как маленькая локальная инфекция, которая должна излечиться сама собой.

Уинтерз уже забыл про Джонни Найлза. Он был поглощен мрачными мыслями. Молодой офицер наблюдал за ним с тайной жалостью, и Уинтерз знал это.

Берк Уинтерз был мужчина крупный, сильный, закаленный годами полетов в открытом космосе. Тот же беспощадный, неистовый свет, опаливший его кожу до черноты, выбелил ему волосы, так что они казались почти седыми, а в последние несколько месяцев отблеск этого света поселился и в серых глазах Уинтерза. Природное

добродушие ушло из них, и морщинки у рта, прорезанные веселым смехом, превратились в глубокие горькие шрамы.

Крупный мужчина, сильный мужчина, однако мужчина, больше не владеющий собой. На протяжении всего полета он буквально не выпускал изо рта маленькие венерианские сигареты с седативным эффектом. Он курил и теперь, и все равно руки его дрожали, а правая щека подергивалась в безостановочном тике.

— Берк. — Голос Джонни донесся словно издалека. — Послушай, Берк, это не мое дело, но… — Джонни помедлил, потом выпалил: — Не думаю, что Марс — самое для тебя подходящее место сейчас.

Уинтерз оборвал его тираду:

— Береги «Старфлайт», Джонни. Всего хорошего.

Он повернулся и зашагал вниз. Джонни проводил его взглядом.

К нему подошел второй пилот:

— Парень в полном раздрызге.

Джонни кивнул. Он злился, потому что любил Уинтерза. Джонни возмужал и дослужился до пилота под его началом.

— Дурак чертов. Ему нельзя было лететь сю-

да. — Он посмотрел на издевательски бескрайние просторы Марса и добавил: — У него здесь девчонка пропала. Ее тело так и не нашли.

Такси домчало Берка Уинтерза от космопорта до Кахоры — и Марс словно испарился. Уинтерз снова оказался в замкнутом мирке торговых городов, одинаковых и одинаково чуждых на всех планетах. Виа на Венере, Нью-Йорк на Земле, Солнечный город в Сумеречном Поясе Меркурия, гласситовые убежища на Внешних мирах — все похожие друг на друга, как близнецы. Полный бурлящей смеси богатства и алчности маленький рай, где с легкостью делались и проматывались огромные состояния, где мужчины и женщины Солнечной системы могли жить своей лихорадочной жизнью, не отвлекаясь на такие раздражающие пустяки, как непогода или гравитация.

Но в торговых городах не только делали деньги. Прелестные пластиковые дома, террасы и сады, сверкающая паутина движущихся тротуаров, сплетавшая здания в единый организм, — все здесь сулило немыслимое наслаждение и разврат. Здесь был доступен любой порок, который только существовал на открытых для цивилизации планетах.

Уинтерз ненавидел торговые города. Он привык к природной честности космоса. Здесь же все было фальшивым, ненатуральным — речь, одежда, даже сам воздух. Была и еще одна, более веская причина для ненависти.

И все же Уинтерз улетал из Нью-Йорка в полубезумной горячке — скорее попасть в Кахору, и теперь, когда он почти достиг своей цели, он просто не мог больше ждать: его бесила любая задержка, даже поездка через город. Он сидел на краю сиденья, оцепенев от чудовищного напряжения, и щека его дергалась все сильней и сильней.

Когда наконец Уинтерз добрался до места, он даже не смог держать в руках деньги — просто бросил банкноты на пол, предоставив шоферу ползать на коленях, собирая их.

Несколько секунд Уинтерз стоял неподвижно, глядя на отделанный слоновой костью фасад здания. Архитектура его отличалась простотой — той изысканной простотой, что олицетворяет богатство. Над входом красовалась надпись. Буквы из зеленоватого серебра складывались в одно-единственное марсианское слово: «Шанга».

«Возвращение, — перевел он. — Путь назад». Странная, жутковатая улыбка проскользнула у

него на лице. Уинтерз отворил дверь и вошел.

Приглушенный свет, удобные кресла, негромкая музыка… Идеальная комната ожидания. В гостиной сидели человек шесть землян — мужчин и женщин. Все в традиционных одеяниях торговых городов — подчеркнуто незатейливых белых туниках, чья простота только акцентировала блистательную роскошь украшений и замысловатость причесок. Лица у землян были мертвенно-бледные и измученные, отмеченные печатью сверхнового времени с его изматывающим ритмом жизни.

В нише за гласситовым столом сидела марсианка, очень смуглая и изысканно-красивая. Она была одета в короткое платье древнего Марса, искусно усовершенствованное для современной жизни. Ее раскосые топазовые глаза смотрели на Берка Уинтерза с профессиональной приветливостью, но в глубине их таилось презрение и гордость расы столь древней, что по сравнению с марсианкой даже самые утонченные земные обитатели торговых городов казались неотесанными грубиянами.

— Приятно снова видеть вас здесь, капитан Уинтерз, — проговорила девушка.

Но Уинтерзу было не до светских любезностей.

— Мне нужен Кор Хал, — буркнул он. — Прямо сейчас.

— Боюсь, что… — начала марсианка, однако, взглянув на лицо Уинтерза, осеклась и повернулась к интеркому. — Вы можете войти, — заключила она.

Уинтерз толкнул дверь и вошел.

Почти всю внутреннюю часть помещения занимал огромный солярий, огороженный гласситовыми стенами. Вдоль стен тянулся ряд маленьких кабинок, в которых стояли только обитые мягкой тканью столы. Потолки в кабинках были кварцевые и представляли собой нечто вроде огромных линз.

Пока Уинтерз шел вдоль стены солярия к кабинету Кор Хала, на лице его появилась презрительная улыбка.

За прозрачным гласситом буйно зеленел экзотический лес. Деревья, папоротники, яркие цветы, мягкая зеленая трава, мириады щебечущих птиц… По этой псевдопервобытной площадке для игр разгуливали приверженцы Шанги.

Поначалу они лежали на обитых тканью столах, и радиация проникала в их тела. Уинтерз знал, что это такое. Нейрофизиотерапия — по терминологии врачей. Остатки утраченной

мудрости древнего Марса. Специально для истощенной нервной системы перегруженного эмоциями современного человека, живущего чересчур напряженной и стремительной жизнью в сложной среде обитания.

Ты лежишь, и радиация просачивается сквозь тебя. Железы начинают работать иначе. Мозг замедляет ритм. Внутри организма происходят странные, но приятные перемены, пока лучи Шанги играют с твоими нервами и рефлексами, творят что-то с обменом веществ. И очень скоро ты снова дитя — в эволюционном смысле.

Шанга, возврат. Путь назад. Ментально и в какой-то степени даже физически — обратно к первобытному человеку, на тот период, пока действует эффект облучения, пока организм не придет в норму. Но даже тогда, пусть и недолго, ты здоровее и счастливее, потому что Шанга — чертовски хорошая встряска, передышка, уход от всяческих проблем и волнений.

Уинтерз рассматривал белые изнеженные тела любителей Шанги, прикрытые нелепыми шкурами или кусками разноцветной материи. Земляне Кахоры играли и дрались среди экзотической зелени, и заботы их были просты и безыскусны, как сама природа, — пища, любовь, украшения

из аляповатых бусин.

Неподалеку, в зарослях, прятались бдительные охранники с шокерами. Бывало, что некоторые приверженцы Шанги заходили чересчур далеко по ведущей назад дороге. Уинтерз знал, как это бывает. Он сам испробовал действие шокеров на собственной шкуре — в прошлый визит сюда. Он знал, что пытался убить человека. Впрочем, скорее, не знал, а верил тому, что ему рассказали потом. Придя в себя, человек мало что помнит из того, что происходит с ним в Шанге. Но как раз это и нравилось, возбуждало — свобода от всяческих табу и запретов.

Шанга была изысканным, светским пороком, прикрытым благопристойной вуалью научности. Новый, неизведанный способ ухода от сложностей жизни, новые захватывающие переживания. Земляне просто с ума сходили по Шанге.

Но только земляне. Варвары Венеры были и так еще слишком близки к первобытной дикости, чтобы прельститься Шангой, а марсиане — слишком стары и искушены в грехе.

«К тому же, — подумал Уинтерз, — это они изобрели Шангу. Они знают, что это такое».

Когда он открывал дверь в кабинет директора

Кор Хала, его просто трясло.

Кор Хал посетителя ждал — гибкий, темнокожий, неопределенных лет, в обычной белой тунике. Такие туники носили представители всех рас Галактики, так что невозможно было сказать, откуда он родом. Но Уинтерз знал, что Кор Хал — марсианин и что эта светскость — всего лишь бархатный чехол ножен, под которым таится смертоносная сталь закаленного клинка.

— Приветствую вас, капитан Уинтерз, — проговорил Кор Хал. — Располагайтесь.

Уинтерз сел.

Хозяин кабинета молча изучал гостя.

— Вы в плохом состоянии, капитан. Но я опасаюсь продолжать курс лечения. Дело в том, что первобытное в вас лежит слишком близко к поверхности. — Кор Хал пожал плечами. — Вы же помните, что было с вами в прошлый раз.

Уинтерз кивнул:

— То же самое случилось в Нью-Йорке. — Уинтерз подался вперед. — Послушайте. Я не нуждаюсь больше в вашем лечении. Все, что вы имеете здесь, уже недостаточно для меня. Сар Кри сказал мне об этом в Нью-Йорке. Он рекомендовал мне лететь на Марс.

— Он связался со мной, — невозмутимо заме-

тил Кор Хал.

— Тогда вы должны… — Уинтерз умолк, потому что не мог подобрать нужные слова, чтобы закончить фразу.

Кор Хал молчал. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, красивый, невозмутимый, безразличный к страданиям Уинтерза. Только его глаза, зеленые и зловещие, горели скрытой насмешкой. В них светилось удовольствие — удовольствие кошки, играющей с покалеченной мышью.

— Вы уверены, — спросил он наконец, — что отдаете себе отчет?..

Уинтерз кивнул.

— Люди бывают разные. Эти бездушные куклы… — Кор Хал показал на солярий, — у них нет сердца, нет крови. Искусственные порождения искусственной среды обитания. Но вы и подобные вам, Уинтерз… Вы играете с огнем, когда развлекаетесь Шангой.

— Послушайте, Кор Хал, — прервал его Уинтерз. — Девушка, которая была моей невестой, улетела в пустыню — и не вернулась. Бог знает, что случилось там с ней. Вам лучше известно, что происходитх людьми на дне мертвых морей. Я нашел ее искореженный флаер — там, где он рухнул. Но я не нашел ее саму. После этого я хочу

одного: забыть обо всем.

Кор Хал наклонил свою темную, удлиненную голову:

— Я помню. Да, это трагедия, капитан Уинтерз. Я был знаком с мисс Леланд. Красивая молодая женщина. Она частенько захаживала к нам.

— Знаю. Она совсем не такая, как эти манекены из торгового города, но у нее было слишком много денег и слишком много свободного времени. Во всяком случае, я не боюсь играть с вашим огнем, Кор Хал. Я уже слишком далеко зашел. Вы сами сказали, люди бывают разные. Эти лилии в ваших игрушечных джунглях просто не хотят идти дальше по дороге назад. У них недостанет для этого мужества и пыла. Но у меня-то достанет. — Глаза Уинтерза вспыхнули странным волчьим огнем. — Я хочу идти дальше, назад, Кор Хал. Так далеко, как только может завести меня Шанга.

— Порой, — качнул головой марсианин, — это бывает долгий путь.

— Мне наплевать.

Кор Хал внимательно посмотрел на Уинтерза:

— Иные не возвращаются.

— Мне не к кому возвращаться.

— Это требует мужества, капитан. Шанга — настоящая Шанга, а не ее бледная копия в виде

солярия с кварцевыми линзами — была запрещена много веков назад Городскими Штатами Марса. Риск и трудности могут дорого вам обойтись.

— У меня есть деньги. — Уинтерз резко вскочил, не в силах больше сдерживать себя. — Подите к черту с вашими проповедями. Вы же лжете! Ведь вам видно с самого первого раза, кто пристрастится к Шанге, а кто — нет… И вы вынуждаете этих бедняг приходить сюда еще и еще — до тех пор, пока они не становятся законченными наркоманами, которые уже не соображают, что делают. Но вы все равно даете им то, что им хочется, как только они суют деньги в вашу грязную руку!

Уинтерз швырнул на стол чековую книжку. Верхний листок был не заполнен, но подписан.

— Возьмите, — сказал он. — Любая сумма в пределах ста тысяч кредиток.

— Я бы предпочел, — вкрадчиво промурлыкал Кор Хал, — наличные. А не чек. — Он вернул чековую книжку Уинтерзу. — И всю сумму сразу, авансом.

Ответ Берка Уинтерза был краток:

— Когда?

— Сегодня вечером, если вам угодно. Где вы остановились?

— В «Трех планетах».

— Поужинайте, как обычно. А затем оставайтесь в баре. Ваш проводник сам найдет вас в течение вечера.

— Я буду ждать, — ответил Уинтерз и вышел из кабинета.

Кор Хал улыбнулся. У него были очень белые, очень острые зубы. Как клыки у голодного хищного зверя.

Глава 2

Только когда взошел Фобос, Уинтерз смог определить, где они находятся и вкакую сторону направляются.

Они тихо выскользнули из Кахоры — Уинтерз и его проводник, юный худой марсианин, незаметно присоединившийся к нему в баре «Трех планет». Флаер уже ждал на частной площадке. Кор Хал тоже ждал там. Четвертым был огромный марсианин, похожий на варвара с северных отрогов Кеша. Кор Хал поднял флаер в воздух.

Уинтерз был абсолютно уверен, что они летят к Нижним Каналам, к древним каналам с древними городами, где гнездился порок, — к Джеккаре, Валкису, Барракешу, не подчинявшимся законам разрозненных Городских Штатов. Землянам рекомендовалось держаться от них подальше.

Мили мелькали одна за другой. Безлюдность, заброшенность здешних мест начинала действовать Уинтерзу на нервы. Они летели в полном молчании, и молчание становилось невыносимым. Было в нем что-то зловещее, угрожающее. Казалось, все трое — Кор Хал, огромный кеши и худенький проводник — затаили одну и ту

же мысль, доставляющую им особое, злобное Удовольствие. Тень их тайной думы отражалась порой на лицах.

Наконец Уинтерз не выдержал.

— Мы летим в ваш штаб? — спросил он.

Ему никто не ответил.

— Не понимаю, к чему эти тайны, — раздраженно заметил Уинтерз. — В конце концов, теперь я один из вас.

— Разве звери спят в одной постели с хозяевами? — с неожиданной резкостью бросил ему проводник.

Уинтерз сжал кулаки, готовый броситься на обидчика, но варвар положил руку на маленький зловещий нож, висевший у него на поясе.

Кор Хал холодно добавил:

— Вы хотели испробовать Шангу в ее истинном виде, капитан Уинтерз. Вы заплатили за это. И вы это получите. Все остальное не имеет значения.

Уинтерз мрачно пожал плечами. Он сел и закурил свою венерианскую сигарету. И больше не проронил ни слова.

Спустя долгое, очень долгое время пустыня под ними, казавшаяся беспредельной, начала наконец меняться. Из песка выросли голые невысокие отроги, затем пошли горные хребты, которые

время обглодало до полированных скал.

За горной грядой оказалось мертвое море. Вернее, сухое морское дно. Оно тянулось к горизонту, освещенное лунным светом, уходя вниз, в глубь земли — все ниже и ниже, постепенно превращаясь в огромную яму, полную тьмы. Меловые и коралловые кольца светились то здесь, то там, выпирая из дна, словно кости скелета из истлевшей кожи давно умершего человека.

Между холмами и морем Уинтерз заметил город.

Веками он сползал вниз, упорно следуя за все отступающим морем. С высоты Уинтерзу были хорошо видны очертания пяти гаваней, которые люди бросали, когда уходило море. Огромные каменные доки стояли по-прежнему несокрушимо. Горожане строили вокруг дома, заполняя зияющие пустоты, но потом оставляли и их, спускаясь все ниже и ниже.

Теперь борющийся за жизнь город вытянулся вдоль канала с водой, которую еще давали подземные ключи на дне иссохшего моря. Что-то невыразимо печальное сквозило в этой тонкой темной полоске воды, оставшейся от некогда огромного и ревущего синего океана.

Флаер описал круг и пошел вниз. Кеши быстро

выпалил фразу на своем диалекте. Уинтерз понял лишь одно слово — Валкис. Кор Хал что-то ответил, затем повернулся к Уинтерзу:

— Нам недалеко. Не отходите от меня.

Они выбрались из флаера. Уинтерз понял, что его взяли под стражу — и не только ради его безопасности.

Подул ветер, слабый и иссушающий. Под ногами клубами поднималась пыль. Впереди лежал Валкис — темная груда камней, расползшаяся до самых горных отрогов, — безжизненно-холодный в зловещем свете двух лун. На вершине гребня темнели разрушенные башни дворца.

Они шли вдоль канала со стоячей, неподвижной черной водой, по камням мостовой, истертым до дыр сандалиями бесчисленных поколений горожан. Даже в столь поздний час Валкис не спал. Во мраке ярким желтым пламенем горели факелы. Издалека доносились странные звуки марсианской арфы с двойной декой. На улицах, в проходах между домами, на плоских крышах домов кипела жизнь.

Гибкие худощавые мужчины и грациозные, как кошки, женщины следили за чужаками молча, с горящими глазами. В воздухе стоял монотонный тихий непрекращающийся звон — это

перешептывались крошечные колокольчики, которыми украшали себя местные женщины. Колокольчики висели у них в волосах, в ушах, на щиколотках.

Этот город — воплощение зла, подумал Уинтерз. Древний и очень порочный, но не уставший. Уинтерз кожей чувствовал биение жизни, горячей и бурной. Ему было страшно. Его одежда, равно как и белые туники спутников, слишком бросалась в глаза среди обнаженных грудей, коротких ярких юбок в складку, украшенных драгоценными камнями поясов.

Никто не приветствовал их. Уинтерз вздохнул с облегчением, когда Кор Хал привел спутников в большой дом и плотно закрыл за собой истертую бронзовую Дверь.

Уинтерз обернулся к Кор Халу.

— Когда? — спросил он, тщетно пытаясь скрыть дрожь в руках.

— Все готово. Халк, проводи его.

Кеши кивнул и пошел вперед. Уинтерз следовал за ним по пятам.

То, что предстало его глазам, разительно отличалось от зала Шанги в Кахоре. В этих каменных стенах некогда жили, любили и умирали, причем не всегда своей смертью, мужчины и женщины.

В щелях между плитами оставались их слезы и кровь, копились веками. Ковры, гобелены, мебель стоили целое состояние — произведения искусства, предметы старины. Их красота износилась от времени, но все же оставалась красотой, великолепной и яркой.

В конце прохода была бронзовая дверь с узкой решеткой.

Халк остановился и велел Уинтерзу снять с себя все.

Уинтерз замер в нерешительности. Ему очень не хотелось расставаться с оружием.

— Почему здесь? — спросил он недовольно. — Я хочу взять одежду с собой.

Но Халк повторил:

— Разденься здесь. Таковы правила.

И Уинтерз повиновался.

Обнаженный, он вошел в тесную комнатку. В ней не было удобного стола — только несколько шкур, брошенных прямо на голый пол. В противоположной стене зиял огороженный проход.

Бронзовая дверь с визгом захлопнулась за Уинтерзом, и он услышал, как лязгнула щеколда. В комнате царил полный мрак. Теперь ему стало уже по-настоящему страшно. Страх был дикий, неукротимый. Но Уинтерз не мог ничего изме-

нить. Слишком поздно. Причем давно. С того самого дня, когда пропала Джилл Леланд.

Уинтерз опустился на шкуры. Высоко над его головой, под самым сводом, что-то смутно мерцало. Постепенно мерцание стало усиливаться, разгораться. Наконец Уинтерз смог разглядеть призму, вделанную в камень, — большую, вырезанную из какого-то ярко-огненного кристалла.

Из-за решетки на двери донесся голос Кор Хала:

— Эй, землянин!

— Что? — откликнулся Уинтерз.

— Видишь призму? Это и есть Драгоценность Шанги. Мудрецы Кара-Дху вырезали ее миллион лет назад Только им была ведома тайна кристалла и секреты его огранки. Таких камней сейчас осталось всего три.

На стенах вспыхнули сполохи света — вернее, сгустки чистой энергии. Золотые, оранжевые, зеленовато-синие. Маленькие огоньки пламени, огонь Шанги, сжигающий душу.

Пытаясь совладать со страхом, Уинтерз спросил:

— Ну а радиация? Лучи, которые проходят сквозь призму, — они те же, что в Кахоре?

— Да. Тайну лучей Кара-Дху тоже унесли с со-

бой. Возможно, это космические лучи. Используя в качестве призм обычный кварц, мы можем ослабить уровень радиации до потребностей торгового города.

— Кто это «мы», Кор Хал?

Смех, негромкий и злобный:

— Мы — это Марс, землянин!

Танцующее пламя, все сильнее и ярче, пляшущее на его теле, проникающее в кровь, в мозг… Не такое, как в солярии с хорошенькими игрушечными деревьями. Там было удовольствие — дразнящее, опьяняющее наслаждение. Странное, захватывающее. Но здесь…

Тело Уинтерза вдруг дернулось и выгнулось дугой, затем скрутилось кольцом. Он забился в корчах. Мука была невыносимой — сладкая, невыразимо сладкая боль.

Голос Кор Хала прогремел откуда-то издалека, оглушительный и роковой:

— Мудрецы Кара-Дху не были мудры. Они разгадали тайну Шанги и решили покончить с войнами и проблемами, уходя назад, к истокам. Но знаешь, что стало с ними? Они погибли. Вымерли, землянин! Кара-Дху исчез с лица планеты в течение жизни одного поколения!

Уинтерзу становилось все трудней отвечать,

трудней думать.

— Какое это имеет значение? — хрипло сказал он. — Они были счастливы, пока жили.

— А ты счастлив, землянин?

— Да! — задыхаясь, выкрикнул он. — Да!

Вместо слов у него вырвалось невнятное мычание. Берк Уинтерз извивался, катаясь на сбитых шкурах в невыразимой, почти нечестивой истоме, в сладостной муке, о которой прежде не мог даже мечтать, — и был счастлив. Огонь Шанги плавил его тело, подобно раскаленному металлу, и Уинтерз уже не испытывал ничего, кроме всепоглощающего ощущения счастья.

До него снова донесся смех Кор Хала.

После этого все сделалось как в тумане. Сознание время от времени туманилось, и он проваливался в черноту. Приходя в себя, Уинтерз чувствовал себя странно. Его собственное тело было каким-то чужим, незнакомым. Только одно он помнил довольно отчетливо — по крайней мере один отрезок пути по зловещей дороге назад.

Во время очередного просветления, длившегося очень недолго — может, с минуту или две, — ему показалось, что плита в стене вдруг отодвинулась, открыв кварцевое окошко, и в нем возникло чье-то лицо. Уинтерз чувствовал, как чужие глаза

внимательно разглядывают его обнаженное тело, плавающее в восхитительном пламени.

То было лицо женщины. Марсианки. Очень породистое, с четко очерченными скулами и надменными дугами бровей; алый рот так и манил к поцелую, обещая блаженство и муку.

По-видимому, в стене таился микрофон, поскольку женщина говорила с ним, и он слышал ее голос, полный упоительно-жестокой магии. Она окликнула его по имени.

Уинтерз не смог подняться, но ухитрился подползти! С окошку, и в его воспаленном мозгу женщина стала частью видений, проявлением тех неземных сил, что играли с его организмом Разрушение и восторг, неодолимые, как сама смерть.

По меркам чужеземца, она была не так красива, как Джилл. Но в ней чувствовалась сила. И ее алый рот дразнил его, насмехаясь, а изгиб обнаженных плеч доводил до исступления.

— Ты сильный, — проговорила она. — Ты будешь жить, до самого конца. И это хорошо, Берк Уинтерз.

Он попытался что-то сказать, но понял, что уже не в состоянии произносить слова.

Она улыбнулась:

— Ты бросил мне вызов, землянин. Я знаю. Ты бросил вызов Шанге. Ты храбр, а мне нравятся храбрые мужчины. Но ты также глуп, а я люблю глупцов, потому что они развлекают меня. Я подожду, землянин, когда ты достигнешь конца пути!

Он снова попытался ответить, и опять у него ничего не вышло… А потом навалились ночь и безмолвие. Он унес с собой во мрак отзвук ее издевательского смеха.

Он больше не был капитаном Берком Уинтерзом. Его звали коротко — Берк. Он лежал на твердых и холодных камнях. Вокруг царила кромешная тьма, но его глаза и уши верно служили ему. По звуку собственного дыхания он догадался, что находится в замкнутом пространстве, и это ему не понравилось.

Он негромко зарычал. Волосы на затылке встали Дыбом. Он попытался вспомнить, как попал сюда. Что-то случилось с ним, что-то связанное с огнем, с пламенем, вот только не вспомнить, что именно и почему.

Одно он знал твердо: он что-то искал. Это «что-то» пропало, и он хотел его вернуть Желание причиняло ему мучительную боль. Он не мог вспомнить, чего именно он так желал, но жажда вернуть потерянное была сильнее страха

смерти.

Он встал и принялся обследовать свою темницу.

Отверстие он обнаружил почти сразу. Внимательно обследовав его, он пришел к выводу, что лаз ведет наружу. Он ничего не видел, однако сильный сквозняк, тянувший из дыры, нес с собой множество незнакомых и странных запахов. Берк припал к земле, и руки его инстинктивно сжались и разжались, хватая воздух в поисках оружия. Но оружия не было. Тогда он пополз по проходу, совершенно бесшумно.

Он полз долго, задевая плечами каменные своды. Потом увидел впереди себя свет, красный и мерцающий, и сквозняк донес до него привкус дыма, запах мужчин.

Медленно, очень медленно существо по имени Берк поползло к источнику света. Он уже добрался до конца туннеля, как вдруг за его спиной с лязганьем упала решетка. Конец. Западня.

Он не мог вернуться назад — но и не хотел возвращаться. Враги были впереди, и он жаждал сразиться с ними. Теперь он знал, что ему не удастся подкрасться к ним незамеченным. Выгнув могучую грудь, Берк бесстрашно выпрыгнул из отверстия лаза — наружу.

Мечущееся пламя факелов ослепило его, уши заложило от дикого воя толпы. Он стоял на огромном камне — жертвенном камне старого Валкиса, хотя и не ведал этого. Толпа, улюлюкая, разглядывала землянина, осмелившегося вкусить запретного плода, который боялись трогать даже обитатели Нижних Каналов.

Существо по имени Берк все еще оставалось человеком, но обезьянье уже отчетливо проступало в нем. Много часов он провел в пламени Шанги, и это пламя преобразило его физически. Кости и мышцы изменились под воздействием ускорившегося метаболизма и переродившихся желез.

Он и так был крупным и сильным мужчиной, а теперь совсем загрубел и налился животной силой. Челюсть и надбровные дуги отяжелели, выпятились вперед. Густая шерсть покрыла грудь и конечности, образовав на затылке рудиментарную гриву. В глубоко посаженных глазках светились хитрость и ум, однако то был разум первобытного человека, едва-едва выучившегося говорить, разводить огонь и мастерить копья — но больше ничего.

Пригнувшись к земле, Берк разглядывал толпу, стоявшую под ним. Он не знал, кто эти люди, и тем не менее ненавидел их. Они были из другого

племени и пахли незнакомо. Они тоже пылали к нему ненавистью. Воздух казался тяжелым, колючим от их враждебности.

Один из мужчин легко и горделиво выступил вперед, на открытое пространство. Берк не помнил, что этого человека звали Кор Хал. Он не заметил, что Кор Хал сменил белую тунику торгового города на юбку-кильт и пояс Нижних Каналов и что в его ушах болтались просверленные золотые кольца Барракеша. Теперь Кор Хал стал тем, кем и был на самом деле, — бандитом и разбойником, рожденным и выросшим среди народа бандитов, столь долго шлифовавшегося цивилизацией, что они уже могли позволить себе забыть о бандитском прошлом своей расы.

Берк помнил только одно: этот человек — самый ярый его враг.

— Капитан Берк Уинтерз, — сказал Кор Хал. — Человек из племени землян — хозяев космических путей, строителей торговых городов, алчных и неуемных грабителей.

Голос разнесся над запруженной людьми площадью, хотя Кор Хал не напрягал его. Берк следил за противником, слегка покачиваясь и опустив длинные алчущие руки. Глаза его горели красными огоньками, отражая пламя факелов. Он

не понял смысла слов, но почувствовал угрозу и насмешку. Человек оскорблял его.

— Взгляните на него, о народ Валкиса! — воскликнул Кор Хал. — Теперь он наш господин. Его народ правит Городскими Штатами Марса. Наша честь поругана, наше богатство утеряно. Что осталось нам, о дети умирающего мира?

Ответ, отразившийся от стен Валкиса, не имел слов — начальный аккорд гимна, написанного в аду.

Кто-то кинул камень.

Берк легким движением спрыгнул с жертвенника и бросился через площадь, метясь прямо в горло Кор Хала.

Раздался смех, больше похожий на свирепый кошачий вопль. Толпа гибко подалась вперед, как единое живое существо. Пламя факелов отражалось от лезвий ножей, от драгоценных камней, плясало в топазово-зеленых глазах, сверкало на поверхности бормочущих, позвякивающих колокольчиков, на остриях шипов убийственно острых кастетов. Длинные черные языки плеток лизнули воздух с шипением и щелканьем.

Кор Хал дождался, когда Берк подбежит поближе, почти вплотную. Тогда он наклонился и описал разворот, ударив Берка ногой — гра-

циозным приемом марсианского бокса. Удар пришелся Берку под подбородок и отшвырнул его, сбил с ног.

Пока полуоглушенный Берк катался в пыли, Кор Хал вырвал из рук стоящего рядом мужчины плеть.

— Вот так-то, землянин! — крикнул он. — А теперь ползи! Брюхом к земле — и лижи камни, которые были здесь еще до того, как обезьяны на вашей Земле выучились говорить!

Длинная плеть запела, заныла, жаля тело Берка вновь и вновь, оставляя на коже красные рубцы, и толпа завопила:

— Ату его! Ату чудовище Шанги! Погоним его, как гнали когда-то наши отцы всех чужеземцев!

И они погнали чужака вперед, своими плетями, ножами, шипованными кастетами по улицам Валкиса, под уходящими лунами. Они гнали его с визгом и улюлюканьем.

Он попытался драться. Обезумев от ярости, он кинулся на обидчиков, но не смог добраться до них, чтобы схватить. Как только он бросался вперед, толпа словно таяла перед ним, расступаясь, и его настигали жалящие плети, острые ножи или убийственные удары кастетов. Кровь заливала его, но то была его собственная кровь, и громкий

пронзительный женский смех преследовал Берка по пятам.

Он жаждал убивать. Жажда убийства захлестнула его, накрыла красной пеленой — еще более горячей и красной, чем кровь, струившаяся из тела. Но его шатало от боли, в глазах плыл туман, и, не успев схватить и растерзать столь близкую и вожделенную плоть врага, он успевал получить возмездие: длинные плети терзали его, обвиваясь вокруг его шеи, и бросали на землю.

Наконец в нем остались лишь страх и желание убежать.

И ему позволили бежать. По разрушающимся каменным улицам Валкиса, по переулкам, смердящим древними преступлениями… Но далеко его не отпустили. Они отрезали его от канала и свободы, которую сулило морское дно. Снова и снова они заворачивали задыхающееся, спотыкающееся существо, которое некогда было Берком Уинтерзом, капитаном «Старфлайта», и гнали его вперед, вверх по холму.

Теперь Берк двигался медленно. Он хрипел и инстинктивно, ничего не видя перед собой, вертел головой, тщетно пытаясь защититься от подступающих врагов. Кровь горячими каплями капала на камни мостовой. Но безжалостные жа-

ла плетей продолжали впиваться в кожу. Плети гнали Берка вперед.

Все выше и выше. Мимо огромных, смутно маячащих в темноте доков, испещренных выбоинами от когда-то пришвартовывавшихся кораблей, окруженных грудами щебня и пыли — продуктами собственного распада. Четыре уровня над каналом. Четыре гавани, четыре города, четыре эпохи, чья история записана разрушающимися каменными иероглифами. Даже первобытный человек Берк был подавлен и напуган.

Здесь не было жизни. Здесь не было жизни уже Давно, даже на низшем, четвертом уровне. Ветер рыскал в пустых жилищах, вылизывая их стены, стирая углы у домов, превращая в дыры окна и двери, пока совсем не стирал следы рук человеческих Оставались только странные, причудливые фигуры, будто вырезанные самим неугомонным ветром из горных вершин.

Теперь люди Валкиса шли молча. Они гнали зверя, и ненависть их не только не остыла, а, напротив, возросла.

Они шли наверх по костям их собственного мира. Земля была зеленой звездой, молодой и богатой. Здесь же марсиане шли мимо мраморной

пристани, к которой давным-давно причаливали галеры королей Валкиса, но ныне даже сам мрамор уже раскрошился под тяжелой пятой веков.

На горном хребте, возвышавшемся над самым старым городом, стоял королевский дворец, равнодушно взирая на избиение пришельца. Во всем Валкисе стояла мертвая тишина, и нарушало ее только бормотание маленьких колокольчиков, похожее на жалобу ветра, горюющего об ином мире — где женщины бегали на своих маленьких ножках, увязая по щиколотку в пыли.

Берк взбирался вверх по живой истории Марса с ловкостью обезьяны. Он до смерти боялся этих пустых руин, которые не пахли ничем, даже смертью.

Он миновал коралловый риф с домами внутри кольца, вскарабкался вверх и увидел склон, проеденный морем до зияющих дыр Но продолжал упорно двигаться дальше Берк не понимал, что это такое, и не хотел понимать. Выбравшись на ровное место, он пробежал мимо разрушенного пирса, некогда служившего пристанью для кораблей, заходивших в залив, и, остановившись, оглянулся назад.

Преследователи не отстали.

Бока Берка тяжело вздымались, в глазах плеска-

лось отчаяние Он снова устремился вперед, вверх по крутым узким улочкам с выбитыми плитами мостовой и превратившимися в бесформенные груды щебня домами Его руки и ноги оставляли на камнях кровавые следы, похожие на цветки.

Наконец он взобрался на гребень.

Огромная махина дворца смутно чернела впереди, заслоняя небо. Первобытная мудрость подсказывала Берку, что это опасное место Он обогнул высокую мраморную стену, окружавшую дворец, и неожиданно его раздувающиеся ноздри почуяли запах воды.

Распухший язык уже не умещался во рту, горло забила пыль. Он так нуждался в воде, истекая соленой кровью, струившейся из ран, что на мгновение даже забыл о своих врагах и об угрозе каменной громады, возвышавшейся за спиной.

Вприпрыжку беглец помчался к вершине, вскоре уперся в ворота, не раздумывая влетел в них — и тут же почувствовал под ногами свежий дерн, прохладный и мягкий. Там рос кустарник, и цветы смутно белели в лунном свете, и тяжелые чудные темные ветви деревьев вырисовывались на фоне ночного неба.

Ворота позади него бесшумно затворились. Берк не заметил этого. Он бежал по заросшей тра-

вой аллее между причудливо подстриженными деревьями, влекомый запахом воды. То здесь, то там во мраке светились статуи, вырезанные из мрамора и полудрагоценных камней. От ощущения близкой опасности по спине Бер-ка побежали мурашки, но он слишком устал и слишком хотел пить, чтобы остановиться.

Аллея кончилась. За ней было открытое пространство, в центре которого стоял огромный, врытый в землю резервуар, высеченный из камня и украшенный орнаментом из драгоценных камней Вода в нем походила на полированный черный янтарь.

Впереди все было спокойно, не шевелилась ни одна травинка. Крыло дворца поднималось за резервуаром мрачной стеной, с виду совершенно безжизненной, но обостренное чутье Берка говорило ему обратное. Он замер в тени деревьев, принюхиваясь и прислушиваясь.

Ничего. Тьма и тишина. Берк взглянул на манившую его воду. И это возобладало над всеми остальными чувствами беглеца. Он сорвался с места и устремился вперед.

Бросившись животом на плиты из бирюзы, которыми был облицован резервуар, Берк погрузил лицо в ледяную воду и стал жадно пить. Потом

просто лежал без сил, тяжело дыша.

По-прежнему тишина. Никакого движения.

И вдруг ночь прорезал долгий, протяжный вой, донесшийся откуда-то из-за дворца.

Берк напрягся. Он встал на четвереньки, и каждый волосок на его теле ощетинился от страха.

За воем последовал странный визг какой-то рептилии.

Теперь, когда жажда не мучила его, Берк смог уловить в ночи множество запахов. Они были слишком многочисленны и перемешаны, но среди них выделялся один — сильнейшая мускусная вонь, вызывавшая инстинктивное отвращение. У Берка даже мурашки по коже побежали. Он представить не мог, что за тварь способна испускать такую омерзительную вонь, но содрогнулся от ужаса, ибо ему показалось, что он почти знает, — а Берк не хотел знать.

Он хотел одного — унести ноги, убраться как можно скорее из этого места, наполненного некоей тайной жизнью, тишиной и скрытой угрозой.

Он двинулся назад, к деревьям — по своим следам. Очень медленно, потому что был весь изранен и очень слаб. А потом вдруг увидел ее.

Она возникла на поляне внезапно, совершенно беззвучно, явившись из тени огромных цветущих

кустов. Она стояла неподалеку, освещенная изменчивым сиянием двух маленьких плывущих над головой лун, и глядела на него большими глазами. Было видно, что она готова обратиться в бегство при любом его неосторожном движении. Волосы, струившиеся по спине, и пушок, покрывавший все ее тело, были серебристо-лунного цвета.

Берк остановился. Чувство безвозвратной потери и отчаянное желание вернуть утраченное с новой силой нахлынули на него, и он почувствовал неодолимое желание быть рядом с этой хрупкой серебристой самочкой.

Имя всплыло само собой из сумеречных недр его души.

— Джилл?

Она вздрогнула. Берку показалось, что она сейчас убежит, и он снова позвал:

— Джилл!

И тогда она стала подходить к нему, неуверенно, шаг за шагом, все ближе, ближе, прелестная, как олениха весной.

Она издала какой-то звук, подразумевавший вопрос, и он ответил ей:

— Берк.

Она постояла, повторяя имя, а потом, всхлип-

нув, побежала к нему.

Берка затопила волна счастья. Он засмеялся, повторяя ее имя снова и снова, и глаза его были полны слез. Он протянул к ней руки.

И тут просвистело копье. Дрожа, оно вонзилось в землю между ними.

Джилл издала предостерегающий крик и исчезла в кустах. Берк хотел последовать за ней, но колени его подогнулись, и он обернулся назад с рычанием.

Из-за деревьев вышли огромные стражники-кеши и окружили его кольцом. В руках у них были копья и сети. Берк и опомниться не успел. Острия копий упирались в его спину, пока сети опутали по рукам и ногам. Берк упал, беспомощно барахтаясь.

Два звука раздались в ночи: вопль серебристой самки и женский издевательский смех — где-то совсем рядом.

Он уже слышал этот смех. Он не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах, но он помнил его с такой яростью, что стражам пришлось ударить пленника Древком копья по голове, чтобы Берк угомонился.

Глава 3

Берк пришел в себя в комнате, поразительно похожей на ту, где он находился перед тем, как потерять сознание. Разве только стены здесь были другие — темно-зеленого камня, и на потолке не было призмы.

Уинтерз не мог вспомнить, что приключилось с ним после того, как он побывал в той комнате; он только знал, что пережил какое-то потрясение. Имя Джилл заслоняло все в его мозгу, и Берка затрясло от волнения.

Он вскочил на ноги и лишь тогда заметил, что закован в кандалы. Цепи соединяли браслеты на его запястьях с браслетами на щиколотках, проходя через металлический пояс на талии. Кроме кандалов, на нем не было ничего. Он также обратил внимание, что все его тело покрыто свежими шрамами.

Тяжелая дверь распахнулась прежде, чем он начал барабанить в нее. Четверо высоких варваров в изукрашенных великолепными каменьями кованых доспехах окружили его и повели куда-то. Впереди шагал офицер. Они не разговаривали с Уинтерзом, и он понял, что это бесполезно — пы-

таться что-то выудить из них.

Он совершенно не представлял, где находится и как он сюда попал; он только смутно помнил боль и бесконечный бег, но все это случилось будто во сне.

Но там же, в этом же сне он видел Джилл, он говорил с ней. Он был уверен, что она так же реальна, как кандалы на его ногах.

Уинтерз споткнулся, потому что глаза его застилали слезы. До того момента он не был уверен. Он видел покореженный остов ее флаера и, хотя не поверил в случившееся, все же допускал мысль, что Джилл и вправду мертва и потеряна безвозвратно.

Но теперь он знал. Она жива, и будь Уинтерз один, то заплакал бы, как ребенок.

Но он не заплакал, а принялся внимательно изучать коридоры и огромные залы, по которым его вели стражники. Из масштабов здания и красоты убранства Уинтерз заключил, что находится во дворце, и предположил, что это тот самый дворец, который он видел на утесе, над Валкисом. Он понял, что не ошибся, когда разглядел сквозь амбразуру город, лежащий внизу.

Дворец был древнее, чем все старые замки, которые Берк видел на Марсе, — кроме разве руин

Лхаки в северной пустыне. Но здесь были отнюдь не руины. Этот дворец, состарившись, сохранил свою мрачную красоту. Мозаичные узоры на полу потеряли четкость, драгоценные камни истерлись, истончились, словно фарфор. Гобелены, сохранившиеся до сего времени благодаря утерянному много веков назад секрету производства (как и многое на Марсе), стали хрупкими и ломкими, краски потеряли первозданную яркость и едва-едва светились, но гобелены все равно были бесконечно прекрасными — и рождали бесконечную печаль.

На стенах и на высоких сводах потолка пестрели фрески — великолепные свидетельства утраченного величия и славы, смутные и неясные, как память глубокого старца. Они изображали бездонные синие моря, корабли с высокими мачтами, воинов в доспехах, украшенных драгоценными каменьями, и плененных принцесс, чудесных, как темные жемчужины.

Величественная архитектура, сочетавшая в себе красоту и силу, выразила ту причудливую смесь высокой культуры и варварства, что вообще типична для Марса. Уинтерз задумался о том, как давно были высечены в каменоломнях камни этого дворца, и пришел к заключению,

что в те времена первая цивилизация Марса уже уничтожила себя в атомных войнах и гордые короли Валкиса были всего-навсего разбойничьими главарями в погружавшемся во мрак вечной ночи мире.

Наконец они подошли к золотой двери высотой в два человеческих роста. Стражи-кеши, стоявшие в карауле, распахнули створки, и глазам Берка предстала Тронная зала.

Лучи клонившегося к закату солнца проникали сквозь узкое окошко, падая на колонны и на украшенный мозаикой пол. Слабый отсвет лежал на сверкающих щитах и мечах покойных королей, окрашивал в теплые тона дряхлые знамена, ненадолго возрождая их к жизни. Все остальное в зале было погружено в полумрак, наполненный шорохом, шепотом и слабым умирающим эхом.

Холодный золотой луч падал прямо на трон, стоявший в дальнем конце залы.

Сиденье трона было высечено в цельной глыбе черного базальта, и, когда Уинтерз подошел ближе, гремя цепями, он заметил, что глыба сильно обкатана морем. Бока ее были очень ровные и гладкие, терпеливо отполированные песком во время бесчисленных приливов и отливов; на подлокотниках, где лежали бесчисленные руки,

тоже образовались глубокие впадины. Впадины были и на базальтовой ступеньке для ног.

На троне восседала старуха. В черном свободном одеянии, волосы уложены серебристой короной и оплетены жемчугами. Она уставилась подслеповатыми глазами на землянина и вдруг заговорила на звучном верхнемарсианском — столь же древнем, как санскрит на Земле. Уинтерз не понял ни слова, однако по выражению ее лица догадался, что старуха безумна.

Кто-то сидел у ее ног, скрытый густой тенью, за пределами золотого столба солнечного света, невидимый для Уинтерза. Он смог разглядеть лишь смутную бледность кожи цвета слоновой кости — и в его душе зародилось дурное предчувствие.

Когда он приблизился к трону, старуха поднялась и простерла к нему руку — морщинистая Кассандра, накликающая несчастье. Дикое эхо ее истошного вопля заметалось по зале, отразившись от высокого свода; в глазах старухи горела обжигающая ненависть.

Стражи толкнули Уинтерза вперед древками копий, и он рухнул лицом вниз перед базальтовыми ступенями.

Низкий, мелодичный, издевательский смех

послышался из густой тени — и чья-то маленькая ножка, обутая в сандалию, надавила на шею Уинтерза.

Он узнал этот голос.

— Капитан Уинтерз! Королева Валкиса приветствует тебя.

Обладательница голоса сняла ногу. Он встал. Старуха уже полулежала на троне. Теперь она бормотала что-то вроде молитвы, и ее лицо, обращенное кверху, светилось благоговейным восторгом.

И снова из тени донесся знакомый голос:

— Моя мать повторяет речь, которую она произнесла при коронации. Сейчас она потребует дань от Внешних островов и прибрежных племен. Время и действительность не имеют для нее смысла, ей нравится играть в королеву. А потому, как ты видишь, я, Фэнд, правлю Валкисом, находясь в тени трона.

— Иногда, — заметил Уинтерз, — тебе следовало бы выбираться на свет.

— Да.

Мягкий, быстрый шелест — и она уже стояла перед Уинтерзом в луче солнца.

Ее волосы были черны, как ночь после захода луны, и завиты в затейливые локоны. Фэнд

одевалась по странной, вызывающей моде разбойничьего королевства: длинная пышная юбка, подобранная до пояса по бокам, так что при ходьбе были видны обнаженные бедра, широкий, украшенный драгоценными камнями пояс, воротник из золотых пластинок-кружочков. Маленькие прелестные обнаженные груди упруго выступали вперед, тонкое тело гибко извивалось с кошачьей грацией.

Лицо было именно таким, каким он его запомнил. Горделивое и утонченное, с золотыми глазами и ртом, похожим на алую ягоду, сладким, как мед, и горьким, как яд. Под изысканной прелестью Фэнд таилась ленивая и дремотная сила, убийственное очарование разящей, как смерть, красоты.

Она взглянула на Уинтерза и улыбнулась:

— Что ж, наконец-то ты достиг конца пути.

Он перевел взгляд на свои кандалы и обнаженное тело.

— Довольно странный конец. Я хорошо заплатил Кор Халу за это. — Он испытующе посмотрел на Фэнд: — Это ты правишь Шангой? Не только Валки-сом? В таком случае, должен заметить, что ты не слишком гостеприимна.

— Напротив, я очень забочусь о своих гостях.

Впрочем, ты все увидишь сам. — Ее золотые глаза дразнили Уинтерза. — Но ты пришел сюда не для того, чтобы заниматься Шангой.

— Зачем же?

— Чтобы найти Джилл Леланд.

Уинтерз даже не особенно удивился. Подсознательно он понимал, что Фэнд знает это. Однако он попытался изобразить удивление.

— Джилл Леланд мертва.

— Разве? Ты же видел ее в саду и даже разговаривал с ней, — Фэнд рассмеялась. — Ты думаешь, мы столь глупы? Каждый, кто является в зал Шанги в торговом городе, проходит тщательную проверку и тест. Мы были особенно внимательны с тобой, капитан Уинтерз, потому что твой физический тип не склонен к практике Шанги. Такие мужчины слишком сильны, чтобы бежать от действительности. Ты, конечно же, знал, что твоя невеста пристрастилась к Шанге. Тебе это не нравилось, и ты попытался остановить ее. Кор Хал рассказывал, что она была весьма удручена твоим поведением и жаловалась ему не раз.

Но Джилл зашла слишком далеко. Она умоляла нас подарить ей настоящую Шангу, в полную силу. Она помогла нам инсценировать ее гибель на дне моря. Впрочем, мы бы и сами сделали то

же самое, ради собственной безопасности, ведь у Джилл очень влиятельные друзья. К чему нам такие осложнения — чтобы наших клиентов разыскивали ищейки. Но она хотела, чтобы именно ты поверил в ее смерть, чтобы ты забыл ее. Она сказала, что не вправе выйти за тебя замуж, что она разобьет твою жизнь. Правда, трогательно, капитан Уинтерз? Почему ты не плачешь?

Уинтерзу хотелось не только заплакать. Ему страстно захотелось стиснуть, сжать своими ручищами это дьявольски прекрасное тело, сломать его, а потом растоптать, размазать по полу.

Но его кандалы успели лишь коротко звякнуть, как острые копья взвились в воздух, оставив на обнаженной спине пленника следы злых поцелуев. И Уинтерз послушно остался стоять на месте.

— Зачем ты сделала это? Из ненависти — или ради денег?

— И то и другое, землянин. И еще по одной причине, куда более важной, чем и то и другое. — Губы Фэнд скривились в мимолетной усмешке. — А кроме того, я не сделала ничего дурного твоему народу. Да, я построила Залы Шанги. Но земные мужчины и женщины деградируют по своей собственной воле. Подойди сюда.

Она жестом позвала его за собой, к окну. Прохо-

дя по огромной зале, она закончила:

— Ты видел лишь часть дворца. Мы отремонтировали и перестроили дом моих предков на земные деньги. На деньги обезьян, которые желают вернуться к своему изначальному состоянию, потому что цивилизация, которую они взвалили на свои плечи, оказалась слишком тяжким для них бременем. Посмотри туда. Это тоже сделано на деньги землян.

Уинтерз выглянул из окна и увидел то, что практически исчезло с лица планеты Марс, — сад. Многоцветный, сверкающий, словно драгоценный камень, сад, по-видимому, точно такой же, какой цвел здесь много веков назад и какой должен быть при дворце. Просторные лужайки с бронзовато-зеленой травой, идеально подстриженные, ухоженные кусты и деревья, статуи…

Отчего-то — он не мог вспомнить отчего — при виде этого сада его зазнобило.

Но сад был лишь частью того, что предстало глазам Уинтерза. Малой частью.

Склоны холма под окном уходили вниз, образуя углубление в форме широкой чаши глубиной в четверть мили. Уинтерз заглянул на самое дно. Даже разрушенный временем, амфитеатр поражал своей красотой: секторы сидений под-

нимались вверх подобно вырубленным в камне ступеням, ведя к краям чаши. Уинтерз попытался представить себе, как это все выглядело в те далекие времена, когда в амфитеатре проводились бои и игры и все скамейки были заполнены тысячами зрителей.

Но теперь на месте арены раскинулся сад — еще один сад. Дикий, переплетшийся ветвями, закрытый отвесными стенами, ограждавшими зрителей от зверей. Там были заросли и открытые лужайки, и Уинтерзу было видно, как среди зарослей движутся какие-то тени — странных, причудливых очертаний. Издалека, в косых лучах заходящего солнца, он не мог толком рассмотреть, что это такое, но его пронзил леденящий страх, предчувствие какого-то кошмара.

В самом центре арены голубело озеро. Не очень большое и, похоже, не очень глубокое, но там плескались какие-то твари, и Уинтерзу почудилось слабое эхо вопля неведомой рептилии. Того самого вопля…

Фэнд смотрела на амфитеатр со странной, неторопливой усмешкой. Уинтерз заметил, что нижние ряды амфитеатра уже заняты, и зрители подходили еще и еще.

— Что же это такое, что важнее денег и ненави-

сти к землянам? — спросил он.

Гордость древней расы, родовая гордость засветились в глазах Фэнд, когда она ответила ему. Уинтерз даже забыл о своем отвращении к ней, потрясенный ее искренностью.

Она произнесла одно только слово:

— Марс.

Старуха услыхала ее и что-то крикнула. Потом набросила на голову край своей черной мантии и затихла.

— Марс, — негромко повторила Фэнд. — Планета, которой не дано было даже умереть достойно, сохранив свою честь, потому что слетелись стервятники, чтобы расклевать мертвое тело, и жадные крысы выпили из нее остатки крови и гордости.

— Не понимаю, — пожал плечами Уинтерз, — какое отношение имеет к Марсу Шанга?

— Увидишь. — Она внезапно переключила свое внимание на него. — Ты бросил вызов Шанге, землянин, подобно тому, как твой народ бросил вызов Марсу. Но мы посмотрим, кто сильнее!

Она дала знак офицеру, и он удалился. Потом Фэнд повернулась к Уинтерзу:

— Ты хотел вернуть свою девушку. Ради нее ты был согласен пройти сквозь огонь Шанги,

несмотря на то, что питал к нему отвращение. Ты не испугался опасности потерять самого себя под воздействием радиации, хотя через определенное время перемены в живом организме становятся необратимыми. И все это ради Джилл Леланд. Ты все еще хочешь получить ее обратно?

— Да.

— Ты так уверен?

— Да.

— Очень хорошо. — Фэнд оглянулась через плечо и закончила: — Она здесь.

Уинтерз не сразу заставил себя обернуться.

Фэнд отошла в сторонку, наблюдая за ним с жестокой улыбкой. Спина у Уинтерза онемела. Затем он все-таки повернулся.

В солнечном свете стояла она — растерянное, испуганное, дикое и сверкающее существо зари человечества. На шее у нее болталась веревка. Стражи смеялись.

«Она не так уж переменилась, — с отчаянием подумал Уинтерз. — Назад, к первобытному человеку, но все же не к обезьяне. В ее глазах еще светятся душа и огонь разума. Джилл, Джилл, как ты могла это сделать?»

Но теперь-то он хорошо понимал, как. Он вспомнил их жестокие ссоры из-за Шанги. Пре-

жде он считал Шангу глупой ребяческой забавой, не достойной интеллекта Джилл, хотя и разрушительной, как любой наркотик. Теперь же он понимал.

Теперь он знал. И его терзал страх, дикий страх, потому что он слишком хорошо понимал.

Ибо теперь он и сам был среди зверей Шанги. И несмотря на весь ужас, с которым Уинтерз взирал на это создание, бывшее Джилл — и в то же время не Джилл, — в нем тлело еще одно чувство — вожделение к самке, казавшейся Уинтерзу еще более привлекательной, более соблазнительной, нежели прежняя Джилл. Эта новая Джилл была свободна от всех запретов и условностей мира, и сильное тело ее жило свободной жизнью. Она походила на быстроногую олениху, дрожащую чувственной дрожью.

«Нас будет двое. Первобытная женщина, первобытный мужчина. Сильные мускулы, сильные чувства, мужество, отнятое городами…»

— Ее еще можно спасти, — заметила Фэнд. — Если ты найдешь способ, как сделать это. Впрочем, тебе самому понадобится кто-то, кто спасет тебя, капитан Уинтерз! — неожиданно закончила она.

Его замутило от отвращения, а в глазах по-прежнему горели странные огоньки.

Серебряная самка приближалась. Ее глаза неотрывно смотрели на него. Он понял, что ее неукротимо влечет к нему, и попытался понять почему. Самка не произнесла ни звука, и мучительный спазм перехватил его горло, лишив дара речи.

Стражник слегка отпустил веревку, чтобы она могла двигаться свободно. Джилл подошла к Уинтерзу, очень нерешительно, осторожно, как зверь. Потом остановилась и заглянула ему в лицо. Ее большие темные глаза наполнились слезами. Она тихонько всхлипнула и опустилась на колени у его ног.

Старуха издала каркающий смешок. Глаза у Фэнд были как две чаши расплавленного золота.

Уинтерз нагнулся и обнял Джилл. Затем поднял ее с пола и прижал к себе в яростном порыве защитить.

Очень тихо он спросил у Фэнд:

— Ты увидела все, что хотела. Мы можем идти?

Та кивнула.

— Отведите их в сад Шанги, — приказала она и добавила: — Почти самое время.

Стражники повели их, Берка Уинтерза и женщину, которую он потерял, а теперь вновь обрел, через огромные, гулкие залы дворца, затем вниз,

по пологим склонам холма, — в амфитеатр.

Тяжелая металлическая решетка закрывала вход в туннель. Стражники отомкнули замок и, сняв с Уинтерза кандалы, швырнули его и Джилл внутрь. Дверь с лязганьем захлопнулась.

Крепко держа Джилл за руку, Уинтерз миновал туннель и вышел на арену — в сад Шанги.

Он остановился, щурясь от яркого света. Пальцы Джилл еще крепче вцепились в него. Она все дрожала в томительном ожидании чего-то и напряженно прислушивалась, склонив набок голову.

Не успел Уинтерз опомниться, как прозвучал первый удар гонга, звучный и мелодичный, словно зовущий служителей темных сил к черным молитвам. У него было только несколько секунд, чтобы успеть оглядеться и увидеть бродящих на четвереньках человекоподобных существ, почуять в воздухе резкий звериный запах, услышать плеск воды и шипение в озерце.

Но этих секунд оказалось достаточно, чтобы понять — и содрогнуться от ужаса и леденящего страха. Уинтерзу на мгновение почудилось, что все это только снится ему, и он возжелал ослепнуть, оглохнуть, а лучше всего — умереть.

Над стеной, отгораживавшей амфитеатр от

зрителей, виднелись лица марсиан. Они смотрели вниз с любопытством, словно разглядывали в зоопарке редких доисторических животных — ужасных и злобных, к которым они, марсиане, испытывали личную ненависть и отвращение.

Потом снова зазвонил гонг, и Джилл рванулась в сторону, таща Берка за руку. В саду воцарилась напряженная тишина. Почти сразу же в воздух взмыл дружный вой, рев и визг, отвратительный, жуткий. В нем слышались человеческие нотки, но еще больше было звериного. Уинтерз услышал рядом с собой вопль Джилл, повторявшей снова и снова только одно слово:

— Шанга! Шанга!

Тут Уинтерз вдруг понял, что имела в виду Фэнд, когда говорила о Марсе. Это пришло, как озарение. Пока Джилл тащила его между деревьями к лужайке в центре амфитеатра, он постиг, что этот сад Шанги — просто зверинец, куда приходят жители Марса, чтобы полюбоваться на зверей, которые покорили их мир.

Горячий, жаркий стыд затопил его. Обезьяноподобные существа, разгуливавшие голыми среди деревьев, были рабами пламени Шанги!

Не помня себя, он заорал на Джилл, пытаясь остановить ее.

Но она с удвоенной силой поволокла его за собой, так что Уинтерзу пришлось упереться пятками в землю, чтобы затормозить. Джилл повернулась к нему и прохрипела:

— Шанга!

Огромный первобытный мужчина вылетел из кустов прямо на них. Он уже разучился даже говорить и только издавал какие-то странные восторженные звуки. За ним бежали другие — мужчины, женщины, подростки, возвратившиеся в свое изначальное, первобытное состояние. Этот поток окружил, повлек за собой Уинтерза и серебристую самку, некогда бывшую Джилл. Уинтерз попытался выбраться из него, но тщетно.

Чем они ближе подвигались к центру площадки, тем многочисленней становилась толпа. Все спешили на призыв гонга.

Уинтерз вдруг почувствовал приступ неукротимой тошноты. Это была настоящая Вальпургиева ночь, шабаш нечисти. И сам он тоже был невольным его участником, обреченным на разрушение.

Те, что, подобно Джилл, ушли не слишком далеко по дороге, ведущей назад, не пробуждали особого ужаса. Они еще оставались людьми. Уинтерз

помнил, что сам был таким же. Но попадались и иные. Ниже уровня первобытного человека, ниже неандертальца, ниже питекантропа, ниже недостающего звена между человеком и обезьяной — к нашему общему доисторическому предку.

Бесформенные, волосатые твари со скошенными черепами и маленькими, горящими красным огнем глазками, с острыми желтыми клыками… Такого не видели даже антропологи. Не люди и не обезьяны — вообще непонятно кто.

Все черные тайны эволюции жизни на Земле стали явью и были представлены в этом саду для обозрения марсиан. Даже Уинтерз, сам житель Земли, содрогнулся, увидев, от кого он в конечном счете произошел. Какие чувства могли испытывать марсиане к землянам, стоявшим так близко к собственным истокам?

Но Уинтерзу было дано увидеть и то, что лежало за этой гранью…

Гонг прозвонил в последний раз. Поток сгорбленных волосатых тварей с широкими плечами и низкими надбровными дугами, уродливых существ, ходивших на четырех лапах, вынес Джилл и Уинтерза на середину площадки, где, как он смог разглядеть из окна дворца, располагалось озеро.

Острая мускусная вонь витала в воздухе. Запах был, как в террариуме. Поверхность воды пошла рябью, вспенилась: твари, обитавшие в озере, пытались ответить на зов гонга.

Назад, к общему предку, а потом еще дальше. Минуя млекопитающих, к рептилиям — к жабрам и чешуе, к яйцам, отложенным в теплой болотной жиже, к шипению и ползанию, далеко-далеко!

— Шанга! Шанга! — задыхалась Джилл, глядя куда-то вверх, и черная волна ярости захлестнула Уинтерза. Какая-то влажная черная тварь проскользнула между ногами, и его качнуло от отвращения. Поверхность озера снова пошла рябью, но Уинтерз даже не повернулся в ту сторону. Он просто не мог смотреть.

Схватив Джилл за руку, он попытался протиснуться сквозь толпу… Тщетно. Он был в западне, в ловушке.

Взглянув вверх, Уинтерз увидел призмы, подвешенные на длинных стрелах. Призмы уже разогревались, наполнялись знакомым красным свечением.

Вот теперь он точно дошел до конца пути. До конца поисков Джилл, до конца всего. Первые лучи Шанги, убийственные и сладостные, вонзи-

лись в его плоть. Он ощутил в себе разгорающееся желание, неутолимую жажду — и шевеление зверя, который был так близко к человеческой оболочке. Он вдруг подумал об озере и попытался представить, каково это — лежать во влажной грязи, дыша через жаберные щели, словно эмбрион в утробе матери.

«Потому что там мое место, — подумал он. — В озере. Мое и Джилл. А дальше? Амеба, а что потом?..»

Тут его взгляд упал на королевскую ложу, откуда бывшие правители Валкиса наблюдали бои гладиаторов, смотрели, как льется кровь. Теперь там сидела Фэнд.

Она оперлась своими изящными локотками о камень барьера, и Уинтерзу показалось, что даже на таком расстоянии он различает усмешку и презрение в ее золотых глазах. Рядом был Кор Хал и старуха, закутанная в черную мантию.

Огни Шанги разгорались все ярче. Теперь на лужайке царила тишина. Лишь изредка слышался тихий стон или всхлип, но это не нарушало молчания, только делало его еще глубже. Теплый отсвет плясал на обращенных вверх лицах, горел в широко раскрытых глазах. Вокруг каждого тела — даже тех, что были покрыты чешуей, — све-

тился нимб красоты. Джилл тоже стояла там, обратив лицо к двойному солнцу, к тонкому лучу серебряного пламени.

Безумие уже проникло в ее кровь. Мускулы и сухожилия напряглись, тело скорчилось, потом выгнулось дугой. Мягкая вуаль забвения, всепрощающего, всеотпускающего. Джилл и Берк, первобытный мужчина и первобытная женщина. Они счастливы моментом, они не знают ничего, кроме своей любви, кроме собственного удовольствия. Почему нет? В конце концов, они теперь оба здесь, отмеченные одной печатью.

Потом Уинтерз услышал смех и улюлюканье марсиан, которые собрались полюбоваться на срам завоевателей. С усилием он оторвал глаза от греховного пламени и опять посмотрел на Фэнд, повелительницу Валкиса, на Кор Хала и на тысячи незнакомых лиц. В его глазах вспыхнула холодная страшная ярость.

Толпа на лужайке поредела. Твари лежали на траве, извиваясь от наслаждения. Джилл стояла на коленях. Уинтерз вдруг почувствовал, как силы оставляют его. Это восхитительная боль, прекрасная, безумная, ликующая боль…

Он схватил Джилл и поволок ее к деревьям, прочь из круга света.

Она не хотела идти. Она визжала, царапала его лицо ногтями, пинала ногами. Уинтерзу пришлось ударить ее. После этого Джилл сразу обмякла и покорно повисла у него на руках.

Он продолжал идти, спотыкаясь об извивающиеся тела, падая и поднимаясь. Последние метры Уинтерз преодолел ползком, на четвереньках. Одна мысль гнала его вперед. Одно желание заставило его пройти через муки ада — борьбу с пламенем Шанги.

Он должен стереть эту презрительную улыбку с лица Фэнд.

Лучи становились все слабее и наконец совсем пропали. Теперь Уинтерз был в безопасности, за пределами круга. Он оттащил Джилл подальше в кусты и повернулся спиной к лужайке, ибо ему нестерпимо хотелось обратно, так хотелось, что он даже не смел обернуться.

Он не вернулся. Он заставил себя выпрямиться и встать лицом к королевской ложе. Его поддерживало только одно — гордость. Уинтерз посмотрел в далекие глаза Фэнд, и до него донесся ее серебристый голос:

— Ты все равно вернешься к Шанге, землянин. Завтра или послезавтра — но ты вернешься.

В ее голосе звучала уверенность — уверенность

человека, знающего, что солнце непременно взойдет на востоке.

Берк Уинтерз не ответил ей. Он постоял еще мгновение, глядя в глаза Фэнд. Потом силы покинули его, и даже гордость не помогла. Он рухнул как подкошенный.

Но успел подумать о Фэнд. Фэнд и Марс бросили вызов Земле, и теперь Уинтерз боролся не только за спасение Джилл.

Глава 4

Когда он пришел в себя, стояла глубокая ночь. Джилл терпеливо сидела рядом. Она дала ему пищи, а пока он жадно ел, принесла воды в широком вогнутом листе.

Он попытался разговаривать с ней, однако пропасть между ними была слишком велика. Джилл казалась мрачной и подавленной и старалась держаться подальше. Ведь Уинтерз лишил ее пламени Шанги, и Джилл не забыла об этом.

Уинтерз понял, что вместе с ней ему не спастись. Тогда он встал и пошел. Она не двинулась с места.

Две луны все еще освещали сад, хотя стояли уже совсем низко. Звери Шанги спали, как спали по ночам их обезьяньи предки.

Стараясь двигаться неслышно, Уинтерз обследовал арену в поисках выхода. В его голове созрел план. Не самый надежный план — и вообще, скорее всего, он будет мертв еще до утра, — но ничего другого не оставалось. К тому же смерть не страшила Уинтерза. Он был человек, землянин; его ярость превосходила страх.

Стены арены были высокими и гладкими. Даже

обезьяна не смогла бы вскарабкаться по ним. Все туннели оказались закрыты, кроме одного — того, через который он попал сюда. Уинтерз подполз поближе и потрогал решетку: заперто. К тому же неподалеку горел костер, у костра сидели двое стражников.

Уинтерз вернулся на арену.

Амфитеатр был абсолютно пуст: он не заметил там ни одного караульного. Просто некого было караулить. В сущности, стены амфитеатра служили надежной тюрьмой, да и обитатели сада не помышляли о бегстве от радостей Шанги.

Потерпев поражение, не успев даже начать борьбу, Уинтерз стоял, с отчаянием разглядывая сверкающие стены. Потом вдруг взгляд его упал на стрелы, к которым крепились призмы Шанги.

Он подошел поближе и внимательно оглядел ближайшую стрелу. Она была высоко, не дотянуться — металлический шест, закрепленный другим концом в амфитеатре и нависающий над стеной. Две призмы улавливали лучи Шанги и фокусировали их, направляя на лужайку.

Высоко, слишком высоко. Но будь у него веревка…

Уинтерз вернулся к деревьям. Он оторвал несколько лиан и связал их друг с другом. Потом

прикрепил к концу получившегося каната обломок увесистого сухого сука — в качестве груза. И возвратился к стреле.

Третья попытка увенчалась успехом. Он перекинул через стрелу свою ненадежную веревку и для верности скрутил концы. Осторожно, пядь за пядью, пополз вверх, моля Бога о том, чтобы канат не оборвался под его весом.

Ему показалось, что он полз неимоверно долго. Уинтерз ощущал себя голым и беззащитным в ярком лунном свете.

Лианы выдержали, стражники не заметили его, никто не закричал оглушительным голосом. Прижавшись к стреле, он бросил вниз предательскую веревку и осторожно пополз вперед. Вскоре он был в безопасности амфитеатра.

Избежав встречи с караульными у входа туннеля, Уинтерз незамеченным выбрался из амфитеатра и обогнул холм. Изменчивые тени, отбрасываемые предметами под лучами двойных лун, сослужили ему добрую службу, делая реальное нереальным.

Дворец уже возвышался над ним, огромный и темный.

Только два окна светились там. Одно — на первом этаже, где, скорее всего, размещалась

стража, и другое — на третьем, и свет в нем был тусклый-тусклый, как от единственного факела. Уинтерз надеялся, что именно там находятся апартаменты Фэнд.

Он взобрался по склону, нырнул в спасительную сень сада, затем крадучись вошел во дворец. Полуразрушенная громадина вряд ли тщательно охранялась, даже если бы на то имелись причины. Бесшумно переступая босыми ногами, Уинтерз прошел через огромный пустой холл, стараясь держать в голове план дворца.

Его глаза уже привыкли к темноте, к тому же сквозь амбразуры проникал лунный свет, так что он видел, куда идет. Комната, зала, коридор, пропахшие пылью и смертью, грезящие и скорбящие над своими полинявшими от времени флагами и поломанными трофеями, вспоминающие о былой славе…

Уинтерза била дрожь. Холодное дыхание вечности коснулось его.

Он нашел лестницу, потом еще одну и наконец на третьем этаже увидел свет — тоненькую полоску света, пробивавшегося через щель в двери.

У двери не было ни души. Настоящая удача! Не только потому, что отсутствие стражников избавляло Уинтерза от лишних забот, но еще

потому, что подтверждало правильность некоторых догадок в отношении Фэнд. Да, Фэнд не терпела контроля над собой, она уходила и приходила, когда ей вздумается. Фэнд здесь на своей территории, в полной безопасности, и караульные — только излишняя роскошь. Здесь у нее не могло быть врагов.

Кроме одного.

Уинтерз беззвучно открыл дверь. На низкой кушетке спала служанка. Она даже не пошевелилась, когда он прошел мимо. За высокой аркой, занавешенной тяжелыми портьерами, он нашел леди Фэнд.

Она лежала на огромной, украшенной резьбой кровати королей Вал киса. Фэнд казалась в ней маленькой, как ребенок. Она была невероятно красива. Очень порочная, но дьявольски красивая.

Уинтерз безжалостно ударил ее. Фэнд потеряла сознание, не успев проснуться, даже не вскрикнула. Он связал ее шелковыми юбками и кушаками, которые нашел в комнате, и заткнул рот кляпом. Взвалив Фэнд на плечо, молча ушел назад тем же путем, что пришел.

Все оказалось очень просто. Уинтерз даже не предполагал, что это будет так просто. Видимо,

люди редко защищаются от того, что им кажется невозможным.

Фобос ушел с небосвода, продолжая свой бег вокруг Марса, и Деймос был уже слишком низко и почти не давал света. Уинтерз пробирался назад в амфитеатр, то неся бесчувственную Фэнд на плече, то волоча ее за собой по земле через открытое пространство. Наконец он донес ее до стены, отделявшей амфитеатр от площадки.

Высота была футов двадцать, и Уинтерз постарался причинить пленнице как можно меньше вреда. Она была не нужна ему мертвая. Потом он сам перекинул ноги за стену, на мгновение повис на руках — и упал в мягкий кустарник.

Поднявшись, он первым делом бросился к Фэнд — убедиться, что та не пострадала. Тогда он быстро оттащил ее в глубь сада. Неподалеку от лужайки заросли были особенно густыми, и Уинтерз направился именно туда, таща за собой наследницу королей Валкиса.

Потом принялся ждать.

Ее глаза глядели на него в полумраке, яркое золото над алым пятном шелкового кляпа.

— Да, — сказал он, — ты в саду Шанги. Это я принес тебя сюда. Мы должны кое-что обсудить, Фэнд. Я предлагаю тебе сделку.

Он вытащил кляп, но не убрал от ее рта руку, опасаясь, что она закричит.

— Между нами не может быть сделок, землянин, — ответила Фэнд.

— Твоя жизнь, Фэнд. Твоя жизнь в обмен на мою и Джилл, и всех тех, кого еще можно спасти. Вели уничтожить призмы, останови безумие, и ты будешь жить долго, как твоя безумная мать.

Но в глазах Фэнд не было страха. Непреклонная гордость и ненависть, но не страх. Она рассмеялась.

Уинтерз протянул руку, и его пальцы железной хваткой сомкнулись вокруг ее горла.

— Очень тонкая шея, — заметил он, — мягкая и нежная. Я сломаю ее двумя пальцами.

— Так ломай же, землянин. Шанга проживет и без меня. Кор Хал займет мое место. А ты — Берк Уинтерз — ты не сможешь освободиться от Шанги.

Уинтерз кивнул.

— Я знаю, — спокойно сказал он. — А потому я должен уничтожить Шангу до того, как она уничтожит меня.

Фэнд взглянула на него, слабая и безоружная. И вновь рассмеялась.

Он пожал плечами:

— Возможно, мне не удастся этого сделать. Я пойму это, когда будет уже слишком поздно. Но я забочусь не о себе, Фэнд. Я был бы вполне счастлив, бегая по твоему саду на четвереньках. Возможно, я был бы счастлив, даже барахтаясь в озере. Сейчас я не могу думать об этом без содрогания, но после дозы лучей Шанги все воспринимается по-другому. Так что дело совсем не во мне.

— В чем же?

— У Земли тоже есть гордость, — произнес он очень серьезно. — Более юная и незрелая, чем у Марса. Мы можем быть жестокими и несносными, я не спорю. Но в целом Земля — хорошая планета, ее люди — хорошие люди, и мы сделали для развития Солнечной системы больше, чем все остальные миры, вместе взятые. Я землянин и не потерплю позора собственной расы. — Он обвел взглядом амфитеатр. — Думаю, что люди Земли и Марса могли бы многому научиться друг у друга, если бы им не мешали фанатики с обеих сторон. Ты — самая страшная из всех, о ком я только слышал, Фэнд. Ты даже хуже, опасней фанатика. — Он изучающе посмотрел на нее. — Мне кажется, что ты такая же сумасшедшая, как твоя мать.

Фэнд не вспыхнула от его слов, и он убедился, что она отнюдь не безумна — лишь изуродована своим образом жизни и воспитанием.

— Что ты собираешься делать?

— Ждать до рассвета, может, дольше. Во всяком случае, пока у тебя есть время подумать. Тогда я дам тебе последний шанс. После этого я убью тебя.

Она улыбалась, когда он засовывал ей обратно кляп, и глаза ее оставались невозмутимыми.

Время шло. Тьма сменилась рассветным сумраком, потом наступил день. Уинтерз сидел без движения. Вокруг него, за густой стеной кустарника, слышались мягкие шаги и рычание зверей Шанги. Потом закричали твари, живущие в озере, и ветер донес их мускусный запах. Уинтерз задрожал, как в лихорадке, и в его глазах появилось загнанное выражение.

Вскоре появилась Джилл. Она нашла товарища звериным чутьем и, как зверь, беззвучно прокралась сквозь заросли. Она едва не вскрикнула, увидев Фэнд, но Уинтерз зажал ей рот. Тогда Джилл села на корточки рядом, не сводя с него глаз. Она боялась его, но не могла оторваться. Он погладил ее по плечу. Плечо было крепкое, гладкое и дрожало под пальцами. Джилл смотрела

на него оленьими глазами, полными печали и удивленной тоски.

Лицо у Уинтерза стало холодным и безжалостным, как голые звезды, которые он видел в открытом космосе.

Времени оставалось в обрез. Джилл уже начинала поглядывать вверх, на призмы. Уинтерз кожей почувствовал ее все возрастающую нервозность.

Он потряс Фэнд. Открыв глаза, женщина взглянула на него — и он понял ответ, не успев задать вопрос.

— Ну?

Она покачала головой.

И тут Уинтерз улыбнулся — в первый раз за все это время.

— Я решил: я не буду тебя убивать.

То, что было сделано после, было сделано быстро и эффективно, и никто не увидел этого, кроме самой Фэнд и Джилл. Джилл не поняла; наследница королей Валкиса поняла прекрасно.

Зрители уже стекались в амфитеатр. Марсиане шли посмотреть представление и научиться ненависти и презрению к людям Земли. Уинтерз следил за ними. Он все еще улыбался.

Внезапно он повернулся к Джилл. Через

несколько минут он встал, задыхающийся и исцарапанный. Джилл осталась лежать на земле, связанная шелковыми полосками, оторванными от пут Фэнд. На сей раз ей не суждено беспомощно барахтаться в огне Шанги.

Наконец марсиане расселись. В королевскую ложу вошел Кор Хал, поддерживая под руку старуху.

Прогремел гонг.

Глава 5

И снова Уинтерз наблюдал, как собираются звери Шанги. Спрятавшись в зарослях, вне досягаемости лучей, он смотрел на волосатые тела, которые мчались, отпихивая друг друга, к центральной поляне. Он видел, как горят их опьяненные глаза. Он слышал их стоны и всхлипы, шепот, наполнивший сад:

— Шанга! Шанга!

Джилл извивалась и металась, сгорая от желания, но ее крики заглушал шелковый кляп. Уинтерз был не в силах смотреть на девушку. Он знал, как она страдает. Потому что и сам страдал.

Он заметил, что Кор Хал перегнулся через барьер, пристально оглядывая сад, и понял, кого ищет марсианин.

Отзвучали последние удары гонга. Площадку накрыла тишина. Волосатые звери, ходившие на четвереньках, безымянные твари, опустившиеся ниже обезьяны по лестнице эволюции, ползающие создания с мокрой сверкающей чешуей — все замерли в ожидании.

Призмы начали светиться. Невыразимо пре-

красное и злое пламя Шанги заполнило воздух. Берк Уинтерз сжал зубами руку и прокусил ее до крови.

Ему почудился слабый тоненький вскрик, донесшийся из цветущих прибрежных кустов. Невысокие густые стебли росли как раз в том месте, куда падали прямые лучи призм.

— Шанга! Шанга!

Он должен идти на поляну, под обжигающий огонь, он не выдержит этой муки. Он должен еще хоть раз испытать обжигающее прикосновение адского пламени на своем теле, ощутить безумие и счастье. Он не может оставаться в стороне.

В отчаянии Уинтерз бросился ничком на землю рядом с Джилл и прижался к ней, содрогаясь от муки.

Он услышал голос Кор Хала, выкликающего его имя.

Он заставил себя встать во весь рост и выйти к королевской ложе. Марсиане следили за ним с интересом, мгновенно забыв о зверях Шанги.

— Я здесь, Кор Хал!

Кор Хал посмотрел на него и засмеялся:

— Зачем ты сопротивляешься, Уинтерз? Ты не можешь жить без Шанги.

— А где ваша высшая жрица? — спросил Уин-

терз. — Она что, устала от этой забавы?

Кор Хал пожал плечами:

— Кто может знать, где находится госпожа Фэнд? Она приходит и уходит, когда захочет. — Он наклонился вперед. — Ну же, Уинтерз! Огонь Шанги ждет тебя. Поглядите, как он старается быть человеком! Ну, иди же, обезьяна, присоединись к своим братьям!

Зрители захохотали, заулюлюкали. Их смешки ранили Уинтерза, как острые копья.

Он стоял голый в ярком солнечном свете, гордо подняв голову и не двигаясь с места. Он не мог унять дрожь, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Пот заливал глаза, он уже ничего не видел, а пламя Шанги плясало на дергающихся телах, и Уинтерзу казалось, что сейчас он сойдет с ума от нестерпимой муки, и все же он не двинулся с места. Он был готов умереть, но не сделать ни шага.

Марсиане следили за ним.

— Что ж, возможно, это произойдет завтра. Или послезавтра — но ты все равно пойдешь туда, землянин.

Уинтерз понимал, что Кор Хал прав. Больше он не вынесет такого. Если он еще будет жив, когда снова прозвенит гонг, он пойдет со своими

собратьями.

Призмы Шанги погасли, а порождения адского пламени все еще лежали на земле. Марсиане вздохнули. Некоторые поднялись, собираясь покинуть амфитеатр.

— Постойте! — крикнул Берк Уинтерз.

Его крик отразился от пустующих верхних рядов, и все обернулись. В голосе землянина звучало отчаяние и торжество, и ярость человека, переступившего границы разумного.

— Подождите, люди Марса! Вы пришли посмотреть представление. Хорошо, я устрою вам это. Ты, Кор Хал! Помнишь, что ты сказал мне в Валкисе? Ты сказал, что люди Кара-Дху, изобретшие Шангу, вымерли в течение жизни одного поколения. Одного!

Уинтерз замолчал, наслаждаясь скрытой угрозой, таившейся в его словах. Она давала выход накопившейся в нем ярости.

— Мы, земляне, молодая раса. Мы стоим еще очень близко к своим истокам, и за это вы ненавидите нас и смеетесь над нами, обзывая нас обезьянами. Но наша молодость дает нам силу. Мы идем очень медленно по пути Шанги. Марс же стар. Вы почти завершили свой круг времен, а конец всегда близок к началу. Жители Кара-Дху

исчезли с лица планеты очень быстро. Наша воля крепка, как железо; их была слаба, как солома. Вот почему ни один марсианин не посмеет заняться Шангой, вот почему она была запрещена Городскими Штатами Марса. Вы страшитесь Шанги, потому что боитесь прийти к своему концу — или к началу, кто знает?

Ответом ему был неистовый, злобный вой.

— Слушайте, что говорит эта обезьяна! Слушайте зверя, которого мы прогнали по улицам Валкиса! — закричал Кор Хал.

— Да, слушайте его! — подхватил Уинтерз. — Ибо леди Фэнд исчезла, и только обезьяне ведомо, где она!

Внезапно наступила тишина. Уинтерз засмеялся:

— Возможно, вы не верите мне. Хотите, я расскажу, как проделал это?

И он рассказал им, а когда он закончил, они назвали его лжецом, и Уинтерз снова расхохотался в лицо Кор Халу:

— Обождите, обождите. Я принесу ее вам.

Он повернулся и пошел вперед, через лужайку. Очень быстро, потому что звери уже начали подниматься, опомнившись от оцепенения. Он знал по собственному опыту, что, перед тем как вер-

нется сознание, испытавший Шангу непременно впадает в буйство. Именно поэтому даже в соляриях торговых городов пациентов не отпускали сразу же после сеанса.

Уинтерз шел, расталкивая волосатых зверей и стараясь не наступать на чешуйчатых тварей, пока не достиг зарослей усыпанного цветами кустарника на берегу, а потом нырнул в них.

Он не ожидал увидеть того, что увидел. Он понял из слов Кор Хала, что превращения происходят стремительно быстро, но не подозревал, что настолько. Иные вещи человеку не дано представить.

Невольно он закричал. Он не мог смотреть на то, что лежало у его ног, он даже не желал знать, что существовали — или могут существовать — и такие формы жизни. Но ему приходилось смотреть. Более того, ему пришлось подойти и развязать шелковые путы, которыми существо было привязано к веткам. Ему пришлось прикоснуться к нему. Взять в руки это теплое тело, ощутить его тяжесть, почувствовать на себе прикосновение скользких, извивающихся колец.

У существа были глаза. И это было хуже всего У существа были глаза, и они смотрели на Уинтерза.

Он побрел обратно сквозь заросли, держа на руках свою ношу. Назад, к лужайке, где два огромных самца уже дрались за самку, к королевской ложе — чтобы видели все.

Он поднял существо над головой, к солнечному свету.

— Смотрите все! Вы узнаете ее? Это же леди Фэнд — последняя из королевского дома Валкиса!

Вокруг уродливого отростка, который был некогда тонкой женской шеей, топорщился, сверкая в лучах солнца, воротник из золотых пластинок-кружочков.

Лица марсиан застыли, словно посмертные маски Кор Хал вскочил и вцепился руками в край каменного барьера Уинтерз положил свою ношу на траву и отступил назад. Тварь омерзительно задергалась.

— Посмотрите сюда, марсиане, — продолжил он. — Это ваше начало.

В полной тишине поднялась старуха. Мгновение она стояла, глядя вниз. Уинтерз ждал, что она что-то крикнет или скажет, но та не издала ни звука. Рухнула молча, через барьер — вниз, на арену. Она даже не дернулась.

И следом поднялись все. С диким истошным во-

ем марсиане последовали за ней. Не за смертью, а за отмщеньем.

Уинтерз побежал. В какую-то долю секунды он развязал Джилл и потащил ее за собой в густую чащу. Вход в туннель был совсем рядом.

Марсиане заполнили лужайку. Но тут их заметили звери Шанги. С рычанием и визгом они бросились на незваных гостей.

Нож, кинжал и медный кастет против когтя, клыка и сильных звериных мышц… Чешуйчатые твари с шипением метались между дерущихся, вонзая в плоть свои острые, как бритва, зубы. Огромные лапищи мяли и рвали, ломая кости словно спички, проламывая черепа. И тонкие лезвия вспыхивали на солнце — сверкающие острые языки смерти.

В тот день возмездие свершилось в саду Шанги. Земля мстила Марсу, люди мстили за позор своих потомков.

Уинтерз увидел, как Кор Хал разил мечом кошмарную ползучую тварь, которая прежде была Фэнд, — раз за разом, до тех пор, пока та не затихла. Тогда он выкрикнул имя Уинтерза.

Уинтерз подошел.

Никто из них не сказал ни слова. Говорить было нечего. Уинтерз пошел на марсианский

меч с голыми руками Они сошлись один на один — среди кипевшего вокруг кровавого побоища. У них были свои особые счеты.

Уинтерз успел получить сильный удар, меч едва миновал сердце. После этого он схватил и сломал руку Кор Халу. Марсианин даже не застонал. Левой рукой он потянулся к ножу, висевшему у него на поясе, однако не успел вытащить его из ножен. Уинтерз бросил Кор Хала через колено, наступив ногой ему на живот и зажав шею локтем. Спустя мгновение он отбросил сломанное бездыханное тело и пошел прочь, прихватив меч Кор Хала.

Из туннеля к арене бежали стражники.

Битва кипела уже в глубине сада. Марсиане и звери Шанги, сплетясь клубками, убивали друг друга. Волны в озере окрасились красным, и какая-то обитавшая под водой тварь уже волокла труп марсианина на глубину, прочь от грязного берега. Она не могла бороться на суше — и только ждала в засаде, подкарауливая добычу.

Наконец подоспели солдаты с длинными копьями, и Уинтерз понял, что скоро в саду не останется ни одной живой твари. Но это было хорошо.

Он взял Джилл за руку и потащил ее через

туннель, к спасительным зарослям деревьев. Их никто не заметил, все были слишком заняты схваткой. Зверей Шанги было не так-то легко одолеть, и они дрались с упоением. Туннель никто не караулил, ворота были открыты, стражники на арене занимались иным делом. Уинтерз и Джилл проскочили через ворота, успев скрыться прежде, чем из дворца подоспел новый отряд солдат.

Потом они очень быстро, хотя и осторожно, стараясь держаться в тени, спустились с горы, через четыре разрушенных города Валкиса, и вышли в пустыню, обойдя живой город по берегу канала. Флаер Кор Хала стоял там, где они его оставили.

Уинтерз втолкнул Джилл в машину, прыгнул следом. Обернувшись, он увидел, как из Валкиса хлынула разъяренная толпа: видимо, слух о его преступлении и побеге уже разнесся по городу — но было поздно.

Уинтерз поднял флаер в воздух и взял курс на Кахору. Теперь, когда все было кончено, он ощутил невероятную, чудовищную усталость и всеподавляющее желание забыть само это слово — Шанга.

Однако он знал, что ему не дано забыть. Слишком глубоко проник в кровь золотой огонь. Он знал, что прекрасное лицо Фэнд будет вечно сто-

ять у него перед глазами — ее глаза, смотревшие на него, когда он привязывал ее к веткам, ее тоненький вскрик, когда лучи Шанги полились на ее тело. Он не сможет забыть такого, даже если совсем потеряет рассудок.

Отныне правительства Земли и Марса запретят Шангу навсегда и будут строго следить за выполнением запрета. Уинтерз был счастлив и немного горд, потому что этого добился он. И все-таки…

Он посмотрел на Джилл. Он молил Бога, чтобы когда-нибудь она стала такой же, как прежде. Яд Шанги выйдет из нее, и она снова будет той самой Джилл Леланд, которую он любил.

Но выйдет ли он весь?

Ему почудился издевательский голос Фэнд: «А уйдет ли он и из тебя, Берк Уинтерз? Сможет ли существо, бегавшее среди зверей Шанги, снова стать человеком?»

Он не знал. Оглянувшись, он увидел, как над садом Шанги поднимается густой столб дыма, — и еще раз усомнился в своих надеждах.

2016: МАРС МИНУС БИША

Время близилось к полуночи. Луны еще не взошли, и мир разделился на две части — беспросветную тьму внизу и божественное сияние звезд вверху; между ними был только ветер, старый и дряхлый, медленно волочащий свой хвост в пыли.

Дом был сам по себе. Он стоял примерно в миле от берега канала и города, выросшего на канале. Фрэзер посмотрел на него и подумал, насколько чужды, чужеродны в этих края оба они — сам Фрэзер и его металлический Дом. Интересно, выдержит ли он оставшиеся четыре с половиной месяца?

Город спал. Помощи оттуда ждать нечего. У Фрэзера было официальное разрешение, поэтому его терпели — но и только. И это не означало, что ему рады. За пределами торговых городов землян не слишком жаловали на Марсе. Так что Фрэзеру оставалось полагаться только на себя.

Он снова зашагал вперед Ночами Фрэзер подолгу гулял. Днем тут было тоскливо и мрачно, так что в дневное время Фрэзер работал, не вы-

совывая носа из Дома. Но ночи были просто великолепны. Даже в самой сухой пустыне Земли не увидишь такого чудного неба, как здесь, где тонкая атмосфера не может скрыть ослепительный блеск звезд. Пожалуй, это единственное, чего ему будет недоставать на Земле.

Царил лютый мороз, и Фрэзер оделся как следует Он смотрел на звезды, погруженный в мрачные мысли. Он думал о том, что виски у него на исходе и что сто сорок шесть веков написанной истории Марса обратились в пыль, которую теперь носит ветер и которая забивает ему нос, — и тут он вдруг заметил вдали тень, отчетливую тень, молча, быстро и упорно приближавшуюся к нему. Тень плыла против ветра.

Кто-то ехал верхом, из северной пустыни.

Секунды три Фрэзер стоял в оцепенении, похолодев от невольного страха, вглядывался в темноту и звездный свет, пытаясь разглядеть приближающуюся тень Потом повернулся и бросился к Дому. У него нет разрешения на оружие, так что, если кому из фанатиков северных племен вздумается пожаловать сюда, дабы очистить пустыню от его оскверняющего присутствия, он ничего не сможет поделать. Остается только запереть дверь и молиться Господу Богу.

Однако он не зашел, а остановился на пороге, выжидая. Не следует выказывать страх — во всяком случае, без особых оснований. Фрэзер стоял у открытой двери, в круге яркого света, лившегося из комнаты. Он ждал, готовый метнуться в Дом в любую секунду.

Это был одинокий ездок на огромном чешуйчатом звере, которых кочевники Марса использовали для передвижения по пустыне, как на Земле используют верблюдов. Фрэзер слегка расслабился — но не совсем. И одного кочевника с копьем будет достаточно.

Путник медленно въехал в круг света и натянул поводья, укрощая шипящего и шарахающегося монстра, напуганного незнакомыми запахами. Ездок был закутан с ног до головы в просторный балахон, защищающий от холода ночи. Фрэзер подался вперед, разглядывая незнакомца, и испытал вдруг слабость внезапного облегчения. Это был не мужчина, а женщина, и в седле перед ней сидел ребенок, почти незаметный среди складок ее свободной одежды.

Фрэзер приветствовал наездницу учтивой марсианской фразой. Она метнула на него взгляд, полный ярости, ненависти и какого-то непонятного отчаяния и сказала:

— Ты — землянин, доктор.

— Да, — согласился Фрэзер.

Ребенок спал, и его откинутая голова лежала на груди у женщины. В чересчур крепком сне малыша было что-то неестественное: он не проснулся даже от громких голосов и от резкого света.

— Я здесь для того, чтобы помогать людям, — мягко сказал Фрэзер.

Женщина крепко стиснула ребенка. Она посмотрела на Фрэзера, потом заглянула в распахнутую дверь, на незнакомые, диковинные вещи. Ее не знавшее слез горделивое лицо, суровое и заострившееся от голода и долгого перехода через пустыню, неожиданно исказилось. Она отпустила поводья и рывком послала зверя вперед, но тут же круто повернула обратно. Когда она снова предстала перед Фрэзером, лицо ее уже было как каменное.

— Мой ребенок… болен, — сказала незнакомка невозмутимо, слегка запнувшись на последнем слове.

Фрэзер протянул руки:

— Я попытаюсь ему помочь.

Девочка. Теперь Фрэзер рассмотрел ее. Лет семи. Она даже не пошевелилась, когда мать сняла ее с подушки. Фрэзер понес малышку в дом, на

ходу разговаривая с женщиной:

— Я должен задать вам несколько вопросов. Вы можете быть рядом, пока я буду осматривать…

Дикий гортанный крик и грохот подбитых копыт заглушили его последние слова. Доктор резко обернулся и бросился вслед, что-то крича, с ребенком на руках, но это было бессмысленно. Женщина скакала во весь опор, низко пригнувшись к седлу, посылая зверя вперед истошными криками, вонзая в его бока острые шпоры. И спустя минуту она уже исчезла из виду, скрытая мраком пустыни.

Фрэзер стоял, оторопело глядя во мрак и раскрыв рот. Пот струился по его лицу. Он беспомощно посмотрел на девочку. Что-то было невероятно зловещее в том, как сбежала ее мать. Почему? Матери следовало подождать, даже если ребенок на грани смерти. Даже если болезнь заразна, зачем было мчаться через пустыню за столько миль, чтобы потом бросить дитя и исчезнуть?

Ответа на эти вопросы не было. Отчаявшись разгадать загадку, Фрэзер вернулся к Дому, распахнул ногой дверь и вошел. Дверь сама захлопнулась за ним.

Пройдя через комнату, служившую ему жильем и приемной, он попал в изолятор, к которому

примыкала такая же маленькая, но прекрасно оборудованная лаборатория. Здесь еще не бывало ни одного посетителя, ни одного пациента — ни в приемной, ни в изоляторе. Марсиане предпочитали лечиться своими способами и у своих целителей. Впрочем, Фрэзер и не был местным практикующим врачом. Медицинский Фонд выделил ему стипендию и получил разрешение на его пребывание здесь у марсианских властей совершенно для иных целей: Фрэзер занимался исследованием некоторых вирусов. И нежелание местного населения сотрудничать изрядно осложняло его работу.

Во Фрэзере вдруг забрезжила надежда. Возможно, ему удастся спасти малышку.

Спустя два часа он положил все еще спавшую девочку на белую опрятную кровать и сел в кресло в соседней комнате, так, чтобы через открытую дверь видеть ребенка. Он налил себе стакан виски, потом еще один, затем закурил. Руки так тряслись, что он не сразу сумел поднести горящую зажигалку к сигарете.

Девочка была совершенно здорова. Худенькая, слегка недоразвита физически и немного истощена, как большинство марсианских детей, но совершенно здорова. С ней все в порядке — за ис-

ключением разве того, что ее от души накачали снотворным.

Фрэзер встал и распахнул дверь на улицу. Он вышел и с какой-то странной тоской посмотрел на север, прислушиваясь, не раздастся ли вдалеке стук копыт. Уже светало. Ветер крепчал, наполняя воздух пылью, застилавшей звезды. Никого. Пустыня была мертва — ни тени, ни звука.

Остаток ночи и почти все утро Фрэзер провел у постели ребенка, дожидаясь, когда девочка проснется.

Она проснулась очень тихо. Только что ее лицо было далеким, погруженным в сон — а в следующую секунду она открыла глаза. Ее маленькое тельце напряглось и потянулось, она зевнула и посмотрела на Фрэзера очень серьезно, хотя без особого удивления.

Он улыбнулся и сказал:

— Привет!

Девочка села. Волосы у нее были черные и взлохмаченные, а глаза — цвета топаза, со странной смесью ребячливости и мудрости, как у детей всей Вселенной.

— Мама?.. — спросила она нерешительно.

— Ей пришлось отлучиться ненадолго, — солгал Фрэзер и добавил с фальшивой бодростью:

— Она вернется.

Он скорее пытался успокоить себя, нежели малышку.

Однако девочка не взяла брошенный ей спасательный круг.

— Нет, — сказал она, — мама никогда не придет.

Девочка положила голову на колени и заплакала, очень тихо и сдержанно. Фрэзер обнял ее за плечи:

— Не надо плакать. Ну, перестань. Конечно же, она придет за тобой, ведь она твоя мать.

— Она не может.

— Но почему? Зачем она привезла тебя сюда? Ты не больна, тебе не нужен доктор.

Ответ был прост:

— Меня собирались убить.

Фрэзер даже онемел. Ему показалось, что он ослышался.

— Что ты сказала? — переспросил он.

Худенькие плечи затряслись под его ладонью.

— Они заявили, что это я принесла в племя болезнь. Пришли старейшины, все вместе, и заявили маме и папе, что меня нужно убить. Они искусные колдуны, но они не смогли меня очистить. — Из ее груди вырвалось рыдание. — Мама

сказала, что это ее право — убить меня, и увезла меня в пустыню. Она плакала. Прежде она никогда не плакала. Я испугалась, но она сказала, что не сделает мне ничего плохого, просто отвезет меня в безопасное место. Она дала мне выпить какой-то горькой воды и велела ничего не бояться. Она разговаривала со мной, пока я не заснула.

Девочка подняла взгляд на Фрэзера — напуганный и растерянный ребенок. И все-таки в ней была гордость.

— Моя мать сказала, что наши боги прокляли меня и я никогда не смогу жить со своим народом. Но у землян другие боги, которые не знают меня. Она сказала, что ты не станешь меня убивать. Это правда?

Фрэзер тихонько выругался, потом ответил:

— Да, это правда. Твоя мать — мудрая женщина. Она поступила правильно. — Лицо у него побелело. Он отошел от постели и спросил: — Как тебя зовут?

— Биша.

— Ты хочешь есть, Биша?

Девочка задумалась, все еще давясь рыданиями.

— Не знаю.

— А ты подумай. Одевайся. Вон твое платье. А я

пока приготовлю завтрак.

Он вышел в соседнюю комнату, совершенно не в себе от бешенства. Его еще никогда так не трясло. Предрассудки, невежество, ханжеская жестокость! У них эпидемия, и когда колдовство не помогает, проще всего найти козла отпущения. Скажи, что ребенок проклят богами, а потом отправь его собственную мать убить его!

Мысленно Фрэзер склонил голову перед этой женщиной с яростными глазами, которая оказалась слишком крепким орешком для старых трусов. Бедняжка. Только выбор между жизнью и смертью собственного ребенка мог заставить ее отдать девочку в руки землянина — чужого и странного существа, но общающегося с иными богами…

— За что они меня прокляли? — спросила у него за спиной Биша. — Я имею в виду наших богов.

Девочка уже оделась, что было совсем нетрудно — натянуть через голову бесформенный балахон и сунуть ноги в сандалии. Волосы ее свисали на лицо, глаза еще не просохли, а из носа лило ручьем, и Фрэзер даже не знал, смеяться ему или плакать.

— Они и не думали тебя проклинать. Это просто чушь, предрассудки…

Он осекся. Нет, так не пойдет. Ей уже семь, и нельзя за секунду стереть из ее сознания все то, чему ее учили и во что она верит. Тем более, кто поверит на слово чужеземцу?

Фрэзер постоял, нахмурившись, мучительно соображая, как бы получше все объяснить, и вдруг заметил, что девочка смотрит на него настороженно и удивленно. Тельце ее так все и напряглось.

— Ты боишься меня? — спросил он.

— Я… я никогда не видела таких, как ты.

— Гм-м. И ты, конечно же, никогда не видела такого дома, верно?

Она огляделась и покачала головой:

— Нет. Он такой… такой… — У нее не хватило слов, чтобы выразить благоговение, переполнявшее ее.

Фрэзер улыбнулся:

— Биша, ты сказала, что старейшины вашего племени очень искушены в магии.

— Да, да!

Он спустил ее с колен и крепко взял за руку:

— Сейчас я покажу тебе кое-что. Пошли.

Он не был уверен, что детские психологи одобрили бы его методы, но ничего другого ему просто в голову не пришло. Напустив на себя

таинственный вид, словно волшебник, он провел это дитя пустыни и палаток кочевников по Дому, показывая одно за другим чудеса современной цивилизации — начиная с водопроводного крана и кончая музыкальными записями и микрокнигами. В завершение экскурсии он позволил девочке заглянуть в лабораторию, полюбоваться на загадочные предметы, сверкающие стеклом и хромом.

— Ну как? Кто из нас могущественней — я или твои старейшины?

— Ты. — Она отодвинулась от него, обняв себя руками за плечи, словно боялась ненароком дотронуться до чего-либо. За ее спиной в жилой комнате гремела и журчала музыка Вагнера, струившаяся из крохотной проволочной катушки.

Неожиданно Биша встала на колени и склонила голову как бы в знак полной покорности.

— Ты — самый великий доктор мира.

Слово «доктор» прозвучало в ее устах как «шаман». Фрэзер ощутил стыд и раскаяние. Недостойно так морочить голову ребенку. Но он уцепился и за эту соломинку.

— Очень хорошо. Раз ты это понимаешь, Биша, — произнес он торжественно, — то слушай меня: проклятия твоих богов не имеют силы в

этом доме, и я не желаю больше знать об этом.

Она выслушала его, но головы не подняла.

— Здесь ты в безопасности. Тебе не надо бояться. Посмотри на меня, Биша. Ты обещаешь не бояться?

Девочка поглядела на него снизу вверх. Он улыбнулся, и она тоже улыбнулась ему — краешками губ:

— Обещаю.

— Ну вот и славно, — сказал он и протянул ей руку. — Давай завтракать.

И только тут до него дошло, что ребенок связал его по рукам и ногам. Целых четыре с половиной месяца, которые ему еще предстоит провести здесь, он должен кормить ее, ухаживать за ней и прятать от людей. Люди города вряд ли дадут малышке приют — ведь мать Биши не доверилась им, — а если и дадут, то кочевники все равно найдут ее, когда явятся осенью на торги.

Единственный выход — отвезти девочку в Караппу, где никому не придет в голову совершать ритуальное убийство. Но Караппа в трех сотнях миль от Дома. У Фрэзера есть гусеничный вездеход, однако работа в лаборатории не станет ждать, пока он проползет шесть сотен миль туда и обратно через пустыню. Бросать лабораторию

нельзя.

Так что четыре с половиной месяца… Он взглянул на малышку, тараторившую о чем-то своем, и задумался: что он будет с ней делать все это время.

К концу недели Фрэзер понял, что сошел бы с ума от тоски без нее. Чудовищного одиночества как не бывало. С ним рядом находилось еще одно существо, еще один человеческий голос. Она сидела с ним за столом, она разговаривала с ним. Биша не была обузой. Ее так вырастили и воспитали — чтобы не быть обузой. Это был главный предмет в ее суровой школе выживания, и та же школа научила девочку недетской мудрости и умению находить хорошее в самом плохом. С ней вообще не было никаких хлопот. Фрэзер наслаждался ее обществом, ведь он прожил здесь в одиночестве почти Целых девять месяцев. Она нравилась ему.

По большей части Биша была весела и бодра, слишком поглощена чудесами нового мира, чтобы грустить о прошлом. Но порой на нее находило. Однажды Фрэзер обнаружил ее в дальнем углу, печальную и подавленную, в такой глубокой депрессии, что она не могла даже плакать. Он решил, что знает, в чем дело.

— Тебе тоскливо, Биша?

— Да, — прошептала она.

Он попытался разговорить ее. Но это было все равно что говорить со стеной. Наконец он сдался:

— Постарайся не очень скучать по ним, Биша. Я знаю, я — не такой, как твои родители, да и все здесь чуждо тебе, но все равно постарайся.

— Ты хороший, — пробормотала девочка. — Ты мне нравишься. Дело не в этом. Со мной и раньше такое бывало, иногда. Я тосковала.

— Тосковала? О чем?

— Я не знаю. Просто — тосковала.

«Странный ребенок, — подумал Фрезер. — Впрочем, все дети кажутся взрослым странными, ведь они не знают, как справиться со своими эмоциями и новыми переживаниями. Неудивительно, что бедняжка так подавлена. А кто бы чувствовал себя иначе на ее месте?»

Он уложил ее пораньше, а потом, чувствуя странную истому и усталость после напряженной работы, прилег сам.

Проснулся Фрэзер от того, что Биша с рыданиями трясла его, повторяя его имя. Все его тело было словно свинцом налито. Выплывая из сна, как сквозь туман, ничего не понимая, он испуганно

спросил ее, в чем дело, и она прошептала:

— Мне было страшно. Ты не просыпался.

— Что ты хочешь этим сказать? — Фрэзер едва не заорал на нее. Он откинулся на подушку, вновь погружаясь в глубины сна, но случайно взгляд его упал на часы.

Он проспал больше четырнадцати часов.

Машинально он потрепал Бишу по плечу и попросил прощения. Он попытался собрать свои мысли, однако его голова была словно ватой забита — полузабвение, летаргическая дрема. Он немного выпил перед сном, но не столько, чтобы проспать даже четыре часа — не то что четырнадцать. Он не делал никакой тяжелой работы. Да, он устал, но обычных восьми часов сна вполне хватило бы, чтобы восстановить силы.

Что-то было не так, и крохотная иголка страха кольнула его.

— И давно ты пытаешься меня разбудить? — спросил Фрэзер.

Девочка показала на стул, стоявший у окна.

— Когда я начала, тень была там. А теперь она здесь.

Около двух часов. Значит, это не сон. Полукома. Иголка страха выросла и превратилась в острый, пугающий кинжал.

— Это та же болезнь, что была в нашем племени, — тихо проговорила Биша, так тихо, что он едва расслышал. — Я принесла ее к тебе.

— Возможно, — пробормотал Фрэзер. Его затрясло, накатил панический ужас. Здесь ему никто не поможет. Он так далеко, он отрезан пустыней. Здесь так легко умереть.

Биша чуть отодвинулась.

— Видишь, проклятье последовало за мной.

Сделав над собой усилие, Фрэзер взял себя в руки.

— Проклятия здесь ни при чем. Есть люди — мы их называем бациллоносителями… Послушай, Биша, ты должна помочь мне. Скажи… Люди твоего племени умирали от этой болезни?

— Нет, но…

Фрэзера снова затрясло — на сей раз от облегчения.

— Ну, тогда это не так страшно, правда? А как же.

— Старейшины говорили, что они непременно умрут, если не убить меня. — Девочка отодвинулась еще дальше, к противоположной стене, потом к двери. Внезапно она вскочила и бросилась бежать.

До затуманенного сознания Фрэзера не сразу

дошло, что случилось. Потом он, пошатываясь, поднялся и выскочил вдогонку, на пыльный и холодный солнечный свет.

Он бежал, выкликая ее имя. Он видел ее крошечную фигурку, бегущую вперед между синевато-черным небом и тусклыми оранжевыми песками, и тоже бежал, борясь с невероятной слабостью и апатией, навалившимися на него. Ему казалось, что он бежит уже много часов — сквозь пыль и пронизывающую стужу, но наконец он настиг ее. Биша брыкалась и вырывалась, умоляя его отпустить ее, и ему пришлось ударить девочку. После этого она затихла. Он поднял ее с земли.

— Я не хочу, чтобы ты умер! — прорыдала она.

Фрэзер оглядел безжалостную пустыню и крепко прижал малышку к себе.

— Ты так любишь меня, Биша?

— Я ела твой хлеб, и твой дом укрывал меня от непогоды… — Церемонные фразы, которым она научилась от старших, звучали довольно странно в детских устах, но очень искренне. — Теперь ты — моя семья, мой отец и моя мать, и я не хочу, чтобы на твою голову пало проклятье.

Фрэзер помолчал, не зная, что ответить. Потом мягко проговорил:

— Биша, как ты считаешь: ты мудрее меня?

Она яростно потрясла головой.

— Ты имеешь право сомневаться в этом?

— Нет.

— Какие права у детей в твоем племени, Биша?

— Повиноваться.

— Так вот: больше ты никогда не сделаешь этого. Никогда, слышишь? Независимо ни от чего. Запомни: ты никогда не должна убегать от меня. Ты слышишь меня, Биша?

Она подняла на него глаза:

— И ты не боишься проклятья, даже сейчас?

— Ни сейчас, ни после.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я осталась?

— Ну конечно же, да, дурья твоя башка!

Девочка улыбнулась, очень печально, с тем невероятным достоинством, которое он уже не раз подмечал в ней.

— Ты великий доктор, — сказала она. — Ты найдешь способ снять заклятье. Мне теперь тоже не страшно.

Она лежала у него на руках, легонькая и теплая, и Фрэзер отнес ее обратно в Дом, идя очень медленно, и говорил, говорил, не умолкая. То была очень странная беседа — для такого времени и такого места. Он рассказывал ей о далеком

городе под названием Сан-Франциско и о белом доме, глядящем с горы на огромный синий залив, полный воды. О деревьях, птицах, рыбах и зеленых холмах — и о всех тех приятных и восхитительных занятиях, которые делают маленьких девочек счастливыми.

В итоге Фрэзер начисто забыл о Караппе и о марсианских властях. В итоге Фрэзер обрел семью.

Вернувшись в Дом, он прошел в лабораторию и принялся лихорадочно работать. Сначала подробно расспросил Бишу о болезни, которой болели люди ее племени. Было очевидно, что приступы начинались через неравные промежутки времени, и все ограничивалось лишь коматозным сном, однако периоды бессознательного состояния были короче, не более нескольких минут. Возможно, марсианский организм был менее подвержен инфекции. У самой Биши, разумеется, таких приступов никогда не случалось, и Фрэзер пришел к выводу, что именно из-за врожденного иммунитета она и стала козлом отпущения.

Но его собственное состояние было ему непонятно. Странные симптомы. Никакой повышенной температуры, боли, никаких физических расстройств — только слабость и вялость. К тому же буквально наутро без следа исчезли и они.

Фрэзер внимательно просмотрел все свои справочники по марсианским болезням, но не нашел ничего похожего. Он провел целую серию изнурительных тестов, даже взял пункцию спинномозговой жидкости у Биши, что та восприняла как чрезвычайно действенный ритуал изгнания бесов. Он предпочел бы проделать такое над самим собой, но это было физически невозможно, так что пришлось помучить Бишу, в чьем организме могли оказаться какие-то признаки латентной инфекции.

Но и тут результат был отрицательным. Результаты всех анализов были отрицательными. Фрэзер и Биша были совершенно здоровы.

Фрэзер не знал, что и подумать, и в то же время словно тяжелый камень свалился с его плеч. Он принялся искать иные объяснения собственному недомоганию. Раз это не болезнь, тогда, возможно, это какая-то странная реакция организма на природные явления, например низкую гравитацию или повышенное атмосферное давление. Или дурное самочувствие связано с разреженностью воздуха… а может, здесь все разом — и то, и другое, и третье. Это воздействует и на марсиан, и на землян… Однако в душе Фрэзера жил крохотный червячок сомнения: почему же подобное не

наблюдается повсеместно?

Он нервно ждал рецидива. Но его все не было и не было, а работа в лаборатории отнимала все больше и больше внимания, и в конце концов болезнь как-то вылетела у Фрэзера из головы. Тот случай, когда он очнулся в кресле перед нетронутым стаканом с виски на столе — и без малейшего воспоминания, что собирался вздремнуть, — Фрэзер решительно списал на счет усталости: последнее время он явно загнал себя, Биши поблизости не было, с ней опять случился приступ хандры, и девочка забилась где-то в угол, так что не видела, что случилось с Фрэзером, а он даже не стал ничего ей говорить Похоже, она постепенно начала избавляться от своего пунктика — заклятия, — и Фрэзер не собирался портить все дело.

Время шло. Биша учила английский, уже помнила названия всех деревьев, что росли вокруг дома в Сан-Франциско. Одиночество замкнутого мирка Дома тяготило ее не меньше Фрэзера, и она так же страстно мечтала вырваться отсюда — но это было единственное, что омрачало их жизнь.

А потом из пустыни пришли кочевники, направлявшиеся на осенние торги в город.

Фрэзер закрыл изнутри дверь на щеколду и опустил жалюзи. Три дня и три ночи, пока про-

должалась ярмарка, они с Бишой не высовывали носа наружу, и только откуда-то издалека до них доносились приглушенные, но живые звуки дудок, гортанные крики, музыка. Там, среди этих людей, была и семья Биши.

То были очень тяжкие дни. В конце концов Биша сломалась и вновь погрузилась в пучину тоски, и Фрэзер решил дать ей выплакаться На четвертое утро кочевники ушли.

Фрэзер возблагодарил всех богов — если они и в самом деле существовали. Совершенно без сил, он протащился в лабораторию, испытывая ненависть к работе, которая отнимала теперь у него так много здоровья и сил. Ему хотелось поскорее закончить ее. Он сделал шаг по направлению к окну, чтобы поднять жалюзи…

Он лежал на полу. За окном была глубокая ночь, и в Доме горел свет. Биша сидела рядом. У нее было такое лицо, словно она сидит так уже целую вечность.

Руку у него саднило Она была неумело обмотана какими-то тряпками, пропитавшимися кровью Острые осколки стекла сверкали на лабораторной подставке, усеивали пол. Знакомая свинцовая тяжесть переполняла все тело. Фрэзер не мог пошевелиться, не мог о чем-либо даже

подумать. Биша подползла к нему и положила голову ему на грудь, как собачонка.

Медленно, очень медленно Фрэзер пришел в себя и попытался собрать свои мысли.

«Должно быть, я упал прямо на стеллаж Господи Иисусе, а если бы я разбил пробирки с культурами вирусов? Тогда не только мы, а весь город… Я же мог истечь кровью, что сталось бы с Бишой? Что было бы с ней, если бы я умер?»

На сей раз ему потребовалось больше времени, чтобы прийти в норму. Он наложил швы на глубокие порезы и остался недоволен своей работой: стежки вышли грубые, кривые. Ему стало страшно. Фрэзер боялся встать с кресла, боялся закурить, включить печь.

Время медленно ползло — остаток ночи, следующий день, потом вечер… Ему уже было гораздо лучше, но страх перерос в депрессию. Ведь это только Биша говорит, что болезнь не смертельна. Фрэзер уже начинал сомневаться в результатах собственных анализов. Кто знает, может, приборы, которыми он располагает, не способны распознать чуждые микроорганизмы?

Он боялся сам себя. Он панически боялся за Бишу.

Фрэзер вдруг встал и коротко сказал:

— Я отправляюсь в город.

— Я пойду с тобой.

— Нет. Ты останешься здесь. Со мной ничего не случится. В городе есть врач, марсианский целитель. Возможно, он знает…

Фрэзер распахнул дверь и вышел. Его встретили кромешная тьма и ослепительное сверкание звезд. Дорога до города показалась ему бесконечной.

Он миновал голые поля, освобожденные от урожая, и вошел в лабиринт узеньких улочек. Город был не столь древен, как большинство городов на Марсе, но грязные камни стен были латаны-перелатаны: камень безнадежно проигрывал непрекращающуюся битву с сухим ветром и всепроникающей, всеразъедающей пылью. Улицы были почти безлюдны. Прохожие кидали на Фрэзера недружелюбные взгляды и спешили мимо, смуглые, с пылающими, как угли, глазами, в которых застыло бесконечное, безысходное отчаяние. Канал был их божеством, их отцом и матерью, их женой и ребенком. Они черпали свою жизнь из его черного лона, высасывали ее мучительно, каплю по капле. Они уже не помнили, кто высек в камне этот канал, тянувшийся на многие мили от ледяной полярной шапки через

дно иссохшего мертвого моря, через пустыню и туннели, пробитые в недрах гор. Они только знали, что канал здесь, с ними, и не было хуже греха, чем пренебречь своим долгом блюсти чистоту канала. Жестокая, трудная жизнь — и все-таки они жили и радовались.

Факелов на улицах не было, но Фрэзер и так знал, где искать нужный ему дом. Изъеденная коррозией металлическая дверь неохотно отворилась в ответ на стук и мгновенно захлопнулась за его спиной, как только Фрэзер вошел.

Комнатка была крохотная, едва освещенная тусклым светом коптящей лампы. Несколько сучьев пылало в очаге, почти не давая тепла, но на стенах висели бесценные гобелены незапамятных времен и эпох.

Целитель Тор-Эш, без сомнения, процветал. Несмотря на изношенное платье, он был сытым и довольным; огромное брюхо и отвисшие щеки нечасто встретишь среди худых, изможденных марсиан. Он был колдун, прорицатель и знахарь и, пожалуй, единственный обитатель города, который выказывал хоть какой-то интерес к работе Фрэзера, правда, нельзя сказать, что дружеский.

После традиционного обмена приветствиями Фрэзер сказал, как в омут прыгнул:

— Мне нужна твоя помощь. Я подцепил какую-то болезнь…

Тор-Эш слушал. Глаза его смотрели внимательно и пронзительно, а улыбка, привычно игравшая на губах, словно жила своей собственной жизнью, не задевая лица. Потом исчезло даже ее жалкое подобие.

Когда Фрэзер закончил, Тор-Эш попросил:

— Повтори еще раз, медленней. Я не всегда понимаю твой марсианский.

— Но тебе известно, что это такое? Ты можешь сказать…

— Еще раз! — отчеканил Тор-Эш.

Фрэзер повторил все с самого начала, пытаясь не показать пожирающего его страха. Тор-Эш задавал вопросы. Четкие и конкретные вопросы. Фрэзер отвечал на них. Потом Тор-Эш умолк, и лицо его стало мрачным, тяжелым в пляшущих отблесках пламени.

Фрэзер ждал и чувствовал, как неистово бьется в груди сердце.

Наконец Тор-Эш медленно проговорил:

— Ты не болен. Но если не сделать одной вещи, ты непременно умрешь.

— Но это же просто бессмыслица! — взорвался Фрэзер. — Здоровый человек не теряет сознание

ни с того ни с сего. И здоровый человек не умирает — разве что от несчастного случая.

— В некоторым смысле, — очень мягко и вкрадчиво ответил Тор-Эш, — мы невежественные люди. Но не потому, что мы не учились. А потому, что забыли уроки.

— Извини, я не хотел… Слушай, я пришел к тебе за помощью. Дело в том, что я не могу понять, не могу справиться с этим сам.

— Да. — Тор-Эш отодвинулся к окну, черневшему смутным пятном на фоне камня стены. — Ты размышлял когда-нибудь о канале? Не только об этом — о том великом множестве каналов, что опутывают наш Марс, словно гигантская сеть? Ты думал о том, как им удалось сделать это? Выстроить их? Сколько потребовалось машин, какие чудовищные силы ушли на то, чтобы продлить еще хоть немного жизнь умирающего мира? Мы — дети, потомки тех людей, которые спроектировали и выстроили эти каналы, но ничего не осталось нам от тех дальних предков, кроме конечного результата их труда, и теперь мы вынуждены рыться в канале голыми руками, выгребая оттуда песок, который наносит ветер.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Фрэзер. — Я изучал историю Марса. Но какое это…

— Много веков прошло, — продолжал Тор-Эш, как будто не слыша. — Народы и империи, войны и эпидемии и бесчисленные правители… Ученье. Наука. Рос и величие — а потом усталость и разрушение. Океаны ушли, схлынули, обратившись в пыль, горы обрушились, все ресурсы энергии истощены, высосаны до последней капли. Можете ли вы постичь, люди, явившиеся из молодого мира, сколько цивилизаций возникло и погибло на Марсе? — Он повернул лицо к землянину, — Вы явились сюда со своими грохочущими кораблями, своими диковинными машинами и наукой, ниспровергая наших богов, которые, как мы считали, сотворили лишь одну разумную расу во всей Вселенной — нас, марсиан. Вы смотрели на нас с презрением, свысока, как на отсталых и слабоумных, невежественных созданий, и все же вы тоже невежественны. Но не потому, что вы забыли то, что когда-то учили, а потому что еще не дошли до этой страницы учебника жизни.

Существует много разных наук, много разных видов знаний. Некоторые цивилизации Марса умели строить каналы. Были и другие, которые могли видеть без глаз и слышать без ушей, которые властвовали над стихиями и могли заставить любого умереть или жить по их воле.

Они были столь могущественны, что люди Марса уничтожили их, стерли с лица планеты из страха перед ними. Теперь никто не помнит о той расе, но кровь-то их течет в наших жилах. И иногда рождается ребенок…

Фрэзер напрягся.

Тор-Эш невозмутимо закончил:

— Кочевники говорили о каком-то ребенке.

Фрэзер похолодел от ужаса. От напряжения спина у него покрылась холодной липкой испариной. Он даже не упоминал про Бишу! Как же Тор-Эш смог…

— Меня не интересует фольклор. Скажи мне только…

— В одном из племен поселилось зло. Несчастье. Когда ребенка увезли, зло тоже ушло. Теперь оно в твоем доме. Похоже, мать солгала. Дитя не умерло. Девочка у тебя.

— Колдовство и магия, — презрительно фыркнул Фрэзер. — Проклятия и трусость. Я думал, что ты умнее, Тор-Эш. — Фрэзер направился к двери. — Дурак я, что пришел сюда.

Тор-Эш стремительно подскочил и положил руку на щеколду так, чтобы Фрэзер не мог поднять ее, пока Тор-Эш не закончит.

— Мы невежественные люди, но мы не уби-

ваем детей просто так, ради удовольствия. Что же до магии и колдовства… Слова — это просто слова; только факты имеют значение. Если ты хочешь умереть, это твое личное дело. Но когда ты умрешь и ребенок явится в город — это будет наше дело. Я пошлю кочевникам весть. Девчонка их, они сами должны выполнить долг, нам это совершенно не нужно. Однако пока они не прибудут на место, я велю взять твой дом в кольцо. Похоже, ты очень скоро умрешь. В племени были двадцать человек, которые разделили между собой твою болезнь, но ты — один, так что мы не можем рисковать.

На лице Фрэзера, вероятно, выразился панический, совершенно животный ужас, потому что Тор-Эш добавил:

— Это будет проделано гуманно. Мы ведь не испытываем к ребенку ненависти.

Он поднял щеколду и выпустил земного врача на узкую улочку.

Фрэзер повернулся и пошел в сторону пустыни. Достигнув распаханного поля, он вдруг бросился бежать. Он бежал быстро, но всадник все равно обогнал его, торопясь в пустыню, вдогонку за караваном.

Биша ждала его, сонная и встревоженная.

— Ты знаешь, где у нас запасы еды, — сказал Фрэзер. — Упакуй в вездеход столько, сколько влезет. И не забудь одеяла. Поторопись, мы выезжаем немедленно.

Он прошел в лабораторию Лихорадочно, но с предельной осторожностью, методично уничтожил результаты работы последних нескольких месяцев. Он с трудом поборол искушение отбросить этические соображения и выпустить вирусы в город. Зло. Суеверие. Легендарные колдуны, сказки о могущественных волшебниках-мудрецах. Ему доводилось читать старые фантастические книжки, написанные до эры космических полетов; на их обложках суровые безжалостные земляне попирали ногами невинных поверженных марсиан. Логика и логистика показали несостоятельность подобных фантазий. Реальность оказалась куда менее романтической. А жаль, со злостью подумал Фрэзер. Ему до чертиков вдруг захотелось попрать ногой какого-нибудь поверженного марсианина.

Когда с вирусами было покончено, он побросал свои записи в стальной сейф и отнес его в пыленепроницаемый ангар за Домом, где стоял вездеход; Биша, молчаливая и заплаканная, терпеливо упаковывала припасы. Фрэзер быстро

проверил их, добавил кое-что еще, затем подсадил малышку в кабину. Девочка посмотрела на него расширенными глазами, и он понял, что она до смерти напугана.

— Ничего, — сказал он. — Не бойся. Все будет хорошо.

— Ты хочешь отвезти меня обратно?

— Я хочу отвезти тебя в земное консульство в Караппе, а потом я заберу тебя в Сан-Франциско! — взбешенно рявкнул Фрэзер. — И пусть только кто-нибудь попробует остановить меня!

Он распахнул дверь ангара и взобрался на сиденье рядом с Бишой. Вездеход с лязганьем рванулся вперед, по песку. Впереди уже мелькали ряды светящихся точек — факелы. Точки сливались в единый поток, выливавшийся из ворот города, преграждая путь вперед.

— Сядь на пол, Биша, и не высовывай носа, — велел Фрэзер. — Тогда тебя не заденет.

Он включил полный ход. Вездеход дернулся и рванулся вперед, храпя и вздымая клубы пыли. Фрэзер вел его прямо на колышущуюся линию огней, инстинктивно пригибая голову к самому рулю. Кабина была металлическая, и ветровые стекла теоретически невозможно пробить, но в свете факелов его глаза различили бумеранги

горожан, острые и стремительные: они могли снести голову почище любого меча.

Что-то ударилось о стекло рядом с его головой, и оно мгновенно покрылось сеточкой трещин. Град камней обрушился на кузов машины, камни барабанили о металл. Но цепь факелов распалась, и Фрэзер успел рассмотреть изумленные темные лица расступившихся преследователей.

Они прорвались. Впереди была открытая, свободная пустыня. Три сотни миль, Караппа — и цивилизация.

Если он обгонит кочевников. Обведет их вокруг пальца.

Иного выхода просто не оставалось. Иначе ему конец — и Бише тоже. Он нуждался в медицинской помощи. Как можно скорее, причем от тех, кто не верит в заклятия.

Наконец забрезжила заря — холодный, призрачный свет в темном небе, затянутом пеленой пыли. Ничто не отделяло их от Караппы — ни канал, ни город, ничего, кроме тонкого сухого песка, который тек подобно воде под ветром.

— Слушай меня внимательно, — сказал он Бише. — Если я вдруг усну… — Фрэзер показал девочке, как остановить вездеход. — Сделай это немедленно, Биша. И не выходи из кабины до тех

пор, пока я не проснусь.

Она кивнула, сжав губы в ниточку от усердия и внимания. Он заставил ее повторить все несколько раз, пока не убедился, что она запомнила.

Вокруг была пустыня — на много-много миль вперед и назад, налево и направо. Неизменная, одинаковая. Сколько времени потребуется всаднику, чтобы догнать нагруженный караван? Сколько времени потребуется кочевникам, чтобы отыскать их след на своих быстрых зверях? Песок был мягкий, сыпучий, и лязгающие гусеницы вязли в нем, так что как ни старайся, ты все равно не сможешь двигаться быстрее, чем пустыня позволит тебе.

Биша о чем-то напряженно размышляла. Потом вдруг промолвила:

— Они вышлют погоню.

Да, девчонка была умна, слишком умна — на свою же беду.

— Кочевники? — невинно переспросил Фрэзер. — Мы запросто можем их обогнать. Они скоро отстанут.

— Нет, они не отстанут от нас. Им нужен не ты, а я. Но они убьют нас обоих.

— Мы улетим на Землю, — ответил Фрэзер. — Люди Марса, боги Марса — они не могут дотя-

нуться до Земли.

— Но они очень могущественны… Ты уверен?

— Совершенно уверен. Ты будешь счастлива на Земле, Биша.

Она прижалась к нему и вскоре уснула.

В приборную доску был вмонтирован компас. Крайне необходимый предмет в таком месте, где нет ни вех, ни дорог. Фрэзер держал стрелку по центру, прокладывая курс, словно в открытом море. Время текло, и песок тек, и все неотвратимее наваливалась усталость.

Усталость.

Похоже, ты очень скоро умрешь — ведь в ее племени проклятие разделили двадцать человек…

Пустыня перешептывалась. Ухо уже привыкло к лязганью гусениц и не воспринимало его, зато слышало шепот песков, скользких, текучих, журчащих под ветром. Зрение Фрэзера туманилось, контуры предметов расплывались, все плыло перед глазами. Зря он так надрывался на работе, он просто загнал себя, форменным образом. Усталость — благодатная почва для всяких болезней. Отсутствие сопротивляемости. Вот почему кочевники переносили инфекцию так легко, в отличие от него, чужеземца, к тому же изнуренного месяцами перенапряжения и добровольного

заточения. Да, конечно, все дело в этом.

— …Двадцать человек в ее племени разделяли бремя проклятия — но ты один…

Проклятый Тор-Эш!

— Биша, проснись! Нам нужно поесть. И подай мне скорей вон ту бутылку.

Выпив и немного перекусив, Фрэзер почувствовал себя значительно лучше.

— Мы будем ехать всю ночь. Так что к утру будем уже в Караппе. Если кочевники и гонятся за нами, они не успеют схватить нас.

К середине дня он вел вездеход в каком-то полузабытьи. Он не понимал, каким образом сбился с курса. Когда Фрэзер заметил это, он уже отмахал крюк на много миль. Он посидел, мучительно пытаясь припомнить координаты и весь дрожа, как в ознобе. Биша молча смотрела на него.

— Ну что ты так трясешься?! — взорвался он. — Со мной все в порядке! Мы доедем, куда нам надо.

Биша печально опустила голову и отвернулась.

— И нечего реветь, черт бы тебя побрал! Слышишь? У меня и так хлопот полон рот — и без твоего нытья.

— Это все из-за меня, — прошептала она. — Тебе

нужно было поверить тому, что говорили старейшины.

Он ударил ее. Впервые ударил ее со злостью.

— Я не желаю больше слушать эти бредни! Если ты до сих пор так ничего и не поняла…

Биша молча отодвинулась на дальний конец сиденья.

Фрэзер снова включил мотор, возвращаясь на правильный курс, но не отъехал далеко. У него просто не было сил. Нужно отдохнуть. Поспать хотя бы часок — это освежит.

Он остановил машину и посмотрел на Бишу. Недавняя пощечина вспомнилась словно сквозь туман, как будто это было много-много лет назад.

— Моя маленькая бедняжка, — сказал он. — Ты ведь не виновата в этом. Ты простишь меня?

Она кивнула. Фрэзер поцеловал ее, Биша еще немного поплакала — и потом он уснул, велев ей разбудить его, когда стрелка на циферблате панельных часов дойдет до цифры пять.

Он просыпался с большим трудом, и когда вездеход, накренившись, начал выползать, выгребая из засыпавшего его песка, на пустыню спустилась глухая ночь. Сон не принес Фрэзеру облегчения. Он чувствовал себя еще более скверно, как будто

кто-то выпил из него последние силы, и голова была совершено пустая, словно перевернутое ведро.

Он вел вездеход вперед.

Но опять сбился с курса. Наверное, он задремал на ходу, и машина сделала крюк. Фрэзер со злостью повернулся к Бише:

— Почему ты не остановила машину? Я же велел тебе…

В слабом свете приборного щитка он вдруг увидел ее лицо, обращенное к пустыне, — и все понял. Она опять впала в этот свой транс — отрешенности и меланхолии. Биша не ответила.

Фрэзер выругался. Нашла время распускать сопли, когда он так нуждался в ней! Конечно, ей досталось в жизни, бедняжке, но это уже стало входить у нее в привычку! Сейчас же она просто не имеет права раскисать! Это уже стоило им многих бесценных часов, бесценных миль!.. Он взял ее за плечо и потряс.

Тело девочки было безвольным и мягким, как у тряпичной куклы. Он прикрикнул на нее. Она словно не слышала. В конце концов Фрэзер выключил мотор, вне себя от ярости, и рывком повернул Бишу к себе. Потом он снова ударил ее — во второй раз.

Она не заплакала, только прошептала чуть слышно:

— Я ничего не могу с собой сделать… Они тоже наказывали меня, но это не помогало.

Было очевидно, что ей все безразлично. Он не мог достучаться до нее, не мог проникнуть в ее душу. Прежде Фрэзер никогда не пытался вывести девочку из подобного состояния. Теперь же он попытался и обнаружил, что бессилен. Он отпустил Бишу, и она опять заползла в угол. Фрэзер взглянул на нее — и вдруг страх, разъедающий страх начал завладевать им, ибо он вспомнил, что происходило всякий раз после того, как Биша начинала хандрить.

После этого он мгновенно терял сознание, впадая в летаргический сон.

Система. Каждый раз одно и то же, без изменений.

Но это же бессмыслица! Простое совпадение!

Совпадение три раза подряд? А как догадался Тор-Эш, что ребенок у Фрэзера? Он ведь знал это наверняка.

Три раза подряд, образец, схема. Если это повторится в четвертый раз… Тогда он будет знать наверняка.

Но может ли он позволить себе этот четвертый

раз?

Безумие, бред. Ну каким образом настроение маленького ребенка способно влиять на взрослого мужчину?

Фрэзер снова схватил Бишу за плечи. На него накатило отчаяние. Он был с ней груб; он даже не подозревал, что может быть таким грубым с ребенком. Но это не помогло. Она посмотрела на него словно издалека — без возмущения, без интереса.

Значит, это не простая хандра. Что-то другое.

Что же?

…Иногда рождается ребенок…

Фрэзер рывком бросил вездеход вперед — по дорожке света его же фар. Яркая щель в черной незапамятной тьме ночи.

Ему было жутко. Он боялся Биши. И все же он не мог поверить.

В Караппу! Что бы там ни было, в Караппе найдется кто-то, кто знает, что это такое, кто сможет помочь. Не спи: не давай занавесу упасть снова.

Думай. Ясно, что это не проклятие, это исключено. Ясно, что это не болезнь. И не воздействие окружающей среды или каких-то атмосферных явлений — ничего подобного прежде не наблюдалось. А кроме того, Тор-Эш: он понял, в чем дело.

Что он там говорил про древние расы? Что говорили о них преподаватели колледжей? Слишком много и слишком мало. Слишком мало учебного времени на такое огромное количество рас.

…Они могли видеть без глаз и слышать без ушей, они властвовали над стихиями…

Фрэзер напрягся, мучительно вспоминая. Он взглянул на ребенка. Древние расы. Рецессивные гены, старые семена, до сих пор дающие всходы. Что это за гены? Какие особенности организма заложены в них? Экстрасенсорные таланты? Да, многие марсиане обладают паранормальными способностями, но тут что-то другое. Что же, что?!

Какие-то остатки, клочки разрушенного, разрозненного…

По кому или чему она так тоскует, сама того не сознавая?

Разгадка пришла к нему внезапно — ясная, как дневной свет. Страница забытого учебника, хранившаяся все эти годы в глубинах подсознания, смутное воспоминание о людях, которые пытались сублимировать жизнь в умирающем мире путем создания некоего ментально-психического симбиоза, организации жизни в тесных общинах, с единым коллективным разумом, единым

коллективным потенциалом. Общими усилиями эти общины сумели достичь такого могущества, такой силы контроля над разумом, что в течение нескольких веков правили почти четвертой частью Марса, оставив после себя бесчисленные легенды.

И вот теперь этот ребенок.

Нормальный и здоровый во всех отношениях — кроме одного. Мозг девочки не был самодостаточным. Наследственность сыграла с беднягой скверную шутку — она явилась на свет как часть того самого коллективного разума, сообщества сверхвзаимозависимых интеллектов и душ, которого — увы! — больше не существовало на Марсе. Мозг Биши действовал подобно батарее, расходуя свою энергию в процессе жизнедеятельности и мышления, и когда энергия иссякала, батарее требовалась подзарядка извне, поскольку в ней отсутствовала способность к регенерации. А потому мозг Биши отсасывал, крал энергию у других, ничего не подозревающих людей — этакий невинный бессознательный вампир, опустошающий чужие умы и души, когда ему нужно.

Как раз сейчас Биша была занята именно этим. В своем племени она отнимала жизнь у двадцати человек, так что никто из них пока что не умер.

Но Фрэзер был один. Он уже не мог полностью удовлетворить ее потребности — вот почему промежутки между обмороками так сократились.

Невежественные марсиане оказались правы. А мудрый землянин Фрэзер фатально ошибся.

Если он высадит ее сейчас здесь, прямо посреди пустыни, то останется жить.

Он остановил вездеход и посмотрел на Бишу. Она казалась такой маленькой и беспомощной, и он любил ее. В конце концов, Биша не виновата. Что-то нужно делать, как-то помочь ей — и в большом многолюдном городе она не будет столь смертоносна.

Переживет ли он еще одно погружение в бездны мрака?

Фрэзер не знал. Но однажды Биша уже убежала от него, по собственной воле, чтобы спасти ему жизнь. Он был обязан хотя бы попытаться помочь ей.

Он обнял ее.

Занавес рухнул.

Фрэзер медленно открыл глаза. Вокруг стояла полная, мертвая тишина — и сияло медное солнце. Он проснулся — словно медленно отползая от края бездонной пропасти — и вдруг понял, что в машине очень тихо. Он был один. Фрэзер

окликнул Бишу, но ему никто не ответил.

Он вылез из вездехода. Он шел вперед, зовя ее… А потом увидел следы. Следы зверей, на которых ездят кочевники. Они подходили к машине сзади. Цепочка маленьких следов от ножек Биши тянулись навстречу к ним.

Он перестал звать. Его крик был слишком громким, слишком ужасным. Он побежал вперед, по следам маленьких ножек. В конце цепочки лежала маленькая бесформенная груда тряпья, в которой больше не было жизни.

Она нарушила свое обещание. Она ослушалась и оставила его, сонного, в безопасности, чтобы в одиночку встретиться с наездниками, которым была нужна она, а не он.

Такую крохотную могилу Фрэзер выкопал очень быстро.

Потом сел в вездеход и поехал вперед. Больше ему ничего не угрожало, но он гнал машину как одержимый, видя все, как в тумане. Он мечтал об одном — скорее попасть на Землю. Лишь бы не возвращаться в тот белый дом на холме, в котором отныне вечно будет жить призрак маленькой девочки.

2024:
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШАНДАКОРА

Глава 1

В винный погребок вошел незнакомец в темно-красном плаще, лицо его было скрыто низко надвинутым капюшоном. В дверях он на миг остановился, и одна из изящных темных хищниц, что всегда обитают в подобных местах, подошла к нему, позвякивая серебряными колокольчиками, — кроме них, на ней почти ничего не было.

Я видел, как женщина улыбнулась человеку в плаще. И вдруг улыбка застыла на ее лице, а с глазами как будто что-то случилось. Она больше не смотрела на незнакомца, она смотрела сквозь него, причем возникало странное впечатление, что он просто стал невидим.

Женщина прошла мимо. Я не заметил, подала ли она какой-нибудь знак окружающим, но вокруг незнакомца мгновенно образовалось пустое пространство. И никто на него не смотрел. Люди не отворачивались, они просто не замечали вошедшего.

Незнакомец начал пробираться сквозь толпу. Он был очень высоким и двигался с плавной и мощной грацией. Люди как бы случайно отходили с его пути. Воздух казался густым от резких

запахов и пронзительного смеха женщин.

Два высоких, сильно захмелевших варвара затеяли драку, вспомнив о какой-то давней межплеменной вражде, и ревущая толпа расступилась, чтобы очистить для них место. Серебряная свирель, барабан и местная арфа наполняли комнату древней дикой музыкой. Гибкие коричневые тела мелькали и кружились среди смеха, криков и дыма.

Незнакомец шел, не обращая внимания на шум, не касаясь никого, невидимый, одинокий. Проходя мимо, он взглянул в мою сторону — быть может, потому, что я один из всей толпы не просто видел его, а смотрел, не отрывая глаз. Его черные глаза сверкнули из-под капюшона, как горящие угли. В них читались страдание и гнев.

Я мельком увидел скрытое капюшоном лицо. Только мельком, однако этого было достаточно. Зачем ему понадобилось показывать мне свое лицо в барракешском винном погребке?

Незнакомец прошел дальше. В темном углу, куда он направлялся, не было места, но оно немедленно образовалось: целое кольцо свободного места, отделяющее незнакомца от толпы, — ров вокруг замка. Я видел, как он сел и положил монетку на край стола. Подошла служанка, взяла

монетку и поставила на стол кружку вина. Выглядело это так, будто она обслуживала пустой стол.

Я повернулся к Кардаку, своему главному погонщику, типичному шани с массивными плечами и гривой нестриженых волос, завязанных замысловатым узлом — знаком его племени.

— Что все это значит?

Кардак пожал плечами:

— Кто знает? — Он встал, приглашая меня последовать своему примеру. — Пойдем, Джонросс. Пора возвращаться в караван-сарай.

— У нас еще куча времени до выхода. И не лги мне, я не первый день на Марсе. Кто этот человек? Откуда он?

Барракеш — ворота между севером и югом. Давным-давно, когда на южном и экваториальном Марсе еще существовали океаны, когда Валкис и Джеккара были оплотом империи, а не воровскими притонами, через Барракеш, лежащий на краю Пустынных земель, шли и шли в обе стороны огромные бесчисленные караваны, и так в течение многих тысячелетий. Барракеш всегда переполняли чужеземцы.

На изъеденных временем каменных улочках можно встретить высоких келшиан — жителей холмов, кочевников с высоких равнин Верхнего

Шана, темнокожих поджарых южан, выменивающих сокровища разграбленных храмов, прожженных бродяг космоса из Кахоры и торговых городов, где есть космопорты и прочие блага современной цивилизации.

Незнакомец в красном плаще не был похож ни на кого из них.

Лишь на миг он показал мне свое лицо, но я — планетарный антрополог. Предполагалось, что я составляю этнологическую карту Марса. Я действительно этим занимался и даже чудом сумел получить грант от земного университета, где никто не сообразил, как безнадежна эта задача на Марсе с его необозримой историей.

В Барракеше я готовился к годичной экспедиции по изучению племен Верхнего Шана. И тут мимо меня проходит человек с золотистой кожей и не по-марсиански черными глазами, человек, лицо которого не принадлежит ни к одному из известных мне типов. Оно немного напоминало каменные лица фавнов.

— Время идти, Джонросс, — повторил Кардак.

Я посмотрел на незнакомца, пьющего вино в молчаливом одиночестве.

— Очень хорошо, я спрошу у него.

Кардак вздохнул:

— Земляне обделены мудростью…

Он повернулся и ушел, оставив меня одного.

Я пересек комнату и подошел к незнакомцу. Очень учтиво на древнем марсианском языке, которым пользуются во всех городах Нижних Каналов, я спросил у него разрешения присесть.

Незнакомец посмотрел мне прямо в глаза своим гневным страдающим взглядом. В нем горели ненависть, презрение и стыд.

— Какого ты племени, человек?

— Я землянин.

Он повторил это слово с таким видом, будто слышал его раньше и пытается вспомнить, что же оно значит.

— Землянин… Тогда правду разносят ветры пустыни — о том, что Марс мертв и люди других миров оставляют следы в его пыли.

Чужак оглядел винный погребок и всех тех, кто не признавал его существования.

— Перемены, — прошептал он. — Смерть и перемены. Ничто не вечно.

Мускулы на лице незнакомца напряглись. Он выпил, и теперь я заметил, что пьет он уже давно — несколько дней, а быть может, и недель. Тихое безумие владело им.

— Почему люди избегают вас?

Он засмеялся сухо и горько:

— Только человек с Земли может не знать ответа.

«Новая, неизвестная раса!» — думал я. Я думал о славе, которая ждет человека, открывшего что-то новое, о кресле заведующего кафедрой, которое станет моим, если я добавлю еще одну яркую страницу в призрачную мозаику марсианской истории. К тому времени я уже немного перебрал. Кресло мне виделось высотой в милю и из чистого золота.

— Я побывал, наверное, во всех трактирах, какие есть в этой пыльной дыре под названием Барракеш. Везде одно и то же — меня больше нет.

Под тенью капюшона блеснули белые зубы.

— Мой народ… они были мудрее. Когда умрет Шандакор, мы все умрем, и неважно, живы ли наши тела.

— Шандакор? — спросил я. Это имя прозвучало, как звон дальних колоколов.

— Откуда землянину знать? Да, Шандакор! Спроси у людей из Кеша и Шана! Спроси королей Мекха, там, за полсвета отсюда! Спроси у всех людей на Марсе — они не забыли Шандакор! Но тебе они ничего не скажут. Это имя для них

— горечь и стыд.

Он смотрел поверх толпы, клубящейся в тесной комнате и выплескивавшейся на шумную улицу.

— И вот я здесь, среди них — погибший.

— Шандакор мертв?

— Умирает. Нас было трое — тех, кто не хотел умирать. Мы пошли на юг через пустыню. Один повернул назад, один погиб в песках, а я пришел сюда, в Барракеш.

Металлический кубок согнулся в руках незнакомца.

— И вы жалеете, что пришли, — произнес я.

— Мне надо было остаться и умереть вместе с Шандакором. Теперь я знаю. Но вернуться я не могу.

— Почему?

Я все думал, как будет смотреться имя Джона Росса среди начертанных золотом имен первооткрывателей.

— Пустыня велика, землянин. Слишком велика для одиночки.

И тогда я сказал:

— Мой караван сегодня ночью уходит на север.

Глаза чужака полыхнули странным смертельным огнем, таким, что я даже испугался.

— Нет, — прошептал он. — Нет!

Я сидел молча, глядя на толпу, забывшую обо мне, потому что я сел рядом с незнакомцем. «Новая раса, — Думал я, — неизвестный город». И я был пьян.

После долгого молчания незнакомец спросил меня:

— Что нужно землянину в Шандакоре?

Я рассказал ему, и он рассмеялся.

— Ты изучаешь людей! — воскликнул незнакомец и снова засмеялся, да так, что красный плащ пошел рябью.

— Если вы хотите вернуться, я возьму вас с собой. Если нет — скажите мне, где находится Шандакор, и я найду его. Ваша раса и ваш город должны занять свое место в истории.

Он ничего не ответил, но вино сделало меня проницательным, и я мог видеть, что творится у него в душе. Я поднялся с места.

— Имейте в виду. Вы можете найти меня в караван-сарае у северных ворот до восхода малой луны.

— Подожди! — Незнакомец схватил меня за руку и больно стиснул. Я взглянул на его лицо, и мне не понравилось то, что я там увидел. Но, как сказал Кардак, я обделен мудростью. — Твои

люди, — сказал незнакомец, — не пойдут дальше Колодцев Картедона.

— Тогда мы пойдем без них.

Долгая, долгая пауза. Затем он промолвил:

— Да будет так.

Я знал, о чем думает незнакомец, так же ясно, как если бы он произнес это вслух. Он думал, что я всего лишь землянин и что он убьет меня, как только покажется Шандакор.

Глава 2

Колодцев Картедона караванные пути разветвлялись. Один шел на запад, в Шан, другой — на север, в ущелья Дальнего Кеша. Но был еще и третий, самый древний; он шел на восток и был совершенно заброшен. Глубокие вырубленные в скалах колодцы высохли. Исчезли, поглощенные дюнами, каменные навесы. Задолго до того, как дорога достигала подножия гор, пропадали всякие воспоминания о воде.

Кардак вежливо отказался идти за Колодцы. Он подождет меня здесь, сказал погонщик, подождет достаточно долго, и, если я вернусь, мы пойдем в Шан. Если нет — что ж, причитающаяся ему плата находится у местного вождя; он заберет деньги и отправится домой. Кардаку не понравилось, что мы берем с собой незнакомца. Он удвоил цену.

За весь долгий путь от Барракеша до Колодцев я не смог вытянуть ни слова о Шандакоре ни из Кардака, ни из его людей. Незнакомец тоже молчал. Он сообщил мне только свое имя — Корин — и ничего больше. Завернувшись в свой плащ с капюшоном, чужак ехал один и размышлял. Душу его терзали все те же страсти, к ним лишь

прибавилась еще одна — нетерпение. Он загнал бы нас всех до смерти, если бы я это позволил.

Итак, мы с Корином вдвоем поехали на восток от Картедона, ведя в поводу двух марсианских мулов и столько воды, сколько могли унести. И теперь я уже был не вправе его сдерживать.

— У нас нет времени останавливаться, — говорил Корин. — Остались считанные дни. Время не ждет.

Когда мы достигли гор, из четырех мулов у нас оставалось только три, а первый гребень мы пересекли уже пешком, и весь оставшийся у нас запас воды легко нес последний мул.

Теперь мы шли по дороге. Местами прорубленная в скалах, местами протоптанная, она вела все дальше и дальше, через нагие безмолвные горы. И никого вокруг — только красные скалы, которые ветер сделал похожими на лица.

— Здесь проходили великие армии, — сказал Корин. — Короли и караваны, нищие и рабы из людских племен, певцы, танцовщицы и княжеские посольства. Дорога в Шандакор.

Мы мчались вперед, как сумасшедшие.

Последний мул сломал себе шею, оступившись на скользких камнях. Единственный оставшийся мех с водой мы понесли сами. Это была не слиш-

ком тяжелая ноша, и чем дальше, тем легче она становилась. Под конец воды оставалось лишь несколько капель.

Однажды днем, задолго до заката, Корин внезапно сказал:

— Остановимся здесь.

Дорога перед нами круто поднималась вверх. Вокруг царило все то же безмолвие. Корин уселся на занесенный пылью дорожный камень. Я тоже присел, стараясь держаться подальше от него. Я внимательно следил за ним, но он молчал, и лицо его было скрыто плащом.

В узком глубоком ущелье постепенно сгущались тени. Полоска неба над головой засветилась сначала шафраном, потом багрянцем, а потом на небе показались яркие холодные звезды. Ветер продолжал точить и полировать камень, бормоча про себя свои жалобы, — стародавний одряхлевший ветер, вечно недовольный собой. Едва слышалось сухое щелканье падающих камешков.

Моя рука под плащом сжимала холодную сталь пистолета. Стрелять мне не хотелось. Но не хотелось и умирать здесь, на безмолвной дороге, по которой в незапамятные годы проходили армии, короли и караваны.

Луч зеленоватого лунного света пополз по стенам ущелья. Корин поднялся:

— Я дважды ошибся. Теперь, наконец, я понял, в чем правда.

— Ты о чем?

— Я думал, что смогу убежать от смерти. Это была ошибка. Потом решил, что смогу вернуться и разделить общую участь. Но и тут я ошибался. Теперь я вижу правду. Шандакор умирает. Я бежал от смерти, которая ожидает город и весь мой народ. Это бегство покрыло меня вечным позором — я никогда не смогу вернуться назад.

— Что же ты будешь делать?

— Я умру здесь.

— А я?

— Не думал же ты, — произнес Корин тихо, — что я позволю чужестранцу прийти и смотреть, как умирает Шандакор?

Я рванулся с места первым и бросился ничком на пыльные камни дороги, не зная, какое оружие он может прятать в складках своего темно-красного плаща. Что-то полыхнуло светом и пролетело над моей головой с шипением и грохотом, а в следующий момент я уже бросился Корину под ноги. Он упал, а я навалился на него сверху.

Корин упорно сопротивлялся — мне пришлось дважды стукнуть его головой о камень, прежде чем я смог отобрать у него маленькую смертоносную игрушку из металлических стержней и отбросить ее подальше. Больше никакого оружия у него не было.

— Я отнесу тебя в Шандакор.

Корин лежал тихо — неподвижная фигура, завернутая в разорванный плащ. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Да будет так, — прошептал он. А потом попросил воды.

Я подошел к меху с водой и встряхнул его, надеясь, что там осталось хотя бы с чашку. Я не слышал, как Корин пошевелился. Все было проделано беззвучно, с помощью какого-то острого украшения. Я принес воду — нашу последнюю воду — и попытался приподнять его. Он встретил меня удивительным сияющим взглядом и прошептал три слова на неизвестном мне языке. И умер.

Я опустил тело на камни. Кровь Корина стекала в Дорожную пыль. И даже в свете луны было заметно, что это не человеческая кровь.

Я долго сидел неподвижно, охваченный какой-то странной слабостью. Потом откинул с

головы Корина темно-красный капюшон. Она была очень красивая, его голова. Я никогда не видел раньше таких голов — иначе не пошел бы вдвоем с ним в горы. Я многое понял бы, если бы мне хоть раз довелось увидеть этот череп. Ни за какую славу и ни за какие богатства я не пошел бы в Шандакор.

Череп был узким и куполообразным, очень изящно слепленным. Сверху он был покрыт короткими вьющимися волокнами, отливавшими металлом в ярком серебряном свете луны. Они пошевелились под моей рукой, реагируя на прикосновения чужака, — маленькие, шелковистые, похожие на электрические провода. А когда я отнял руку, блеск угас и фактура волокон изменилась.

Я вновь прикоснулся к голове Корина, но на этот раз волокна уже не шевелились. Уши у него были острые, с маленькими серебристыми кисточками на концах. Уши, руки и грудь были покрыты чем-то вроде чешуек — сияющая пыльца на золотистой коже. Я осмотрел его зубы — они тоже не были человеческими.

Теперь-то я понял, почему Корин рассмеялся, когда услышал, что я изучаю людей.

Было очень тихо. Я слышал, как катятся с утесов

маленькие камешки, как шуршит пыль, стекая вниз по трещинам. Колодцы Картедона остались далеко позади. Слишком далеко для пешего путника с единственной чашкой воды.

Я посмотрел на узкую крутую дорогу впереди. Посмотрел на Корина. Поднялся холодный ветер, лунный луч угасал. Мне не хотелось оставаться в темноте наедине с Кориной.

Тогда я встал и пошел по дороге, ведущей в Шандакор.

Подъем был крутым, но не длинным. Наверху дорога прошла между двумя скальными выступами; за этими естественными воротами, далеко внизу, в свете двух маленьких, быстро бегущих по небу марсианских лун лежала горная долина.

Когда-то вокруг высились покрытые снегом вершины. В черных и красных скалах гнездились летающие красноглазые ящеры, похожие на ястребов. Чуть ниже горы были покрыты лесом — багряным, зеленым и золотистым, а внизу, на дне долины, лежало черное озеро. Но то, что открылось моему взору, было мертвой долиной. Пики обрушились, леса исчезли, а озеро превратилось в черную яму в голой скале.

И среди этого запустения стоял город-крепость, сияя мягкими разноцветными огнями.

Черные массивные стены не давали прохода наползающей пыли, а внутри их был оазис — остров жизни. Ни одна из высоких башен не была разрушена. Между ними горели огни, а на улицах города кипела жизнь.

Живой город — а Корин сказал, что Шандакор умирает.

Богатый, полный жизни город.

Я ничего не понимал. Но я знал одно: те, кто ходят сейчас по далеким улицам Шандакора, — не люди.

Я стоял и глядел вниз, дрожа на холодном ветру. Яркие огни города манили к себе, хотя было что-то неестественное в этой освещенной ярким светом жизни среди мертвой долины. А потом я подумал, что, люди они или нет, обитатели Шандакора могут продать мне воды и мула, чтобы нести эту воду, и тогда я выберусь отсюда и вернусь назад, к Колодцам.

На спуске дорога стала шире. Я беззаботно шагал по самой ее середине. Внезапно откуда-то появились двое и преградили мне путь.

Я вскрикнул и отпрыгнул назад. Меня прошиб холодный пот, сердце отчаянно заколотилось. В лунном свете блеснули мечи, а загородившие мне путь рассмеялись.

Один был высоким рыжеволосым варваром из Мекха — чтобы попасть в его родные края, следует пройти на восток почти полпланеты. Другой — смуглый и худощавый — был жителем Таарака, который находится еще дальше.

Я был напуган, разозлен и потрясен, поэтому задал им глупейший вопрос:

— Что вы тут делаете?

— Мы ждем, — ответил человек из Таарака. Он сделал плавный жест рукой, указывая на темные склоны долины. — Из Кеша и Шана, из всех стран Норланда и с Границ собрались люди и ждут. А ты?

— Я заблудился, — сказал я. — Я — землянин, и не хочу ни с кем ссориться.

Меня все еще трясло, но теперь уже от облегчения. Мне не придется идти в Шандакор! Раз здесь собралась целая армия, значит, есть и припасы, а стало быть, можно приобрести все необходимое у варваров.

Я рассказал им, что мне нужно.

— Я заплачу за все, хорошо заплачу!

Они переглянулись.

— Хорошо. Пойдем, ты сможешь поторговаться с вождем.

Мы пошли: я в середине, они — по краям. Но

не сделали мы и нескольких шагов, как я уже лежал лицом в пыли, а оба варвара набросились на меня, как дикие коты. Когда они закончили обыск, к ним перешло все, чем я владел, не считая нескольких предметов одежды, которые им были не нужны. Я встал, выплевывая кровь изо рта.

— Для пришельца, — сказал человек из Мекха, — ты дерешься неплохо.

Он несколько раз подбросил на ладони мой кошелек, прикидывая вес, потом протянул мне кожаную фляжку со своего пояса.

— Пей. В этой малости я не могу тебе отказать. Но нашу воду приходится привозить сюда из-за гор, и у нас нет излишков, чтобы тратить их на землянина.

Я был не гордым и осушил фляжку, раз уж ему так этого хотелось. А человек из Таарака произнес, улыбаясь:

— Ступай в Шандакор. Может быть, они дадут тебе воды.

— Но вы забрали мои деньги!

— Они все богачи там, в Шандакоре. Им не нужны деньги. Пойди, попроси у них воды!

Варвары стояли и смеялись над своей непонятной шуткой, и мне не понравился этот смех. Я готов был убить обоих и сплясать на их останках,

но они не оставили мне никакого оружия, а что я мог сделать голыми руками? Поэтому я повернулся и ушел, оставив их скалиться надо мной в темноте.

Дорога вела вниз и дальше, по дну долины. Я чувствовал на себе взгляды часовых, наблюдавших за мной со всех склонов в слабом свете лун. Стены города становились выше и выше, они скрыли все, кроме вершины самой высокой башни, увенчанной странным приплюснутым шаром. Во все стороны из него торчали какие-то кристаллические стержни. Шар медленно вращался, и кристаллы поблескивали чуть заметными белыми искрами.

Мощеная дорожка стала подниматься к Западным воротам. Я шел вперед медленно и неохотно. Теперь было видно, что ворота открыты. Открыты — в осажденном-то городе!

Некоторое время я простоял, пытаясь решить эту загадку — армия, которая не атакует, и город с распахнутыми воротами. Но так ничего и не понял. На стенах было полно солдат, сидевших, лениво развалясь, под яркими знаменами. Внутри, за воротами, бродило множество людей, но все они были заняты своими собственными делами. Их голосов не было слышно.

Я заставил себя приблизиться к воротам. Ничего не произошло. Часовые не окликнули меня, никто не заговорил.

Вы знаете, как нужда заставляет человека поступать против собственной воли и здравого смысла?

Я вошел в Шандакор.

Глава 3

За воротами оказалась квадратная площадь — открытое пространство, способное вместить целую армию. Со всех сторон ее окружали палатки купцов с навесами из дорогих тканей, а таких товаров на Марсе не видали уже много веков.

Там были фрукты, вина и пряности, редкие меха и неблекнущие краски, секрет которых давно утерян, изысканные ткани и мебель, сделанная из древесины исчезнувших деревьев. В одной из палаток торговец с дальнего юга продавал церемониальный коврик, сплетенный из блестящих длинных волос девственниц — и совершенно новый!

Все купцы были людьми. Одни принадлежали к известным мне народам, о других я хотя бы слыхал. Об остальных понятия не имел.

В толпе, клубившейся вокруг палаток, тоже были люди: купцы, пришедшие заключить сделки, рабы, которых вели на аукцион. Но людей было немного. А остальные…

Я стоял, вжавшись в темный угол ворот, и холод пронизывал меня с головы до ног — холод, причиной которому был не только ночной ветер.

Лордов Шандакора с золотистой кожей и серебряным гребнем на голове я теперь знал благодаря Корину. Я говорю «лордов», потому что они держали себя, как лорды, гордо проходя по своему городу в окружении рабов человеческой расы. А те люди, которые не были рабами, почтительно уступали им дорогу. Они знали, какую честь им оказали, позволив войти в город.

Все женщины Шандакора были очень красивы — изящные золотистые эльфы с лучистыми глазами и острыми ушками. Но встречались и другие — какие-то стройные создания с огромными крыльями. Были среди них гибкие и пушистые, были, наоборот, лысые и безобразные — они даже летали как-то неровно, зигзагами, а были такие странные формы, что об их эволюции я и предположить ничего не мог.

Вот они — давно исчезнувшие с лица планеты народы. Древние расы, чья гордость и сила остались лишь в полузабытых легендах, в рассказах стариков марсианских захолустий. Даже я, специалист по антропологической истории, слышал об этих народах только обрывки легенд и сказаний — так на Земле помнят гигантов и сатиров.

Однако все они были здесь. Причудливые тела их были увешаны роскошными украшениями,

им прислуживали обнаженные рабы-люди в кандалах из драгоценных металлов. И купцы склонялись перед этими созданиями так же низко, как перед соплеменниками Корина.

Кругом горели разноцветные огни — но не факелы, к которым я уже успел привыкнуть на Марсе: холодным светом сияли хрустальные шары. Стены окружавших торговую Площадь зданий были облицованы редкими сортами мрамора, а венчавшие их башенки инкрустированы бирюзой и киноварью, янтарем, нефритом и удивительными кораллами южных морей.

Обладатели великолепных нарядов и обнаженные рабы кружились в пестром водовороте торговых рядов. Они покупали и продавали, и я видел, как раскрываются их рты, видел, как смеются женщины, однако на всей огромной площади не было слышно ни единого звука. Ни голоса, ни шарканья ног, ни звона доспехов. Стояла мертвая тишина, тишина покинутого города.

Я начал понимать, почему не было нужды закрывать ворота. Ни один суеверный варвар не отважится войти в город призраков.

А я… я цивилизованный человек. Я ученый. И все же, если бы не жестокая нужда в воде и провизии, я стремглав убежал бы прочь. Но бежать

мне было некуда, поэтому я остался, цепенея от липкого страха.

Кто они, эти не издающие звуков создания? Призраки? Отражения? Люди и не-люди, древние, горделивые, давно забытые существа… что означает их присутствие здесь? Может, это какая-то странная форма жизни, о которой я ничего не знаю? Способны ли они видеть меня так же ясно, как я вижу их? Есть ли у них собственная воля, собственные мысли?

В пользу их существования говорило то прозаическое занятие, которому они с таким пылом предавались. Призраки не торгуют. Они не дарят своим женщинам драгоценные ожерелья, не спорят о цене кованых доспехов.

Такое основательное занятие — и мертвая тишина. Это было ужасно. Если бы я услышал хоть один живой звук…

«Город умирает, — сказал Корин. — Остались считанные дни». А что, если их уже не осталось? Что, если город умер и я один среди каменных стен, в лабиринте незнакомых улиц и переходов, один среди всех этих огней и призраков?

Скверная штука — ужас в чистом виде. Его-то я и испытывал.

Медленно и осторожно я начал продвигаться

вдоль стены. Мне хотелось уйти подальше от оживленной площади. Вот лысое летучее создание покупает девочку-рабыню — рот девочки раскрылся в беззвучном крике. Я отчетливо видел каждый мускул на ее лице, видел, как судорожно дергается горло. И ни единого звука.

Я нашел улицу, ведущую параллельно городской стене, и двинулся вдоль нее. В освещенных окнах мелькали человеческие фигуры. Иногда кто-нибудь проходил мимо, и я прятался. По-прежнему стояла полная тишина. Я осторожно передвигал ноги, стараясь не шуметь. Почему-то мне пришло в голову, что если я наделаю шума, то случится что-то ужасное.

Навстречу прошла компания купцов. Я отступил назад, в проем арки, и внезапно из-за моей спины появились три увешанные блестящими побрякушками женщины из караван-сараев. Я попал в ловушку.

Мне очень не хотелось, чтобы ко мне прикасались эти безмолвные смеющиеся женщины, поэтому отскочил назад, на улицу, и все купцы повернули головы в мою сторону. Я решил, что они заметили меня, и остановился. Женщины подошли ближе. Тела их были расписаны узорами, блестели красные губы, сверкали накрашенные

глаза. Они прошли сквозь меня.

Я закричал — во всю силу своих легких. А женщины пошли дальше. Они заговорили с купцами, купцы рассмеялись, и все вместе двинулись куда-то вдоль по улице. Они меня не видели и не слышали. А когда я оказался у них на пути, они меня не заметили — я был для них не плотнее облака.

Я сел прямо на каменную мостовую и долго сидел, пытаясь собраться с мыслями. Мужчины и женщины проходили сквозь меня, как будто я был бесплотной тенью. Я пытался вспомнить ощущение внезапной боли, которая могла бы послужить причиной моей смерти — так мгновенно и незаметно убивает попавшая в спину стрела. Ибо из всего следовало, что призрак — это я.

Но вспомнить не удавалось. Мое тело было так же материально, как камни, на которых я сидел. Это были очень холодные камни, и именно холод согнал меня наконец с места. Больше не было причины прятаться, поэтому я шел по самой середине улицы и постепенно привыкал не уступать никому дороги.

Снова передо мной выросла стена — она шла под прямым углом к первой обратно в город. Я зашагал вдоль нее, и вскоре стена плавно повер-

нула и снова вывела меня на торговую площадь — к дальнему от входа концу. Там были еще одни ворота, отделявшие торговую площадь от остального города. Древние свободно проходили внутрь, но ни один человек не приближался к воротам — только рабы. Я понял, что нахожусь в гетто — районе, отведенном для людей, прибывших в Шандакор с караванами.

Я вспомнил, как относился ко мне Корин, и подумал, что жители города вряд ли придут в восторг от моего вторжения, при условии, конечно, что я все еще жив, а в Шандакоре есть жители, для которых я — не призрак.

Посреди площади стоял фонтан. Струи воды рассыпались брызгами в свете разноцветных огней и падали вниз, в широкий каменный бассейн. Мужчины и женщины подходили и пили эту воду. Я тоже подошел, но когда опустил руки в бассейн, то почувствовал, что он давно высох и наполнен пылью. Когда я поднял руку, пыль вытекла между пальцами. Я видел ее очень отчетливо — но воду я тоже видел. Какой-то ребенок подбежал и начал брызгать водой в прохожих. Сорванца наказали, он заплакал, и все это — без единого звука.

Я покинул площадь и прошел через запретные

для людей ворота.

Там были широкие улицы. Там были деревья и цветы, просторные парки и окруженные садами виллы, высокие и великолепные. Там был гордый, прекрасный город, древний, но не разрушенный, красивый, как Афины в пору расцвета, только гораздо богаче и совсем непохожий на земные города. Вы можете себе представить, каково это — бродить в безмолвной толпе, где нет ни единого человека, и видеть совершенно чужой город во всей его славе?

Башни из нефрита и киновари, золотые минареты, огни и цветные шелка, радость и сила. О, народ Шандакора! Как бы далеко ни были сейчас их души, они никогда не простят меня.

Не знаю, как долго я бродил. Мой страх почти исчез, уступив место восхищению тем, что я видел вокруг. А потом внезапно среди мертвой тишины я услышал звук — тихое шарканье обутых в сандалии ног.

Глава 4

Я остановился, где был, на середине площади. Высокие лорды с серебряными гребнями пили вино в тени темных деревьев; несколько крылатых девушек, прекрасных, как лебеди, исполняли какой-то странный танец, больше похожий на полет. Я огляделся — вокруг полно народу. Как же узнать, кто из них издавал шум?

Тишина.

Я повернулся и побежал по мраморной мостовой. Я бежал со всех ног, потом остановился, прислушиваясь. Снова раздалось тихое шарканье, не более чем шепот, легкий и еле заметный. Я завертелся на месте, однако звук затих. Все те же призраки беззвучно бродили по площади, танцоры кружились и раскачивались, простирая белые крылья.

Кто-то наблюдал за мной. Одна из безразличных теней на самом деле не была тенью.

Я попробовал идти, меняя скорость. Дважды или трижды мне удавалось услышать эхо чьих-то чужих шагов. В какой-то момент я понял, что шумели нарочно. Кто бы за мной ни шел, он делал это беззвучно, смешавшись с толпой мол-

чаливых призраков, полностью скрытый толпой, и шум издавал лишь затем, чтобы я знал о его присутствии.

Я попытался заговорить с ним, но в ответ услышал лишь гулкое эхо своего собственного голоса, отражавшегося от каменных стен. Все вокруг были заняты своими делами, никто и не думал мне отвечать.

Разведя руки в стороны, я стал бросаться на прохожих — каждый раз в моих объятиях оставался один только воздух. Я хотел спрятаться, но не мог найти укрытия.

Улица оказалась очень длинной, однако таинственный преследователь не отставал. В окнах домов горел свет, мелькали чьи-то лица… Стояла могильная тишина. Можно было, конечно, спрятаться в одном из зданий, но я не мог заставить себя остаться в замкнутом пространстве стен наедине с безмолвными призраками.

Улица вывела меня на круглую площадь с огромной башней в центре. К ней стекались несколько таких же широких улиц. Эту башню с огромным вращающимся шаром на самом верху я уже видел. Куда теперь идти?.. Кто-то всхлипывал, и я понял, что этот кто-то — я сам. Я задыхался. Пот стекал по моему лицу и попадал в

уголки рта, холодный и горький.

К моим ногам упал камешек, тихо щелкнув о мостовую.

Я бросился бежать. Меня гнал беспричинный ужас, как кролика, застигнутого на открытом месте. Раз пять я менял направление, потом остановился, прижавшись спиной к резной колонне. Откуда-то донесся смех.

Я закричал. Не помню, что было потом, но когда я замолчал, то опять остался один среди безмолвной призрачной толпы. Только теперь мне казалось, будто вокруг звучит неразличимый для уха шепот.

Второй камешек стукнулся о колонну над моей головой. Третий попал в меня. Снова раздался смех, и я побежал.

И опять — множество улиц, огней, лиц. Это были странные лица странных существ, и ночной ветер развевал их одежды и алые занавеси носилок. Проезжали красивые экипажи, похожие на колесницы, — их везли животные. Все это проходило через меня, как туман, как дым, беззвучно и неосязаемо. Смех преследовал меня всюду, и я бежал.

Четверо жителей Шандакора загородили мне дорогу. Я продолжал бежать, однако их тела со-

противлялись, их руки схватили меня…

Я пытался сопротивляться, но внезапно стало очень темно.

Тьма окутала меня и повлекла куда-то. Вдали слышались голоса. Один из них был звенящим и молодым, очень похожим на тот смех, который гнал меня по улицам. Я возненавидел звук этого голоса, так возненавидел, что попытался вырваться из тащившей меня черной реки. Яркий свет, звук и не желающая уступать тьма вихрем закружились вокруг, а потом все успокоилось, и мне стало стыдно за свою слабость.

Я находился в комнате. Она была большая, очень красивая и очень древняя — первое увиденное мной в Шандакоре место, имевшее по-настоящему древний вид. По-марсиански древний — эта комната существовала уже тогда, когда земная история еще не начиналась. И пол, выложенный неизвестным мне великолепным камнем цвета безлунной ночи, и бледные тонкие колонны, поддерживавшие сводчатый потолок, — все было отшлифовано временем. Роспись на стенах потемнела и потускнела, а ковры, яркими пятнами выделявшиеся на темном полу, были истерты до толщины шелка.

В комнате стояли и сидели мужчины и женщи-

ны древнего народа Шандакора. Но, в отличие от уличных прохожих, эти дышали, разговаривали и были живыми. Одна из них, девочка-подросток со стройными ногами и маленькими острыми грудками, прислонилась к колонне недалеко от меня. Ее черные глаза, полные пляшущих огоньков, не отрывались от моего лица. Увидев, что я очнулся, она с улыбкой бросила мне под ноги камешек.

Я поднялся с пола. Мне хотелось встряхнуть это золотистое тело, хотелось заставить ее кричать от боли. А девочка сказала на древнемарсианском языке:

— Ты — человек? Никогда раньше не видела человека так близко!

— Тихо, Дуани, — сделал ей замечание мужчина в темном плаще.

Он подошел и встал рядом со мной. Оружия у него, похоже, не было, но оно было у остальных, и, вспомнив смертоносную игрушку Корина, я взял себя в руки и не стал ничего предпринимать.

— Что ты здесь делаешь? — спросил мужчина в темном.

Я рассказал о себе и о Корине, умолчав только о той стычке, которая предшествовала его смерти. Рассказал, как меня ограбили варвары.

— Они послали меня сюда, — закончил я, — просить у вас воду.

Кто-то безрадостно засмеялся. Мужчина сказал:

— Над тобой зло пошутили.

— Но вы же можете выделить мне немного воды и мула!

— Все наши животные давно убиты. А что касается воды…

Он помолчал и горько спросил:

— Разве ты не понял? Мы все здесь умираем от жажды!

Я взглянул на него, потом на лукавого бесенка по имени Дуани и на остальных мужчин и женщин, которые были в комнате.

— По виду не скажешь!

— Ты видел людские племена, собравшиеся подобно волкам на склонах холмов. Как ты думаешь, чего они ждут? Год назад они нашли и перерезали подземный водопровод, снабжавший Шандакор водой с полярной шапки. Теперь все, что им нужно, — это терпение. И их время почти пришло. Запас воды в наших цистернах подходит к концу.

Я разозлился на эту покорность:

— Почему же вы остаетесь здесь умирать, как

мыши в мышеловке? Вы могли бы сражаться, могли бы выйти отсюда! Я видел ваше оружие!

— Наше оружие очень старое, а нас самих — лишь малая горстка. Но пусть даже кто-нибудь и выживет — напомни мне еще раз, землянин, как жил Корин в мире людей? — Мужчина покачал головой, — Когда-то, во времена своего расцвета, Шандакор был великим городом. Людские племена со всего света платили нам дань. Мы — лишь тень великой расы, но мы ничего не станем просить у людей!

— Кроме того, — тихо сказала Дуани, — где же еще нам жить, если не в Шандакоре?

— А кто эти, другие? — спросил я. — Те, что молчат?

— Они — прошлое, — ответил мужчина в темном, и его голос прозвучал, как далекие трубы.

Яснее не стало — я вообще ничего не понимал. Однако не успел я задать следующий вопрос, как вперед выступил другой мужчина:

— Рул, он должен умереть.

У Дуани задрожали кисточки на ушах, а серебристые кудри встали дыбом.

— Нет, Рул! — закричала она. — Ну хотя бы не сейчас!

Остальные зашумели; я услышал звуки непо-

нятной скачущей речи, которая существовала еще тогда, когда людских наречий не было и в помине.

Тот, кто подошел к Рулу, повторил:

— Он должен умереть. Ему нет места здесь. И мы не можем тратить на него воду.

— Я могу поделиться с ним своей, — сказала Дуани. — Пока.

Я не хотел принимать ее подачек, о чем немедленно сообщил.

— Я пришел сюда за необходимыми мне припасами. У вас их нет, поэтому я уйду. Все очень просто!

Да, варвары отказались продать мне воду и мула, но всегда можно попытаться украсть. Рул покачал головой:

— Боюсь, что все совсем не просто. Нас здесь только горстка. Уже многие годы единственной защитой нам служат живые тени прошлого, которые бродят по улицам и стоят на стенах. Варвары верят этим чарам. Но если ты войдешь в Шандакор и выйдешь отсюда, варвары поймут, что тени не могут убивать. Тогда им незачем будет ждать.

Я был испуган и ответил почти сердито:

— А какая вам разница? Вы же все равно собираетесь умереть в ближайшее время!

— Но мы умрем так, как хотим, землянин, и тогда, когда захотим. Возможно, тебе, человеку, не понять. Это вопрос гордости. Закат древнейшей расы Марса будет таким же прекрасным, каким был рассвет.

Он отвернулся и кивнул головой. И без слов ясно: это означало «убейте его».

Я увидел, как они поднимают свое странное оружие.

Глава 5

Следующая секунда показалась мне вечностью. Я успел подумать о многом, но ничего хорошего в голову не приходило. Умереть в этом проклятом месте, где нет ни единого человека, где даже похоронить меня будет некому!..

И тут Дуани кинулась ко мне и обвила меня руками.

— Вы все только и думаете о смерти и великих вещах! — закричала она. — У всех у вас есть пары, кроме самых старых! А каково мне? Даже поговорить не с кем! Я так устала бродить в одиночестве по улицам и думать о том, что скоро умру! Можно я возьму его себе хоть ненадолго? Я разделю с ним свою воду, я же говорила!

Так на Земле дети просят за беспризорную собаку. А как сказано в одной древней книге, «живой пес лучше мертвого льва». Я надеялся, что они позволят ей сохранить мне жизнь.

Так они и поступили. Рул бросил на Дуани взгляд, исполненный усталого сочувствия, и поднял руку.

— Подождите! — обратился он к тем, кто поднял оружие. — Я придумал, чем этот человек

может быть нам полезен. У нас осталось так мало времени, что жаль терять даже малые его крохи, а мы постоянно должны следить за машиной. Пусть чужак выполняет за нас эту работу. К тому же человеку для жизни нужно очень мало воды.

Они обдумали это. Некоторые начали спорить — их волновало даже не то, что мне достанется их вода, а то, что человек вторгся в Шандакор в его последние дни. Корин говорил то же самое. Но Рул был очень стар. Кисточки на его ушах стали бесцветными, как стеклянные нити, время изрезало лицо многочисленными морщинами и оставило в награду горькую мудрость.

— Да, если это человек из нашего мира. Но этот человек — землянин, а люди с Земли станут новыми правителями Марса, такими же, как мы когда-то. И на Марсе их будут любить не больше, чем нас, потому что они такие же чужаки.

Это их удовлетворило. Думаю, они подошли так близко к концу, что им все уже было безразлично. По одному и по двое все стали покидать комнату. Они и так уже потеряли слишком много времени и спешили вернуться к тем чудесам, которые ждали на улицах. Несколько мужчин продолжали держать меня под прицелом, пока другие принесли драгоценные цепи, вроде тех,

что носили все рабы в этом городе. Они надели оковы на меня, и Дуани рассмеялась.

— Пойдем, — сказал Рул. — Я покажу тебе машину.

Мы вышли из комнаты и начали подниматься вверх по винтовой лестнице. В стенах зияли узкие амбразуры; выглянув в одну из них, я понял, что нахожусь на нижнем этаже той самой башни с шаром наверху. Должно быть, меня отнесли обратно в башню, когда я сбежал от Дуани с ее смехом и камешками.

Я взглянул на ярко освещенные улицы, безмолвные и великолепные, и спросил у Рула, почему нет призраков в башне.

— Ты видел наверху шар с кристаллическими стержнями?

— Да.

— Мы находимся в тени его ядра. Должно быть какое-нибудь убежище, где мы могли бы взглянуть в глаза реальности. Иначе пропадет смысл грез.

Крутая лестница шла все вверх и вверх. Цепь на моих лодыжках музыкально позвякивала. Несколько раз я спотыкался об нее и падал.

— Ничего, — сказала Дуани. — Ты скоро привыкнешь.

Наконец мы поднялись в круглую комнату, где-то на самом верху башни. Я остановился и замер, уставившись на открывшуюся моим глазам картину.

Большую часть комнаты занимало хитросплетение металлических балок, поддерживавших огромную светящуюся ось. Ось выходила куда-то наверх через отверстие в потолке. Она была недлинной, но очень массивной и вращалась плавно и бесшумно. Еще несколько отверстий служили для дополнительных осей и вращавших их зубчатых колес. Через одно из них вела наверх приставная лесенка.

На металлических поверхностях не было видимых следов коррозии. Я не смог понять, что это за сплав, и спросил об этом Рула, но он лишь печально улыбнулся в ответ:

— Знаниями овладевают лишь затем, чтобы вновь их утратить. Даже мы, в Шандакоре, забыли.

Почти все марсианские народы обрабатывают металл. У них к этому особый талант, а поскольку они никогда не были и, по-видимому, не будут технической цивилизацией, вроде той, что сложилась у нас, на Земле, марсиане находят металлу такие применения, какие бы нам и в

голову не пришли.

Но сооружение, которое я видел перед собой, было вершиной искусства металлообработки. А когда я осмотрел нижнюю часть машины — маленькую, очень простенькую силовую установку и систему передачи вращения с гораздо меньшим количеством движущихся частей, чем это, на мой взгляд, возможно, я проникся еще большим уважением к ее создателям.

— Сколько же ей лет?

И опять Рул покачал головой:

— Первой записи о ежегодном Посещении Призраков уже несколько тысячелетий, но это было не первое Посещение.

Он жестом велел мне подниматься по лесенке вслед за ним и строго приказал Дуани оставаться внизу. Впрочем, она не послушалась.

Наверху была открытая огороженная платформа, прямо над которой и висел огромный шар с непонятными светящимися кристаллами. Под ногами у нас лежал яркий многоцветный ковер Шандакора, а на темных склонах долины расположилась многоплеменная армия — они ждали, когда погаснет свет.

— Когда не останется никого, чтобы следить за машиной, она остановится сама, и люди, которые

ненавидели нас так долго, войдут в Шандакор и возьмут себе все, что хотят. Их сдерживает только страх. Богатства всего мира стекались к нашему городу…

Рул посмотрел на шар.

— Да, — сказал он. — Мы владели знанием. У нас, наверное, было больше знаний, чем у всех народов Марса, вместе взятых.

— Но вы ими не поделились.

Рул улыбнулся:

— А ты отдал бы детям оружие, которым они могут тебя уничтожить? Мы подарили людям более совершенные плуги и более яркие краски. Когда они изобретали свои машины, мы не препятствовали им. Но мы не стали искушать людей грузом чуждых знаний. Им вполне хватает мечей и копий — и удовольствия от битвы больше, и убитых меньше. Да и мир остался цел.

— А вы — как вы воевали?

— Мы защищали свой город. У людских племен нет ничего, чему мы могли бы позавидовать, поэтому нам незачем было на них нападать. А когда нападали они, мы побеждали.

Рул помолчал.

— Другие древние расы оказались более глупыми — или менее удачливыми. Они давным-давно

погибли.

Он снова заговорил о машине:

— Она получает энергию прямо от солнца. Часть солнечной энергии преобразуется в свет и сохраняется внутри Шара. Другая часть передается вниз и используется для вращения оси.

— Что, если Шар остановится, пока мы все еще живы? — спросила Дуани. Девочка вздрогнула, глядя вниз, на освещенные улицы.

— Не остановится, если землянин хочет жить.

— А чего я добьюсь, если остановлю его? — спросил я.

— Ничего. Именно поэтому я тебе доверяю. Пока Шар вращается, варвары не доберутся до тебя. А когда мы уйдем, у тебя будет ключ к богатствам Шандакора.

Рул не сказал, как же я выберусь отсюда со всем этим богатством. Он снова указал мне на лестницу, но я спросил:

— А что такое Шар? Как он создает… Призраков?

Рул нахмурился:

— Боюсь, то, что я могу рассказать тебе, — не истинное знание, а всего лишь предание. Наши мудрецы глубоко проникли в тайну природы света. Они узнали, что свет оказывает определенное

влияние на твердую материю, и решили, что в силу этого эффекта камень, металл и кристаллические структуры должны сохранять «память» о том, что когда-то «видели». Почему это так, я не знаю.

Я не сделал попытки объяснить ему, что такое квантовая теория и фотоэффект, не стал рассказывать об опытах Эйнштейна, Милликена и их последователей. Во-первых, я сам в этом плохо разбирался, а во-вторых, в древнемарсианском языке отсутствует необходимая терминология. Я только сказал:

— Мудрецы моего мира тоже знают, что свет, падая на поверхность, выбивает из нее маленькие частицы.

Я начал понимать, в чем тут дело. В электронной структуре металла «записаны» световые картинки, так же, как на пластинках, которые мы изготовляем, записан звук — и нужно лишь подобрать правильную «иголку», чтобы прочитать эту запись.

— Они изготовили Шар, — сказал Рул. — Я не знаю, сколько поколений трудилось над ним, не знаю, сколько было проведено неудачных опытов. Но им удалось найти невидимый свет, который заставляет камни отдать свои воспо-

минания.

Иначе говоря, они нашли свою иголку. У меня не было способа узнать длины волн света, испускаемого кристаллами Шара. Но там, где этот свет падал на каменные стены и мостовые Шандакора, появлялись запечатленные в камнях образы — так считывающая игла может извлечь целую симфонию из маленького диска. Интересно, как им удалось достичь выборочности и последовательности образов. Рул сказал что-то на тему о том, что «воспоминания» имеют разную глубину. Может, он имел в виду глубину проникновения. Камням Шандакора исполнилось уже много веков, верхние слои, должно быть, истерлись, и ранние «записи» могли перемешаться или превратиться в едва различимые обрывки.

Возможно, сканирующие лучи разделяли перекрывающиеся изображения по этой ничтожной разнице в их глубине… Как бы там ни было, призраки золотого прошлого бродили по улицам Шандакора, а последние представители его народа спокойно ждали смерти, вспоминая былую славу.

Рул снова отвел меня вниз и показал, в чем состоит моя задача, — что и как смазывать какой-то странной смазкой и как следить за силовыми ка-

белями. Я должен был находиться около машины большую часть своего времени, но не постоянно. В свободные часы Дуани могла брать меня с собой, куда пожелает.

Старик ушел. Дуани прислонилась к балке и рассматривала меня с живым интересом.

— Как тебя звать? — спросила девочка.

— Джон Росс.

— Джонросс, — повторила она и улыбнулась. Она обошла вокруг меня, прикасаясь то к моим волосам, то к рукам и груди, радуясь, как ребенок, когда обнаруживала очередное отличие между ней самой и тем, что мы зовем человеком.

И потекли дни моего плена.

Глава 6

И были дни и ночи, скудная пища и еще меньше воды. И была Дуани. И был Шандакор.

Страх я потерял. Доживу я до того, чтобы занять свое вожделенное кресло, или нет, в любом случае здесь было на что посмотреть. Дуани повсюду меня сопровождала. Я с уважением относился к своим обязанностям — еще бы, ведь от этого зависела моя шея! — однако оставалось время и для того, чтобы просто побродить по улицам, поглядеть на пышный карнавал жизни, которой не было, и почувствовать тишину и запустение, столь ужасающе реальные.

Я начинал понимать, что это была за культура и как они смогли покорить весь мир, не прибегая к силе оружия.

Мы заходили в Зал Правительства — здание из белого мрамора с великолепными строгими фризами, — и я видел там церемонии выборов и коронации правителя. Мы посещали учебные заведения. Я видел молодых людей, обученных военному делу не хуже, чем мирным искусствам. Я видел прекрасные сады и места развлечений театры, форумы, спортивные площадки, видел

кузницы и ткацкие станки, где мужчины и женщины Шандакора творили красоту, чтобы потом обменять ее на необходимые им вещи из мира людей.

Рабов людской расы продавали в Шандакор такие же люди С ними хорошо обращались — как обращаются с полезным животным, которое стоит денег. Рабы выполняли свою работу, но это была лишь малая часть всех трудов Шандакора.

В Шандакоре делали вещи, каких не встретишь на всем остальном Марсе, — инструменты, ткани, украшения из металла и драгоценных камней, стекло и тонкий фарфор, — и народ Шандакора гордился своим искусством. Научные достижения они оставляли для себя — кроме тех, которые касались медицины, сельского хозяйства или архитектуры.

Они были законодателями и учителями. Люди брали то, что им давали, и ненавидели дающих. Как долго развивалась эта цивилизация, чтобы достичь такого расцвета, Дуани не могла мне сказать. Не знал и старый Рул.

— Известно, что у нас были правительство, письменность и система счета задолго до того, как они появились у людей. Мы унаследовали все это у другой, более древней расы.

В дни своего расцвета Шандакор был огромным процветающим городом, насчитывавшим десятки тысяч жителей. И никаких признаков нищеты и преступности. Во всем городе я не смог найти ни одной тюрьмы.

— За убийство карали смертью, — объяснил Рул, — но случались убийства крайне редко. А воровали только рабы — мы до такого не унижались.

Он взглянул на мое лицо и снисходительно улыбнулся:

— Удивляешься — огромный город, где нет ни преступников, ни потерпевших, ни тюрем?

Я должен был признать, что действительно поражен.

— Хоть вы и древняя раса, мне все равно непонятно, как вам это удалось. Я изучаю культуру — здесь и в своем родном мире. Я знаю все теории развития цивилизации, я видел образцы, подтверждающие эти теории, однако вы не подходите ни под одну из них!

Улыбка Рула стала шире.

— Хочешь знать правду, человек?

— Конечно!

— Тогда я скажу тебе. Мы развили способность мыслить.

Сначала мне показалось, что он шутит.

— Постойте! — возразил я. — Человек — мыслящее существо, на Земле — даже единственное разумное существо.

— Не знаю, как на Земле, — вежливо ответил Рул, — но здесь, на Марсе, человек всегда говорит: «Я мыслю, я высшее существо, я обладаю разумом». И очень гордится собой, потому что он мыслит Это знак его избранности. Находясь в убеждении, что разум действует в нем автоматически, он позволяет управлять собой эмоциям и суевериям. Человек верит, ненавидит и боится, руководствуясь не разумом, а словами других людей или традициями. Он говорит одно, а делает другое, и его разум не объясняет ему, чем факты отличаются от вымысла. Он ввязывается в кровопролитные войны, подчиняясь чьим-то пустым прихотям, — вот почему мы не даем человеку оружия. Величайшие глупости кажутся ему проявлениями высшего разума, подлейшие предательства он считает благородными поступками — вот почему мы не учим его правосудию. Мы научились мыслить. А человек научился только болтать.

Теперь я понимал, почему людские племена так ненавидят народ Шандакора. Я ответил сердито:

— Возможно, на Марсе это и так. Но только мыслящие существа способны развить высокие технологии, и мы, земляне, намного вас обогнали. Да, конечно, вы знаете некоторые вещи, до которых мы еще не додумались: кое-что из оптики, электроники, да, может, еще несколько отраслей металлургии. Однако… — Я начал перечислять известные нам вещи, которых не было в Шандакоре: — Вы пользуетесь лишь вьючными животными и колесницами. А мы давно уже изобрели летательные аппараты. Мы покорили космос и планеты. Скоро мы завоюем звезды!

— Быть может, мы были не правы, — кивнул Рул. — Мы оставались здесь и завоевали самих себя.

Он взглянул на склоны холмов, на ожидающую армию варваров и вздохнул:

— В конце концов, уже все равно.

Так проходили дни и ночи. Дуани приносила мне пищу, делилась своей порцией воды, задавала вопросы и водила меня по городу. Единственное, что она мне не показывала, это какое-то место под названием Дом Сна.

— Скоро я буду там, — как-то сказала девочка и поежилась.

— Скоро? — переспросил я.

— Рул следит за уровнем воды в цистернах, и когда придет время… — Она сделала рукой неопределенный жест. — Пойдем на стену.

Мы поднялись на стену, пройдя между призрачных солдат и знамен. Снаружи царили тьма, смерть и ожидание смерти. Внутри сиял огнями Шандакор в своем последнем гордом великолепии, как будто не чувствуя надвигающейся тени гибели. Жутковатая магия действовала мне на нервы. Я смотрел на Дуани. Она перегнулась через парапет и глядела наружу. Ветер шевелил ее серебристый гребешок, прижимал к телу легкие одежды. В глазах Дуани отражался лунный свет, и я не мог прочесть ее мыслей. Потом я увидел, что глаза девочки полны слез.

Я обнял ее за плечи. Она была только ребенком, ребенком чуждой мне расы, такой непохожей на мою…

— Джонросс…

— Да?

— Так много осталось вещей, о которых я никогда не узнаю.

Я впервые прикасался к ней. Ее странные кудри шевелились под моими пальцами — живые и теплые. Кончики острых ушей были мягкими, как у котенка.

— Дуани!

— Что?

— Я не знаю…

Я поцеловал ее. Она отстранилась и испуганно посмотрела на меня своими сияющими черными глазами. Внезапно я перестал считать ее ребенком, забыл, что она не человек, — это было неважно.

— Дуани, послушай! Тебе не надо уходить в Дом Сна!

Она смотрела мне прямо в глаза. Плащ ее распахнулся от ночного ветра, руки упирались мне в грудь.

— Там, снаружи, целый мир, в котором ты сможешь жить. А если он тебе не понравится, я возьму тебя с собой на Землю. Тебе незачем умирать!

Она продолжала молча смотреть на меня. Внизу, на улицах, горели яркие огни и бродили безмолвные толпы. Дуани перевела взгляд на мертвую долину за стенами города и холодные враждебные скалы.

— Нет.

— Но почему? Из-за Рула и всей этой болтовни о гордости расы?

— Такова правда. Корин понял это.

Я не хотел думать о Корине.

— Он был один, а ты — нет. Ты никогда не будешь одинока.

Дуани подняла руки и ласково провела ладонями по моему лицу.

— Вот он твой мир — та зеленая звезда. Представь себе, что он должен исчезнуть, и ты останешься последним человеком Земли. Представь, что ты вечно будешь жить со мной в Шандакоре — разве тебе не будет одиноко?

— Это неважно, если рядом будешь ты!

— Это очень важно. Наши расы так же далеки друг от друга, как звезды. У нас нет ничего общего.

Я вспомнил все доводы старого Рула, разозлился и наговорил ей гадостей. Она дала мне выговориться, потом улыбнулась:

— Все не так, Джонросс. — Дуани повернулась, чтобы взглянуть на город. — Это мой мир, и другого не будет. Когда он умрет, я умру с ним.

И тогда я возненавидел Шандакор.

После этого разговора я потерял сон. Каждый раз, когда Дуани уходила, я боялся, что она уже не вернется. Рул ничего не говорил, а я не осмеливался спрашивать. Часы летели, как секунды, и Дуани была счастлива, а я — нет. Мои оковы за-

пирались на магнитный замок. Я не мог открыть его и не мог порвать цепи.

Однажды вечером Дуани пришла ко мне с таким лицом, что я понял правду еще до того, как заставил ее рассказать, в чем дело. Она уцепилась за меня и не хотела разговаривать, но в конце концов произнесла:

— Сегодня мы бросали жребий, и первая сотня ушла в Дом Сна.

— Это только начало.

Дуани кивнула:

— Каждый день будет забирать с собой следующую сотню, и так пока все не уйдут.

Не в силах больше выносить эту пытку, я оттолкнул от себя Дуани и вскочил на ноги:

— Ты знаешь, как отпереть замок. Сними с меня цепи!

Она покачала головой:

— Давай не будем сейчас ссориться, Джонросс. Пойдем. Я хочу побродить по городу.

Но мы все же поссорились и ссорились этой ночью еще много раз. Она не хотела покидать Шандакор, а я не мог увезти ее силой, потому что был скован цепями. Освободиться же от них я смогу лишь тогда, когда все, кроме старого Рула, уйдут в Дом Сна, достойно завершив долгую ис-

торию Шандакора.

Мы с Дуани проходили мимо танцоров, рабов и князей в ярких плащах… В Шандакоре не было храмов. Если этот древний народ и поклонялся чему-то, то только красоте, и весь город был их святыней. В глазах Дуани светилось восхищение. Мысленно она теперь была очень далеко от меня.

Я держал ее за руку и смотрел на башни, украшенные бирюзой и киноварью, на мостовые из розового кварца и мрамора, на розовые, белые и алые коралловые стены, и все они казались мне безобразными. Призрачные толпы были только пародией на жизнь, роскошные миражи были ужасны, это был наркотик, западня.

А все эта их «способность мыслить», подумал я — и не увидел разума в этих словах.

Я взглянул на огромный шар, медленно поворачивавшийся в небе. Шар, который поддерживал иллюзии.

— Ты видела когда-нибудь город таким, какой он на самом деле — без Призраков?

— Нет. По-моему, только Рул, старший из нас, помнит, как это выглядело. Думаю, им было очень одиноко тогда — ведь даже в те времена нас оставалось меньше трех тысяч.

Да, им должно было быть одиноко. Наверное, Призраки требовались для того, чтобы заполнить пустые улицы, а не только чтобы отпугнуть суеверных врагов.

Мы долго шли молча. Я продолжал смотреть на Шар. Потом сказал:

— Мне пора возвращаться в башню.

Дуани нежно улыбнулась:

— Скоро ты избавишься от работы в башне и от этого. — Она прикоснулась к моим цепям. — Не надо, не грусти, Джонросс. Ты будешь вспоминать меня и Шандакор, вспоминать, как сон.

Она подняла вверх лицо — такое милое и такое не похожее на лица земных женщин, и глаза ее светились темным огнем. Я поцеловал ее, а потом подхватил на руки и отнес обратно в башню.

В той комнате, где вращалась большая ось, я опустил ее на пол и сказал:

— Мне надо проверить, как дела внизу. Иди наверх, на платформу, Дуани, оттуда видно весь Шандакор. Я скоро поднимусь к тебе.

Не знаю, поняла ли Дуани, что у меня на уме, или это неизбежность скорой разлуки заставила ее взглянуть на меня так, как она взглянула. Я думал, она что-нибудь скажет, но она промолчала и послушно направилась к лесенке. Я смотрел, как

ее золотистая фигурка исчезает в открытом люке. Потом спустился вниз.

Там был тяжелый металлический брус — деталь системы ручного управления скоростью вращения. Я вытащил его из гнезда. Потом повернул выключатели на силовой установке. Я вырвал все провода, разбил брусом все соединения, сокрушил все зубчатые колеса и малые оси, стараясь проделать это как можно быстрее. Потом снова поднялся в комнатку с большой осью. Она все еще вращалась, но медленнее, гораздо медленнее.

Сверху раздался крик, и я увидел Дуани. Я подскочил к лесенке и заставил ее подняться обратно на платформу. Шар еще вращался, однако вот-вот должен был остановиться. Белые огоньки поблескивали на кристаллических выступах. Я вскарабкался на перила, цепляясь за стойки. Цепи на запястьях и лодыжках мешали мне, но до Шара я все же смог дотянуться. Дуани пыталась стащить меня вниз. По-моему, она кричала. Я подтянулся и разбил столько кристаллов, сколько смог.

Больше не было ни движения, ни света. Я спрыгнул обратно на платформу и уронил брус. Дуани забыла обо мне — она смотрела на город.

Разноцветные огни еще горели — темно и тускло, как тлеющие угли. Башни из бирюзы и нефрита все так же возвышались в свете лун, но теперь было видно, что они растрескались и потемнели от времени, и все их великолепие пропало. Они выглядели покинутыми и очень печальными. Ночь сгущалась у их подножия. Улицы, площади и торговые ряды опустели, мраморные мостовые лежали безжизненные и заброшенные. Со стен города исчезли все солдаты и знамена, и никакого движения не было видно у ворот.

Рот Дуани открылся в беззвучном крике. И, как будто в ответ, со всех окрестных холмов раздался протяжный вой, похожий на волчий.

— Зачем? — прошептала Дуани. — Зачем?

Она повернулась ко мне, и на лице ее была жалость. Я привлек ее к себе:

— Я не мог позволить тебе умереть! Умереть за видения, за тени, ни за что! Посмотри, Дуани! Посмотри на Шандакор!

Я хотел заставить ее понять.

— Шандакор разрушен, безобразен и пуст. Это мертвый город, а ты — живая! Городов на свете много, а жизнь у тебя только одна!

Дуани продолжала смотреть на меня, но я не

мог заглянуть ей в глаза. Она сказала:

— Все это мы знали, Джонросс.

— Дуани, ты только ребенок и рассуждаешь, как ребенок. Забудь о прошлом, думай о завтрашнем дне! Мы сможем пройти мимо варваров. Корин же смог. А потом…

— А потом ты останешься человеком — а я никогда им не буду.

Снизу, с темных пустых улиц донесся плач. Я пытался удержать Дуани, но она выскользнула у меня из рук.

— Я даже рада, что ты человек… Ты никогда не поймешь, что ты наделал.

И она убежала вниз по лестнице — убежала прежде, чем я успел ее остановить.

Я спускался следом за ней, звеня своими цепями, вниз, по бесконечным лестницам. Я выкрикивал ее имя, но изящная золотистая фигурка мелькала далеко впереди на темных пустых улицах — все дальше и дальше… Цепи волочились за мной по земле и мешали идти. Ночь поглотила ее.

Я остановился. Гнетущая тишина пустого города обрушилась на меня, и я испугался этого незнакомого мертвого Шандакора. Я звал Дуани и искал ее повсюду на темных разрушенных

улицах. Теперь я понимаю, как долго я ее искал.

Потому что когда я нашел ее, она была уже вместе с остальными. Последние обитатели Шандакора, мужчины и женщины, молча шли, растянувшись длинной цепочкой по направлению к зданию с плоской крышей — очевидно, это и был Дом Сна. Женщины шли впереди.

Они шли умирать, и на их лицах больше не было гордости. Там была боль, боль и усталость, и они шли медленно, не глядя по сторонам, не желая смотреть на жалкие полуразрушенные улицы, которые я лишил славы и великолепия.

— Дуани! — закричал я и рванулся вперед, но она не обернулась и не покинула свое место в цепочке. Я увидел, что она плачет.

Рул обратился ко мне с выражением усталого презрения на лице, и это было хуже самых страшных проклятий:

— К чему нам убивать тебя теперь?

— Но это я сделал все это! Я!

— Ты всего лишь человек.

Длинная очередь подвинулась еще немного, и маленькие ножки Дуани оказались на целый шаг ближе к последней двери.

Рул поднял голову и взглянул на небо:

— До рассвета еще есть время. По крайней мере,

женщины будут избавлены от копий варваров.

— Позвольте мне пойти с ней!

Я попытался последовать за Дуани, найти себе место в цепочке, и тогда поднялась рука Рула с оружием. А потом осталась только боль. Я лежал, как лежал когда-то Корин, а они молча уходили в свой Дом Сна.

Меня нашли варвары, когда пришли в город после восхода солнца, все еще не веря своим глазам. Думаю, они боялись меня. Скорее всего, они сочли меня колдуном, который неизвестно как сумел уничтожить весь народ Шандакора.

Потому что они разбили мои цепи, залечили раны и даже дали мне потом ту единственную вещь из всей их добычи, которую я хотел получить, — фарфоровую головку молодой девушки.

Я сижу в своем кресле в Университете, в том, которого я так жаждал, и мое имя занесено в списки первооткрывателей. Я знаменит, меня уважают — меня, человека, уничтожившего величие целой расы!

Почему я не пошел за Дуани в Дом Сна? Я мог бы вползти туда! Я мог подтащить свое тело к двери!.. И, о Боже, как бы мне хотелось, чтобы я это сделал!

Я хотел бы умереть вместе с Шандакором.

2031:
БАГРОВАЯ ЖРИЦА БЕЗУМНОЙ ЛУНЫ

Из обзорного «пузыря» двухтурбинного «Годдарда» Харви Селден наблюдал, как постепенно увеличивается, приближаясь, желтовато-коричневое лицо планеты. Он уже мог различить красные пятна пустынь, где гуляли песчаные смерчи, темные участки растительности, похожие на сморщенный шелк, пару раз поймал яркий блик воды, сверкнувший на каком-то канале. Он сидел неподвижно, в блаженном восхищении. Он очень боялся, что эта встреча разочарует его: миллион раз с самого детства он наблюдал картину посадки на Марс на трехмерном экране, что давало почти реальные ощущения. Но настоящая реальность имела несколько иной, неповторимый привкус опасности, волнующий и будоражащий.

В конце концов, это чужая планета…

Наконец-то, Марс…

Он даже немного рассердился, когда заметил, что в обзорную кабину вошел Бентам. Бентам был третьим пилотом, а в его возрасте это равносиль-

но признанию в том, что ты неудачник. Причина же неудач со всей очевидностью отпечаталась на его физиономии, и Харви от души сочувствовал Бентаму, как сочувствовал бы любому человеку, страдающему алкоголизмом. С другой стороны, Бентам был приятен в общении и с большим уважением относился к обширным познаниям Селдена в марсианской истории. Так что Селден кивнул и улыбнулся.

— Потрясающе, — сказал он.

Бентам посмотрел на стремительно несущуюся навстречу планету.

— Это всегда производит впечатление. У вас есть знакомые на Марсе?

— Пока нет. Но когда я зарегистрируюсь в Бюро…

— А когда вы это сделаете?

— Завтра. Я имею в виду, отсчитывая от момента посадки, разумеется… Ужасно странная штука этот провал во времени, правда?

Они раза три — четыре облетели вокруг планеты, сужая орбиту, что было равносильно трем-четырем земным суткам.

— Значит, на данный момент вы здесь никого не знаете, — подытожил Бентам.

Селден покачал головой.

— Отлично, — сказал Бентам. — Сегодня я ужинаю у своих марсианских друзей. Почему бы вам не пойти со мной?

— Да я бы с удовольствием, — с воодушевлением начал Селден. — Но вы уверены, что ваши друзья не будут против? Ну, сами понимаете, незваный гость, да еще в последний момент…

— Они не будут против, — заверил его Бентам. — Я успею их подготовить. Где вы остановитесь?

— В «Кахора-Хилтоне».

— Отлично. Заеду за вами около семи. — Бентам улыбнулся. — По кахорскому времени.

Он вышел, оставив Селдена терзаться запоздалыми сомнениями.

Пожалуй, Бентам не тот человек, который должен ввести Селдена в марсианское общество. И все же он офицер и с некоторой натяжкой сойдет за джентльмена. К тому же давно болтается на Марсе. Конечно, у него куча знакомых, и какое это негаданное везение — оказаться сразу после прилета в марсианском доме и познакомиться с марсианской семьей!

Селден уже стыдился своей нерешительности и постарался найти объяснение в виде чувства незащищенности, возникшего на основе совершенно чужого окружения. Найдя причину своих

страхов, он без труда устранил проблему. Минут через пятнадцать активного самовнушения он был в полном порядке и с трудом дождался наступления вечера.

Кахора выросла за пятьдесят лет. Первоначально она была обычным торговым городом в рамках весьма непопулярного Зонтичного договора, прозванного так потому, что им можно было прикрыть какое угодно безобразие. Договор этот был заключен между Всемирным правительством Земли и марсианской обнищавшей Федерацией Городских Штатов. В те времена весь город умещался под одним куполом с искусственным климатом; там останавливались заезжие торговцы со всех миров и политики, не привычные к пронизывающему холоду и разреженному воздуху Марса. Но торговые города славились не только искусственным климатом, а и высокоразвитой индустрией порочных развлечений, за что их порой сравнивали с некоторыми библейскими городами. Там процветала преступность и случались весьма неприятные вещи — вплоть до убийств.

Но все это — или, во всяком случае, почти все — было в старые скверные дни попустительства, теперь же Кахора была административным цен-

тром Марса, и укрывал ее комплекс из восьми сверкающих сфер. Из космопорта, расположенного в пятнадцати милях от Кахоры, город казался Селдену скопищем бледно сияющих клочьев осенней паутины, тронутых лучами заходящего солнца. Пока флаер, который он взял в космопорте, летел над милями красного песка и темно-зеленых лишайников, в быстро сгустившихся сумерках под куполами зажглись огни, и здания внутри их обрели очертания — дома поднимались вверх чистые, изящные, окутанные сиянием. Селден подумал, что никогда еще не видел такой красоты.

На посадочной площадке, расположенной прямо в одной из сфер, его подобрал бесшумный, работающий на батареях кэб и повез в гостиницу по изысканным улицам, где сияли огни и неспешно прогуливались люди различных рас. Весь этот отрезок пути — от момента высадки с космического корабля до гостиничного вестибюля — прошел в комфорте, поддерживаемом кондиционерами, за что Селден возблагодарил судьбу: вид за окном был ужасно мрачный, и было понятно, что там ужасно холодно. Перед тем как зайти в шлюз, флаер пересек канал Кахоры, в котором вода сверкала, как черный лед. Селден

понимал, что ему придется смириться и принять все это, но пока он не спешил.

Комната в отеле оказалась по-домашнему уютной, а вид из окна превосходным. Селден принял душ и побрился, надел свое лучшее платье из темного шелка, а потом немного посидел на маленьком балкончике, выходящем на Треугольник, где изваяния Трех Миров украшали вершину.

В теплом воздухе витал какой-то слабый приятный аромат. Городской шум, доносящийся снизу, был неназойливым, мягким. Селден снова и снова перебирал в памяти правила местного этикета, которые он специально изучил на случай посещения марсианского дома, — традиционные церемонные фразы и жесты. Интересно, подумал он, на каком языке говорят друзья Бентама — на верхнемарсианском или на нижнемарсианском? Скорее, на нижнемарсианском, потому что марсиане предпочитают общаться с пришельцами из других миров именно на нем. Селден надеялся, что у него не слишком ужасный акцент. В целом он чувствовал себя уверенно.

Селден откинулся на спинку удобного кресла и посмотрел на небо.

Там было две луны. Они быстро перемеща-

лись над куполом. Почему-то именно это — хотя Селден прекрасно знал, что у Марса две луны, — потрясло его. Только теперь он по-настоящему осознал, ощутил не разумом, но всем своим существом, что он в чужом, неизвестном мире, далеко-далеко от дома.

Селден спустился в бар и принялся ждать Бентама.

Тот приехал вовремя, сменив форму на свежий костюм из шелка, и — что было особенно приятно — совершенно трезвый. Селден угостил его выпивкой, и потом они вместе сели в кэб, который не спеша повез их из центрального купола в другой, стоящий в отдалении.

— Это самый первый, — пояснил Бентам. — Сейчас здесь расположены исключительно жилые дома. Здания более старые, но очень комфортабельные.

Кэб остановился на площади, на перекрестке, ожидая, пока пройдет поток машин, и Бентам показал на крышу купола:

— Видели луны? Сейчас они обе на небе. Именно это больше всего бросается в глаза, когда прилетаешь сюда впервые.

— Да, — кивнул Селден. — Я видел их. Это… это ошеломляюще.

— Та, которую мы называем Деймосом — во-он та… ее марсианское название — Вашна… это та самая, которую в определенных ее фазах называли Безумной Луной.

— О нет, — возразил Селден. — Это был Фобос. Дендерон.

Бентам покосился на него, и Селден слегка покраснел.

— Во всяком случае, я так считал. — Селден совершенно не сомневался, но все же… — Конечно, вы бывали здесь столько раз, а я вполне могу ошибаться…

Бентам пожал плечами:

— Это можно легко проверить. Спросим у Мака.

— У кого?

— У Фирсы Мака. Нашего хозяина.

— Не надо, — смутился Селден, — я не…

Но кэб тронулся дальше, и Бентам уже показывал на что-то за окошком, так что Селден не успел договорить.

Машина остановилась у здания бледно-золотого цвета, расположенного почти у самой стены купола. Спустя несколько минут Селдена представили Фирсе Маку.

Ему доводилось видеть марсиан, но редко и

никогда в домашней обстановке. Это был темнокожий, невысокий, худощавый, вкрадчивый, как кошка, человек с удивительными желтыми глазами. На нем была традиционная белая туника торговых городов — экзотичная и очень изысканная. В левом ухе висело золотое кольцо — бесценная древность, как определил Селден. Хозяин был совсем не похож на тех плотных и мягкотелых марсиан, которых Селден встречал на Земле. Он даже вздрогнул под его взглядом, и заготовленные приветствия застряли у него в горле. Впрочем, в пышных приветствиях никто и не нуждался. Фирса Мак протянул руку и сказал:

— Привет. Добро пожаловать на Марс. Заходите.

Хозяин весьма дружелюбно показал ему в сторону комнаты с низким потолком и стеклянной стеной, сквозь которую была видна омытая лунным светом пустыня, простиравшаяся за куполом. Мебель была современная, простая и очень удобная. Комнаты оживляли редкостные вещицы: статуэтки, тарелочки на стене — красивые, однако ничем не отличающиеся от обычных марсианских поделок, которые продаются в специализированных магазинах Нью-Йорка.

На одном из диванов расположился длинноно-

гий землянин — что-то пил из стакана и дымил как паровоз. Его звали Альтман. Кожа на лице у него была выдублена солнцем, и он посмотрел на Селдена словно из заоблачных высей. Подле него калачиком свернулась молодая девушка или женщина… Селден так и не разобрал, потому что кожа на лице у нее была гладкая-гладкая, а глаза такие же желтые и немигающие, как у Фирсы Мака, слишком мудрые и всезнающие.

— Моя сестра, — представил Фирса Мак. — Миссис Альтман. А это Лелла.

Он не уточнил, кто это — Лелла, но в тот момент Селдену было не до того.

Девушка как раз вошла в комнату из кухни, неся поднос с каким-то угощением, одетая по-марсиански. Селден часто читал о таких нарядах, но никогда не видел воочию. Полотнище сверкающего шелка — не то красного, не то темно-оранжевого — было обернуто вокруг ее бедер и захвачено на талии широким кушаком. Из-под юбки виднелись тонкие смуглые лодыжки, с ножными браслетами в виде маленьких золотых колокольчиков, которые слабо позвякивали при ходьбе. Кроме юбки на девушке не было ничего — обнаженное, великолепно вылепленное тело представало во всей красе. Ожерелье из золотых

кружочков, затейливо просверленных и украшенных чеканкой, обвивало шею, и еще два маленьких колокольчика висели в ушах. Волосы у нее были черные, как ночь, и длинные, а глаза — зеленые, с очаровательной раскосинкой.

Она улыбнулась Селдену и отошла, издавая волшебную музыку, а он остался стоять, глупо глядя ей вслед и даже не сознавая, что взял у нее с подноса бокал с темным ликером.

Вскоре Селден уже сидел на кушетке между Альтманом и Фирсой Маком, Бентам устроился напротив. Лелла все входила и выходила, отвлекая его внимание, вновь и вновь наполняя бокалы странным, пахнущим дымом и обжигающим, словно адское пламя, напитком.

— Бентам сказал, что вы связаны с Бюро межпланетных культурных связей, — заметил Фирса Мак.

— Да, — кивнул Селден.

Альтман продолжал изучать его все с тем же странным выражением отрешенности на лице, от чего Селдену сделалось как-то неуютно.

— Ясно… А чем вы, в частности, занимаетесь?

— Ремеслами. Ручной работой по металлу. Э-э… старинные вещи, например, как вот это… — Селден показал на ожерелье Леллы, и она улыбну-

лась ему.

— Оно очень старое, — подтвердила девушка; ее голос был сладок, как перезвон колокольчиков. — Я даже не берусь сказать, какой оно эпохи.

— Узоры, — определил Селден, — типичны для семнадцатой династии халидских королей Джеккары, чье правление длилось примерно две тысячи лет. В тот период Джеккара утрачивала свои позиции морской державы. Море существенно отступило, м-м… примерно четырнадцать-шестнадцать тысячелетий назад.

— Оно такое древнее? — удивилась Лелла, с изумлением притронувшись к ожерелью.

— Как сказать, — возразил Бентам. — Ожерелье настоящее, Лелла, или это копия?

Лелла опустилась на колени рядом с Селденом.

— Вы наверняка сможете определить.

Они все ждали. Селдена прошиб пот. Он изучал сотни таких ожерелий, но никогда в подобной ситуации — в марсианском доме. Внезапно его стали одолевать сомнения в том, что эта чертова штука действительно подлинная, и он понял, что они-то все точно знают, только нарочно дразнят его.

Кружочки медленно поднимались и опускались на груди Леллы в такт ее дыханию. Слабый

суховатый, но острый аромат щекотал его ноздри. Селден потрогал золото, приподнял один из кружочков и пощупал его, еще теплый от кожи Леллы… и страстно возжелал заглянуть в какой-нибудь немудреный справочник, в котором есть диаграммы и иллюстрации — и больше ничего такого, что отвлекает внимание от предмета.

Его так и подмывало послать их ко всем чертям. Они же явно ждали, когда он совершит ошибку. А потом Селден вдруг разозлился и грубо просунул всю пятерню под воротник, отрывая ожерелье от шеи и пробуя его на вес. Золото было тонким, изношенным и легким, как бумага, а с обратной стороны виднелись следы древней чеканки, выполненной в манере халидских мастеров.

Это был весьма поверхностный осмотр, но кровь в нем взыграла, и, взглянув в раскосые зеленые глаза, он важно произнес:

— Ожерелье подлинное.

— Вот хорошо, что вы смогли это определить! — Лелла взяла его руку в свои, сжала ее и радостно засмеялась. — Вы долго учились?

— Очень долго.

Селден был доволен собой. Он не позволил им уложить себя на лопатки. Адский ликер ударил ему в голову, и она слегка гудела, а близость Лел-

лы действовала еще более опьяняюще.

— Ну и что вы намереваетесь делать теперь с вашим знанием? — спросила девушка.

— Ну-у… — задумался он, — вы же знаете, что многие древние ремесла забыты, секреты утеряны, а ваш народ нуждается в развитии экономики, так что Бюро надеется запустить программу возрождения ремесел, заново научить людей работать по металлу в таких местах, как Джеккара и Валкис…

— О Господи Всемогущий, черт бы тебя подрал, — непонятно пробормотал Альтман.

— Простите, что вы сказали? — переспросил Селден.

— Да нет, ничего, — ответил Альтман. — Ровным счетом ничего.

Бентам повернулся к Фирсе Маку:

— Кстати, у нас с Селденом по дороге сюда возникло некоторое разногласие. Возможно, он прав, но я обещал уточнить…

— Не надо об этом, Бентам, — торопливо вставил Селден.

Однако Бентам уперся.

— Мы поспорили о Безумной Луне, Фирса Мак. Я сказал, что это Вашна, а Селден уверяет, что Денде-рон.

— Конечно, Дендерон, — отозвался Фирса Мак и посмотрел на Селдена. — Значит, вам и об этом известно.

— О! — сконфузился Селден, злясь на Бентама за его беспардонность. — Пустяки. Мы же прекрасно понимаем, что все это было ошибкой.

Альтман так и подался вперед:

— Ошибкой?!

— Ну разумеется. Первые отчеты… — Селден взглянул на Фирсу Мака, его сестру и Леллу. Они все так и ждали продолжения, и он неловко закончил: — Я хочу сказать, что все эти истории — результат фольклорных напластований и искажений, неправильное истолкование местных обычаев, наконец, просто невежество… А в некоторых случаях и заведомая ложь, фальсификация. — Он неодобрительно махнул рукой. — Мы не верим в обряд Багровой жрицы и прочую подобную ерунду. Другими словами, мы не думаем, что подобное вообще когда-либо имело место.

Он надеялся, что на этом тема будет исчерпана, но Бентам был твердо намерен довести дело до конца.

— Я читал показания свидетелей, Селден.

— Все это липа. Байки путешественников. В конце концов, те первопроходцы, что стояли у

истоков изучения Марса, принадлежали к типу пиратов-авантюристов. Среди них не было исследователей, на чьи суждения можно положиться…

— Мы им больше не нужны, — негромко произнес Альтман, глядя сквозь Селдена и словно не видя его. — Они совсем не нуждаются в нас. — И он пробормотал что-то насчет метания бисера и менял в храме.

Селден вдруг с ужасом понял, что Альтман как раз относил себя именно к тем самым пиратам-авантюристам, о которых Селден столь неодобрительно отозвался.

А потом Фирса Мак спросил у него с серьезным любопытством:

— Скажите, почему вы, молодежь Земли, всегда готовы растоптать то, чего достигли ваши же люди?

Селден почувствовал на себе взгляд Альтмана, но уже так увяз во всем этом дерьме, что отступать было просто некуда. А потому он ответил со спокойным достоинством:

— Потому что мы понимаем, что наши люди наделали ошибок и нужно честно признать их.

— Весьма благородно, — кивнул Фирса Мак. — Однако касательно Багровой жрицы…

— Смею заверить вас, — поспешно сказал Селден, — что про эту утку уже никто и не вспоминает. Серьезные, более образованные исследователи, антропологи и социологи, пришедшие вслед за… э-э… искателями приключений, могли правильно оценить данные. Они совершенно отвергли теорию, что этот ритуал был связан с человеческими жертвоприношениями, и, разумеется, чудовищный Повелитель Мрака, которому служила жрица, являл собой рудиментарную память о каком-то чрезвычайно древнем марсианском божестве. Я имею в виду примитивную веру в силы природы, стихии — например, небеса или ветер…

— Но ритуал существовал… — негромко произнес Фирса Мак.

— Да-да, — нетерпеливо прервал его Селден. — Несомненно… Однако эксперты доказали, что это было нечто рудиментарное… как… ну, например, как танцы наших земных девушек вокруг майского дерева.

— Обитатели Нижних Каналов, — мрачно изрек Альтман, — никогда не плясали вокруг майских деревьев.

Он медленно встал, и Селден увидел, что тот как бы растет и растет над ним. У него самого рост

был не меньше чем шесть футов шесть дюймов, но даже при этом Селден чувствовал, как глаза Альтмана буравят его.

— Сколько ваших хваленых наблюдателей побывало в горах за Джеккарой?

Селден уже начинал злиться. Похоже, его заманивают в какую-то ловушку.

— Вы же знаете, что до недавнего времени города Нижних Каналов были закрыты для землян…

— Кроме горсточки искателей приключений.

— Которые оставили после себя чрезвычайно сомнительные записи! Но даже теперь, чтобы попасть туда, необходимо извести горы бумаги и пройти через чиновничью волокиту для получения диппаспорта, и все равно, даже когда ты все-таки попадаешь на место, тебя почти никуда не пускают. И все же это начало, во всяком случае, мы надеемся, и мы сумеем убедить жителей Нижних Каналов в нашей дружественности и желании помочь. Очень жаль, что их скрытность создала такое дурное впечатление о них же самих. Многие десятилетия мы черпали сведения о Нижних Каналах лишь из сенсационных рассказов первых путешественников и чрезвычайно предвзятых — как мы поняли позже — оценках Городских Штатов. Мы привыкли считать Джек-

кару и Валкис, гм-м, настоящими вертепами, средоточиями порока…

Альтман глядел на него с улыбкой:

— Мой дорогой мальчик, они такие и есть. Именно такие.

Селден попытался вырвать руку из ладоней Леллы. Но обнаружил, что не в состоянии этого сделать, и тогда он впервые немножечко испугался.

— Я не понимаю, — жалобно проговорил он. — Зачем вы меня пригласили? Чтобы дразнить? Если да, то мне кажется, это не… Бентам, вы куда?

Бентам стоял на пороге. Теперь дверь казалась гораздо дальше, чем помнилось Селдену, и между ним и Бентамом сгустился какой-то туман, так что фигура пилота плыла и колебалась. Тем не менее Селден разглядел, как тот поднял руку в знак приветствия и помахал ему. Потом он исчез, и Селден, чувствуя себя покинутым и совсем одиноким, заглянул Лелле в глаза:

— Я не понимаю… Я не понимаю.

Глаза у нее были зеленые, огромные и совершенно бездонные. Он почувствовал, что куда-то падает — и в голове у него все завертелось. Он полетел в бездонную пропасть — а потом бояться

было уже поздно.

Сначала к нему вернулся слух, и Селден услышал мерный гул двигателей. Потом он ощутил, — что летит через воздушное пространство и его время от времени слегка потряхивает. Он открыл глаза в паническом страхе.

Несколько минут он видел только густой туман. Наконец туман рассеялся. Селден узрел прямо перед своим носом золотое ожерелье Леллы и с отчетливостью припомнил, как напыщенно и велеречиво рассказывал о нем присутствовавшим. Простая и очевидная правда выкристаллизовалась в его мозгу.

— Вы из Джеккары, — сказал он и только тогда ощутил, что рот у него заткнут кляпом.

Лелла вздрогнула и посмотрела на него:

— Он проснулся.

Фирса Мак поднялся и наклонился над пленником, обследуя кляп и старинные наручники у него на запястьях. И снова Селден поежился под взглядом этих свирепых сверкающих глаз. Фирса Мак стоял в нерешительности, явно колеблясь, убрать или оставить кляп, и Селден прочистил горло и собрал все свое мужество, намереваясь потребовать объяснений. Но из кабины послышался звонок, вероятно, сигнал пилота, и в тот

же момент курс изменился. Фирса Мак покачал головой:

— Позже, Селден. Пока потерпите. Я не могу довериться вам, и все мы в смертельной опасности, не только вы… Хотя вы — более чем кто бы то ни был. — Он наклонился вперед. — Так нужно, Селден. Поверьте.

— Не просто нужно, — добавил Альтман, согнувшийся крючком под потолком кабины, — а жизненно необходимо. Потом вы поймете, позже.

— Не знаю, поймет ли, — резко сказала Лелла.

— Если не поймет… — проговорил Альтман, — да поможет им всем Бог. Всем, ибо тогда не поймет никто.

В кабину вошла миссис Альтман с ворохом тяжелых плащей. Все они переоделись после того, как Селден потерял сознание; все, кроме Леллы, которая только набросила сверху накидку из натуральной шерсти. Миссис Альтман теперь была в наряде жительницы Нижних Каналов, Фирса Мак облачился в алую тунику, схваченную на бедрах широким поясом. Альтман же словно родился в своем кожаном костюме кочевника. Наверное, он слишком высок, догадался Селден, чтобы сойти за жителя Джеккары. Альтман носил

свой наряд пустыни с такой естественностью, словно давно сроднился с ним.

Селдена поставили на ноги и завернули в плащ. Тут он заметил, что его тоже успели переодеть в охряно-желтую тунику, а голые руки и ноги натерли чем-то черным. Потом они опять привязали пленника к креслу и принялись ждать, пока вертолет совершит посадку.

Спина у Селдена затекла от напряжения и страха. Он все перебирал и перебирал в уме подробности событий, пытаясь понять, как случилось, что он оказался здесь. Но никакого смысла во всем этом не было. Одно лишь очевидно: Бентам нарочно заманил его в ловушку. Но зачем? Куда его везут, что намерены с ним сделать?

Он попытался заняться психотерапией, однако это было нелегко — вспомнить все те мудрые вещи, которые казались действительно мудрыми, только когда он слышал их, — и пленник все смотрел и смотрел на лица Альтмана и Фирсы Мака.

Что-то странное чувствовалось теперь в них обоих, чего прежде Селден не замечал. Он попытался понять, что именно. Их лица стали суше, подтянутей, чем прежде, а мускулы — жилистей и рельефней, и вообще в их движениях, их

повадках сквозила ленивая грация крупных хищников. Но было в них что-то еще, более разящее, пугающее — что-то в выражении глаз, в складках у рта — и Селден понял, что это жестокие люди, которые способны ударить, ранить и, возможно, даже убить. Он боялся их. И в то же время ощущал свое превосходство.

Небо посветлело. Селден уже мог разглядеть мчащуюся под ними пустыню. Вертолет совершил посадку, взвихрив огромный столб песка и пыли. Альтман и Фирса Мак выволокли пленника из машины. Сила их устрашала.

Вертолет улетел.

У Селдена перехватило дыхание от мороза и разреженного воздуха. Кости у него как будто стали хрупкие, а легкие словно ножами кололо. Остальные, казалось, даже не заметили неудобства. Селден закутался в плащ, помогая себе скованными руками, и зубы его лязгали через тряпку кляпа. Неожиданно Лелла протянула к нему руку и резко надвинула капюшон почти до самого подбородка. В нем оказались прорези для глаз, так что капюшон, вероятно, спасал от песчаных бурь, но он натирал лицо и неприятно пахнул. Селден никогда еще не чувствовал себя таким несчастным.

Рассвет заливал пустыню ржаво-красной краской. Цепь изъеденных временем гор, голых, как окаменевшие позвонки доисторического чудовища, тянулась вдоль горизонта на севере. А совсем рядом находилась беспорядочная груда скалистых валунов самых фантастических очертаний, которые выточили ветер и песок. Из-за скал появился караван.

Селден услышал звон колокольчиков и тяжелые шаги косолапых лап. Этих зверей он видал на картинках. В своем истинном виде, покрытые чешуей, шагающие по красному песку со всадниками на спинах, они казались настоящими привидениями из каких-то древних и страшных времен. Монстры подошли ближе и остановились, шипя и переступая лапами и выкатывая на Селдена круглые глаза. Им явно не нравился его запах, несмотря на весь марсианский маскарад. К Альтману они отнеслись спокойно. Возможно, он прожил с марсианами так долго, что уже пахнул, как они.

Фирса Мак обменялся короткими фразами с погонщиком каравана. Встреча была явно запланированной, так как в караване нашлись свободные звери. Женщины легко взобрались на их спины. Селдена едва не стошнило при одной

только мысли, что ему придется ехать верхом на такой твари. Однако в данный момент его гораздо больше страшила перспектива быть брошенным в пустыне. Так что он не стал возражать, когда Фирса Мак и Альтман взгромоздили его на седельную подушку. Караван тронулся с места, направляясь к горам на севере.

Спустя час Селдена терзали уже три напасти — холод, жажда и боль в ягодицах от непривычных движений. К полудню, когда путники остановились на привал, он был уже почти в полубессознательном состоянии. Альтман и Фирса Мак помогли ему спешиться, а потом отнесли к скалам, где вытащили кляп изо рта и дали напиться. Солнце теперь стояло высоко, пронзая тонкий слой атмосферы, как пылающий скальпель хирурга. Оно обожгло щеки Селдену, но по крайней мере он согрелся — вернее, почти согрелся. Ему хотелось остаться там, где он есть, и умереть. Но Альтман не ведал жалости.

— Вы же мечтали попасть в Джеккару, — сказал он. — Ну вот, вы и идете… правда, немного раньше, чем планировали, только и всего. Какого черта, мальчик, ты думал, что это будет прогулка — как в Кахору?

И он снова взвалил Селдена, как тюк, на седло,

и караван тронулся.

В полдень поднялся ветер. Вообще-то ветер дул постоянно, не прекращаясь ни на мгновение, но очень тихо, как-то устало, бродя в песках, поднимая то там, то здесь горсточку пыли и тут же роняя ее обратно. Он легонько лизал вздымавшиеся утесы, подправляя прорезавшиеся бороздки на их поверхности и немного изменяя узор. Но теперь… Теперь ветер, словно взбесившись от недовольства плодами собственного труда, вознамерился стереть все, что было, и начать заново. Он собрался с силами и с визгом понесся над землей.

Селдену показалось, что вся пустыня снялась с места и полетела подобно блуждающему красному облаку. Солнце исчезло. Альтман и Фирса Мак, которые держали поводья его зверя, пропали из виду. В жалком паническом страхе пленник прижался к седельной подушке, не отрывая глаз от видневшегося кусочка повода: он знал, что, когда тот ослабнет, всему конец. Значит, он безвозвратно заблудился в пустыне.

А потом ветер стих, так же внезапно, как и поднялся, и песок снова неторопливо покатил вперед свои вечные волны.

Вскоре после этого освещенный длинной крас-

ной полосой заката караван спустился в лощину — к темной воде, сверкавшей среди одиночества. Вокруг водоема зеленели клочки растительности. В воздухе стоял запах сырости и живых растений, и старинный мост вел через канал в город, за которым вздымались голые горы.

Селден знал, что это Джеккара. Пленника объял благоговейный ужас. Даже теперь мало кому из землян Удавалось увидеть Джеккару. Он глядел сквозь прорези в капюшоне, различая сначала только розово-красные скопления камней, а потом солнце спустилось, и тени сместились, и стало ясно, что это дома, врастaвшие все глубже и глубже в скалу.

Вдалеке Селден различил руины большого замка, окруженного стенами, в котором, как он знал, жили пресловутые халидские короли, и Бог знает, сколько династий правителей обитало там до них, когда пустыня была еще дном синего моря, ведь и по сей день сохранился маяк на бывшем уровне океана: он стоял одиноко, возвышаясь над мертвой гаванью — теперь уже посреди гор.

Селден вздрогнул, ощутив немыслимый груз истории, в которой ему и таким, как он, не было места, и подумал, что, наверное, глупо и самонадеянно пытаться лезть к этим людям со своими

дурацкими советами.

Это чувство неотвязно преследовало его, пока он шел по мосту. До середины моста. К тому моменту свет на западе погас, и улицы Джеккары, сотрясаемой пустынным ветром, осветились факелами.

Внимание Селдена переключилось с древней истории на современную жизнь, и он опять задрожал, хотя теперь по иной причине. Верхний город был мертв, нижний — еще жив, и что-то в его виде, шуме и запахе буквально потрясло Селдена. Потому что все было именно так, как описывали первые путешественники-авантюристы в своих крайне сомнительных дневниках.

Караван подошел к широкой площади, выходившей на канал; звери осторожно и недовольно ступали, выбирая место, куда поставить лапу среди покосившихся, вросших в землю каменных плит. Навстречу вышли люди. Селден даже и не заметил, как Альтман и Фирса Мак тихонько переместили его в самый конец каравана; он опомнился только тогда, когда его отвязали и осторожно повели вверх по узенькой лестнице между низкими каменными домами с глубокими дверными проемами и крохотными оконцами. Все углы у этих домов были стесаны, слизаны, как

голыши на дне ручья, от времени и от прикосновений бесчисленных пальцев и плеч.

В городе явно что-то происходило, догадался Сел-ден, потому что он слышал множество голосов, доносившихся сзади. Такое впечатление, что все люди собрались в каком-то одном месте. Воздух был холоден и пропитан пылью, в нос ударяли незнакомые резкие запахи и что-то еще, совсем уже непонятное.

Альтман и Фирса Мак опустили Селдена на землю и дали постоять, пока ноги его не обрели хоть какую-то чувствительность. Фирса Мак все поглядывал на небо. Альтман нагнулся прямо к уху Селдена и прошептал:

— Делай, что мы тебе велим, или не доживешь до утра.

— Как и мы, впрочем, — пробормотал Фирса Мак, проверяя кляп во рту Селдена и еще глубже надвигая на его лицо капюшон. — Почти время.

Потом Селдена быстро потащили вверх по еще одной крутой улочке. В воздухе витал острый, сладковатый запах, мерцали странного цвета огни, вспыхивавшие порой с такой неистовой, фантастической яростью и в таком завораживающем ритме, что у Селдена глаза вылезали из орбит, даже под капюшоном, и он с какой-то ис-

теричной отчетливостью припомнил семинары по марсианской культуре. Потом они вышли на широкую площадь.

Она была запружена людьми, закутанными в плащи от пронзительного ночного ветра. Смуглые лица, видневшиеся в тусклом свете факелов, не выражали никаких чувств. Казалось, все смотрели на небо. Фирса Мак и Альтман, крепко сжав Селдена между собой, втиснулись в толпу. И тоже принялись ждать.

А люди все подходили и подходили, стекаясь из примыкавших к площади улочек. Они возникали совершенно бесшумно, если не считать едва слышного шороха сандалий и тихого позвякивания волшебных колокольчиков женщин. Селден тоже неотрывно смотрел на небо, хотя не понимал, почему он это делает.

Стало еще более тихо, все замерли, затаили дыхание, а потом на востоке над крышами вдруг возникла низкая и кровавая луна — Дендерон.

— А-а-а! — взвыла толпа.

То был даже не вопль, а какая-то протяжная песня без слов, исполненная безысходной тоски и отчаяния, которая потрясла Селдена до глубины души. В тот же момент арфисты, прятавшиеся в густой тени полуразрушенного портика, ударили

по струнам арф, и вопль перерос в речитатив, в какое-то заклинание — полужалобу, полуугрозу неумирающей ненависти. Толпа двинулась: арфисты шли впереди, факельщики освещали путь, высоко подняв свои факелы. И Селден тоже шел со всеми, вверх — в горы, поднимавшиеся за Джеккарой.

Это была очень длинная дорога, освещаемая струящимся светом Дендерона. Селден чувствовал, как хрустит и скрежещет под его сандалиями пыль веков, и призраки городов мелькали слева и справа от него: разрушенные стены, пустые базарные площади, причалы, где пришвартовывались корабли морских королей… От дикой неистовой мелодии арф Селден впал в полузабытье. Длинная цепочка поющих людей растянулась на многие мили, и в размеренном ритме их движения было что-то невероятно странное, подобное маршу к смертельной плахе.

Следы деятельности рук человеческих уже давно остались позади. Голые горы поднимались, заслоняя звезды, залитые слабым лунным светом — воплощением зла, сатанинскими чарами. Селден сам себе удивлялся — его страх куда-то пропал. Вероятно, он просто уже достиг высшей точки нервного напряжения. Во всяком случае,

он видел и понимал все отчетливо, но как бы со стороны.

Он не испугался даже тогда, когда увидел, что арфисты и факельщики вошли в устье огромной пещеры. Пещера оказалась такой огромной, что люди в ней могли свободно шагать по десять человек в ряд. Арфы звучали теперь приглушенно, едва слышно, и голоса запели на низких нотах. Селден почувствовал, что процессия спускается куда-то вниз. Странное и ужасное нетерпение вдруг проснулось в нем, и это он уже не мог объяснить никак.

Остальные, по-видимому, испытывали те же чувства, поскольку шаг толпы немного ускорился и струны зазвучали более энергично.

И вдруг стены исчезли. Все вышли на открытую холодную площадку, совершенно, непроницаемо темную — настолько темную, что горящие факелы казались просто светящимися булавочными головками.

Песнопение прекратилось. Толпа встала, образовав полукруг, и замерла. Впереди стояли арфисты, а еще дальше — сама по себе, небольшая группа людей.

Кто-то из них скинул с себя накидку, и Селден увидел женщину в багровом. Странно, почему-то

он был абсолютно уверен, что это Лелла, хотя в свете факелов была видна только серебряная маска, скрывавшая лицо, — очень древняя, с невероятно странным выражением жестокости и сострадания. Женщина взяла в руки слабо светящуюся круглую лампу и подняла ее вверх, и арфисты вновь ударили по струнам. Остальные шестеро тоже скинули плащи. Трое мужчин и три женщины, все обнаженные и улыбающиеся.

Теперь арфы заиграли какой-то бодренький мотивчик, и женщина в багровом принялась раскачиваться в такт мелодии. Голые начали танцевать, глаза их были совершенно стеклянные, светящиеся безумным счастьем, и было видно, что люди находятся в сильном наркотическом опьянении. Женщина в багровом повела их за собой во тьму, издав долгий, мелодичный, сладостный призывный клич.

Арфы умолкли. Только голос женщины звучал в темноте, и ее лампа светилась где-то вдали, как туманная путеводная звезда.

Вдруг за лампой возник глаз: посмотрел на собравшихся и исчез.

Селден видел толпу, жрицу и шестерых танцоров. На какую-то долю секунды они вырисовались тенями на фоне небесного глаза, как вырисовыва-

ются силуэты на фоне взошедшей луны. Потом в Селдене что-то надломилось, и он упал, цепляясь за спасительное забвение и бесчувствие.

Остаток ночи и следующий день они провели в доме Фирсы Мака, стоявшем у черного канала, а на улицах кипело безумное веселье, настоящий разгул страстей. Селден сидел, высоко подняв голову, и время от времени по его телу пробегала судорога.

— Это неправда, — повторял он снова и снова. — Такого просто не может быть.

— Допустим, не может, — возразил Альтман, — но оно есть. Это факт, и против факта вам нечего возразить. Теперь вы понимаете, зачем мы привезли вас сюда?

— Вы хотите, чтобы я рассказал об этом в Бюро… об этом?..

— Да. Расскажите в Бюро и всем тем, кто захочет выслушать вас.

— Но почему именно я? Почему вы не выбрали кого-нибудь поважнее — например, какого-нибудь дипломата?

— Мы уже пытались сделать это. Помните Лафлина Херерта?

— Но он умер от сердечной… О!

— Когда Бентам рассказал нам о вас, — про-

говорил Фирса Мак, — мы подумали, что вы достаточно молоды и сильны, чтобы пережить подобное потрясение. Мы сделали все, что могли, Селден. Мы пытаемся сделать это уже многие годы — я и Альтман…

— Но они не желают нас слушать, — добавил Альтман. — Просто не желают. И продолжают посылать сюда детей, хороших, славных детей, желающих добра, с их нудными няньками, которые даже не подозревают… Я просто не отвечаю за последствия. — Он посмотрел на Селдена с высоты своего гигантского роста.

— Это тяжелая ноша. Большая ответственность, Селден, — негромко сказал Фирса Мак. — Мы даже гордимся, что нам выпала такая доля. — Он кивнул в сторону невидимых гор. — Это — невероятная, разрушительная сила. В первую очередь Джеккара, потом, возможно, Валкис и Барракеш — и вообще я говорю о тех, чья жизнь зависит от канала. Такое способно уничтожить, смести. Мы знаем. Это наше внутреннее дело, оно касается только Марса, и нам вовсе не хочется впутывать сюда пришельцев. Но Альтман мой брат, и я обязан заботиться о его соплеменниках, так что я говорю вам: жрица предпочитает выбирать жертв для жертвоприношения среди чужезем-

цев…

— И как часто? — слабо прошептал Селден.

— Дважды в год, когда встает Безумная Луна. В остальное время она спит.

— Луна спит, — повторил Альтман, — но если ее пробудить, или напугать, или разъярить… Ради всех святых, Селден, скажите им, чтобы они хотя бы понимали, куда лезут!

— Как вы можете жить здесь, среди такого… — в бешенстве начал Селден.

Фирса Мак изумленно посмотрел на него, не понимая, как вообще можно задать такой глупый вопрос.

— Потому что мы всегда жили среди такого. Селден умолк, молча уставившись на него.

Он так и не уснул, а когда Лелла неслышно вошла в его комнату, в ужасе закричал.

На второй день путники выскользнули из Джеккары и отправились назад через пустыню к скоплению камней, где их ждал вертолет. С Селденом летел только Альтман. Они молча сидели в кабине. Селден был погружен в раздумья, но краешком глаза видел, как Альтман время от времени поглядывает на него, и в глазах его явственно читались горечь и понимание поражения.

В сумерках всплыли сверкающие купола Кахоры, и луна Дендерон повисла на небе.

— Вы не собираетесь ничего им говорить, — констатировал Альтман.

— Я не знаю, — прошептал Селден, — не знаю…

Альтман ушел, оставив гостя на посадочной площадке. Больше Селден не видел его. Он нанял кэб, вернулся в отель и немедленно запер за собой дверь номера.

Его окружили привычные, нормальные вещи — и к нему, наконец, вернулся рассудок. Он уже был способен более спокойно разобраться в своих мыслях.

Если он поверит в подлинность того, что видел, значит, он просто обязан рассказать об этом — даже если никто не захочет его слушать. Даже если его руководители, учителя, спонсоры, те, перед которыми он благоговел и чьего расположения искал, будут в шоке и станут презирать его. Они покачают головой и навсегда закроют перед ним свои двери. Даже если он будет навечно приговорен принадлежать той внешней тьме, которую населяют люди, подобные Альтману и Фирсе Маку. Даже при этом условии он должен сказать.

Но если он не поверит в реальность случившегося, а поймет, что все это было только иллюзией,

галлюцинацией, рожденной наркотическим опьянением и Бог знает какой древней техникой марсианского гипноза…

Да, его опоили, это-то не вызывает сомнений. А Лелла и в самом деле применила против него какой-то гипноз…

Если он не поверит…

О Боже, как это славно — не верить и быть снова свободным, в безопасности правды!

Селден сидел и думал в тепле и уюте гостиничной комнаты, и чем дольше он думал, тем больше убеждал себя, тем решительней освобождался от субъективности восприятия, тем глубже и спокойнее становилось его видение мира. К утру он был все еще изнурен и диковат, но — полностью исцелен.

Он отправился в Бюро и сказал, что заболел сразу же после прилета, а потому никак не мог связаться с ними. Он также сказал, что получил из дома срочный вызов и должен вылететь прямо сейчас. Им очень не хотелось терять его, но они отнеслись к ситуации с пониманием и забронировали для Селдена место на ближайший рейс.

Только несколько шрамов осталось в душе Селдена. Странностей психики. Он не мог слышать звуков арфы и не выносил вида женщин

в багровом. Пустяки, с которыми вполне можно жить… но ночные кошмары были похуже. Они изводили его.

Вернувшись на Землю, Селден сходил к психоаналитику и рассказал о виденном без утайки, а психоаналитик с легкостью объяснил ему все, что с ним произошло. Все это было сексуальной фантазией на почве наркотического опьянения, в которой жрица представлялась ему собственной матерью. Глаз, который смотрел на него и который продолжал немигающе следить за Селденом в навязчивых снах-кошмарах, — символ женского детородного органа, а чувство ужаса, который он вызывал у Селдена, объясняется чувством вины, возникавшей из-за того, что сам Селден — скрытый гомосексуалист.

После этого Селден почувствовал колоссальное облегчение.

Психоаналитик заверил его, что теперь, когда причина установлена, вторичные признаки заболевания постепенно будут сходить на нет. Возможно, так бы оно и случилось, если бы Селдену не пришло письмо. Он получил его через шесть марсианских месяцев после того ужасного ужина, подстроенного Бентамом. Письмо было не подписано. Оно гласило:

«Лелла ждет тебя на восходе луны».

Внизу был рисунок — знакомый огромный чудовищный глаз, нарисованный очень четко и аккуратно.

2038: ДОРОГА НА СИНХАРАТ

Глава 1

Дверь была низкая, глубоко утопленная в толщу стены. Кэри постучал, потом принялся ждать, сгорбившись под узким навесом, как будто и впрямь мог спрятаться в его крохотной гени. Через несколько ярдов, за растрескавшимися и покосившимися камнями мостовой, катил свои спокойные черные воды под спокойным черным небом Нижний Канал Джеккары, и в обоих плавали звезды.

Вокруг все замерло. Город был наглухо заперт — каждый дом, каждая дверь, и это было так непривычно, что Кэри даже мороз пробрал. В городах Нижних Каналов безраздельно царствовали разнообразные пороки — в том или ином виде, и «работа» не прекращалась ни на минуту, круглые сутки. Можно было вообразить, что все куда-то уехали, но Кэри отлично знал, что это не так. Ни один его шаг не остался незамеченным. Даже не верилось, что они позволили ему зайти так далеко и не убили. Почему? Возможно, потому, что помнили его.

За дверью послышался какой-то звук.

— Я прошу убежища, право гостя, — произнес

он на древнем верхнемарсианском. А потом добавил на местном нижнемарсианском, который был для него легче: — Пусти меня, Дерек. Ты обязан мне кровью.

Дверь слегка приоткрылась, и Кэри скользнул в образовавшуюся щель — в свет, отбрасываемый лампой, и в относительное тепло.

Дерек закрыл дверь и заложил ее на засов, ворча:

— Будь ты проклят, Кэри. Я так и знал, что ты припрешься сюда со своими дурацкими разговорами о кровных долгах. Я поклялся, что не пущу тебя в дом.

Типичный обитатель Нижних Каналов, худой и низкорослый, смуглый и хищный. В левом ухе у него сверкал красный драгоценный камень, а одет он был в совершенно нелепый для здешних мест, но чрезвычайно удобный теплоизолирующий костюм из земного синтетического материала, спасавшего и от жары, и от холода.

Кэри улыбнулся.

— Шестнадцать лет тому назад, — сказал он, — ты скорее бы умер, чем надел такое.

— Что поделать, комфорт развращает. Ничто не портит нас так сильно, как удобство, — разве что доброта. — Дерек вздохнул: — Я знал, что

совершаю ошибку, когда позволил тебе спасти мою шкуру в тот раз. Рано или поздно ты должен был попросить награды. Что ж, теперь я впустил тебя в дом, так что можешь сесть.

Он налил вина в алебастровую чашу, истончившуюся от времени, как яичная скорлупа, и протянул ее Кэри. Приятели выпили в мрачном молчании. Мерцающий свет лампы высветил тени и глубокие складки на лице Кэри.

— Давно не спал? — спросил Дерек.

— Я могу спать на ходу, — сказал Кэри, и Дерек с холодной задумчивостью посмотрел на него своими янтарными кошачьими глазами.

Комната была большая, богато обставленная потускневшими, полинявшими старинными вещами, принадлежавшими миру, который уже не мог дать роскоши и комфорта. Некоторые предметы, правда, были совсем новые, выполненные в традиционной манере марсианскими ремесленниками, однако практически не отличались от вещей, которые были древними уже тогда, когда первые фараоны играли в свои детские игры на берегу Нила.

— А что будет, — спросил Дерек, — если они поймают тебя?

— О, — сказал Кэри, — сначала меня вышлют

с Марса. Потом я предстану перед судом Объединенных Миров, и уж, конечно, меня признают виновным и выдадут Земле для вынесения наказания. Будут новое расследование, и штрафы, и взыскания… А когда они кончат все это, я буду сломленным человеком, несчастным и жалким. Хотя, думаю, что в конечном итоге им всем будет еще хуже.

— Но тебе это не поможет, — заметил Дерек.

— Угу.

— Почему тебя не хотят выслушать?

— Потому что они считают, что правы.

Дерек грязно выругался.

— Но они действительно правы! Я же саботировал Реабилитационный проект, как только мог. Я переправил в другие каналы все фонды и вложения и перепутал все приказы, так что теперь идет чуть ли не двухлетнее отставание от графика. Именно за это они и собираются меня судить. Но самая моя главная вина, мое главное преступление заключается в том, что я вообще подверг сомнению концепцию Доброты, а стало быть, целесообразность всех работ. Мне простили бы убийство — но только не это.

— Решайся поскорее, — устало добавил он. — Парни из Объединенных Миров работают в

контакте с Советом Городских Штатов, и Джеккара уже не является закрытым городом, как когда-то. Думаю, в первую очередь они заявятся именно сюда.

— Я подозревал что-то в таком роде. — Дерек нахмурился. — Все это меня не тревожит. Меня заботит другое — я знаю, куда ты намерен двинуться дальше. Мы ведь пытались однажды, помнишь? Мы бежали через эту сволочную пустыню, спасая свои шкуры. Четыре дня и четыре ночи. — Он вздрогнул.

— Переправь меня в Барракеш. Там я растворюсь, исчезну, присоединюсь к каравану, который идет на юг.

— Если ты намерен убить себя, то почему не сделать это прямо здесь, в тепле и комфорте, в окружении друзей?.. Дай мне подумать, — сказал Дерек. — Дай взвесить мои года и мое богатство и каждую пядь песка — и поглядеть, что перетянет на чаше весов.

В жаровне на раскаленных углях негромко шипели язычки пламени. За окном вновь завыл ветер и принялся за свой обычный труд — сглаживать и обтирать стены дома крупицами пыли, обкатывая углы, делая дырами окна. На всем Марсе ветер творит то же самое с хижинами и

дворцами, с горами и норами животных, терпеливо трудясь день за днем, и когда-нибудь вся поверхность планеты станет ровной и гладкой — одно сплошное море пыли. Только в последнее время рядом со старыми городами стали возникать строения из пластика и металла. Они выдерживали атаки ветра, словно готовые стоять вечно. И Кэри показалось, что он услышал, как смеется, пролетая мимо, этот старый дряхлый ветер.

По закрытой шторке, висевшей на задней стене, поскребли ногтями, потом резко забарабанили. Дерек встал, на лице его выразилась тревога. Он дважды стукнул по шторе в знак того, что понял сигнал, и повернулся к Кэри:

— Допивай быстрей.

Затем взял чашу гостя и ушел с ней в другую комнату.

Кэри поднялся. Среди шума ветра он явственно различил мягкое урчание моторов, уже совсем низко и близко.

Вернулся Дерек и быстро подтолкнул Кэри ко внутренней стене. Кэри вспомнил, что здесь есть вращающийся камень, а за ним тайник. Он вполз в образовавшееся отверстие.

— И не вздумай возиться там или чихать, —

предупредил Дерек. — Камни едва держатся, тебя услышат.

Он повернул камень.

Кэрри устроился поудобней — насколько это было возможно — в неровной дыре, отполированной прятавшимися здесь многие и многие поколения бесчисленными телами и вещами. Через кладку, делавшуюся без раствора, как и все каменные строения на Марсе, просачивались воздух и слабый свет. Даже виднелся небольшой узкий кусочек комнаты.

Когда раздался громкий стук в дверь, Кэри обнаружил, что и слышит прекрасно.

Перед его глазами прошел Дерек. Дверь открылась. Мужской голос потребовал впустить — именем Объединенных Миров и Совета Городских Штатов Марса.

— Прошу вас, — ответил Дерек.

Кэри мог разглядеть, хотя и весьма обрывочно, четверых. Трое из них были марсианами в традиционных одинаковых костюмах Городских Штатов. Эти парни выполняли здесь ту же работу, что ФБР на Земле. Четвертый был землянин, и Кэри даже польщенно улыбнулся: надо же, какое значение придают его персоне! Сухощавый симпатичный блондин с загорелым лицом и дру-

желюбными голубыми глазами вполне мог быть артистом, теннисистом, каким-нибудь начальником невысокого ранга на отдыхе. Однако это был Говард Уэйлз, лучший землянин в Интерполе.

Пока марсиане беседовали с Дереком, он вразвалочку прошелся по комнате, заглядывая в двери, прислушиваясь, принюхиваясь, ощущая. Кэри смотрел на него словно завороженный — как кролик на удава. В какой-то момент Уэйлз подошел прямо к убежищу Кэри и остановился у трещины в стене. Кэри боялся вздохнуть, у него вдруг возникло ужасное чувство, что вот сейчас Уэйлз неожиданно обернется и заглянет в трещину.

Старший из марсиан, человек средних лет со значительным лицом, рассказывал Дереку, какое его ждет наказание за укрывательство дезертира или сокрытие информации о нем. Кэри подумал, что парень чересчур разошелся. Еще пять лет назад полицейский и носа бы не рискнул сунуть в Джеккару.

Он представил себе, как Дерек, прислонившись к стене и поигрывая камнем в ухе, уважительно слушает чиновника. Наконец хозяину дома надоело, и он сказал довольно спокойно:

— Вследствие особого географического положения наш город включили в сферу Новой

Культуры. — Он сделал ударение на «новой культуре». — Мы внесли некоторые коррективы. Тем не менее это все же Джеккара, и ваше присутствие здесь всего-навсего терпят — не более. Прошу не забывать об этом.

Тут заговорил Уэйлз, предвосхищая комментарии со стороны представителя Городских Штатов:

— Вы ведь были другом Кэри довольно долгое время?

— Когда-то мы вместе грабили гробницы.

— Мне кажется, «занимались археологическими изысканиями» звучит лучше.

— В моей очень древней и весьма почетной гильдии никогда не употребляли такие слова. Сейчас, однако, я честный торговец, и Кэри сюда не заходит.

Он мог бы добавить «не часто» — не часто заходит, но не добавил.

— Ну, теперь-то он наверняка зайдет, — с усмешкой заметил представитель Штатов. — Если уже не зашел.

— Почему? — невинно поинтересовался Дерек.

— Ему нужна помощь. А где еще он может ее получить?

— Где угодно. У него много друзей. И он знает

Марс гораздо лучше большинства марсиан, думаю, что даже лучше, чем вы, черт возьми.

— И все же, — спокойно сказал Уэйлз, — за пределами Городских Штатов землян травят как кроликов, если они имеют глупость там остановиться. Ради жизни Кэри, скажи нам, где он — если ты знаешь, где твой друг. Иначе он погибнет. Непременно.

— Он взрослый человек, — ответил Дерек. — И сам должен нести свою ношу.

— Он что-то слишком много на себя взял, — пробормотал Уэйлз, но тут же осекся.

Неожиданно послышался хор голосов — в комнате и снаружи, за дверью. Все куда-то исчезли из поля зрения Кэри, за исключением Дерека, который встал как раз около щели. Вид у него был расслабленный, апатичный и в то же время самоуверенный до омерзения. Кэри не расслышал, что именно побудило всех остальных так спешно выскочить из комнаты, но догадался, что прилетел еще один флаер.

Через несколько минут Уэйлз и компания вернулись и с ними несколько незнакомых людей. Кэри скорчился и изогнулся, прильнув поближе к щели, и смог рассмотреть Алана Вудторпа, своего начальника, руководителя Реабилитационного

проекта на Марсе — возможно, самого влиятельного человека на планете. Кэри знал, что тому пришлось пролететь через пустыню тысячи миль из штаб-квартиры в Кахоре, чтобы попасть сюда именно в этот момент.

Кэри был польщен и глубоко тронут.

Вудторп обезоруживающе просто и дружелюбно представился Дереку. Он был загружен и заморочен тысячей важных дел, но никогда не забывал о том, что нужно быть приветливым, учтивым и человечным. И самое поразительное, что он действительно был таким, каким казался. Потому-то Кэри пришлось с ним неимоверно трудно.

Дерек улыбнулся краешками губ:

— Не отходите далеко от ваших охранников.

— Но почему? — удивился Вудторп. — Зачем такая враждебность? Если бы только ваш народ смог понять, что мы пытаемся помочь…

— Это-то они прекрасно понимают, — сказал Дерек. — Они не понимают другого: почему вы по-прежнему не желаете оставить их в покое, даже после того как они вежливо поблагодарили вас и объяснили, что не хотят и не нуждаются в этой вашей помощи?

— Да потому что мы знаем, как им помочь! Они

же бедствуют. Мы можем сделать их богатыми, можем дать им воду, пахотные земли, энергию — изменить их жизнь! Примитивные народы всегда сопротивляются переменам, но со временем они понимают…

— Примитивные? — переспросил Дерек.

— О, я не имел в виду жителей Нижних Каналов, — торопливо поправился Вудторп. — У вас был высокий уровень культуры, когда наш проконсул еще раздумывал, слезть или не слезть ему с дерева. Тем более удивительно, что вы держите сторону кочевников в этом вопросе.

— Марс — старый, расшатанный, иссушенный мир, однако мы понимаем его. Мы заключили с ним сделку. Мы не требуем от него слишком многого, и он дает нам то, что требуется. Нам хватает. Мы можем на него положиться. Мы не желаем попасть в зависимость от других людей.

— Но сейчас новый век, — возразил Вудторп. — Высокая технология творит чудеса. Старые предрассудки, узкий подход — все это больше не…

— Вы говорили что-то о примитивных народах.

— Я имел в виду племена Пустынных земель. Мы рассчитывали на доктора Кэри, потому что он обладает уникальным опытом и познаниями, мы

думали, что он поможет нам понять эти племена. А он вместо этого разжег в них желание воевать. Наши изыскательские отряды столкнулись с вопиющим насилием. Если Кэри доберется до Пустынных земель, не знаю, что может случиться. Уверен, вы же не хотите, чтобы…..

— Примитивные, — задумчиво повторил Дерек с ногкой жестокой нетерпеливости в голосе. — Узкий подход. Боги посылают нам, скорее, подлеца, а не услужливого дурака. Мистер Вудторп, кочевникам Пустынных земель вовсе не нужен доктор Кэри, чтобы разжечь пламя войны. То же самое касается нас. Мы не желаем, чтобы вы ковырялись в наших колодцах и поворачивали в другом направлении каналы. Мы не хотим, чтобы наше население возросло. Нам не нужны ресурсы, которых, возможно, хватит на тысячи лет — если они не протухнут, не иссякнут и не кончатся за несколько веков. Мы находимся в гармонии с природой, мы сохраняем баланс и хотим и впредь жить так, как жили. И мы будем бороться, мистер Вудторп. Сейчас вы имеете дело не с теориями. Вы затронули наши жизни. И мы не собираемся отдавать их в ваши руки.

Дерек повернулся к Уэйлзу и марсианам:

— Обыщите дом. Можете обыскать весь город,

если вам угодно. Но долго все это я терпеть не намерен.

Вудторп постоял немного с оскорбленным и обиженным видом, потом покачал головой и вышел. Кэри услышал голос Дерека:

— А вы что же, мистер Уэйлз? Почему не с ними?

— Я не люблю тратить свое время попусту, — любезно ответил Уэйлз. Пожелав Дереку доброй ночи, он вышел, и Кэри вздохнул с облегчением.

Через несколько минут ушли и марсиане. Дерек запер дверь и сел допивать свое вино. Он даже пальцем не пошевелил, чтобы вызволить Кэри из плена, он словно забыл о нем — и Кэри с трудом подавил желание окликнуть его. Ему уже становилось невыносимо в каменном мешке.

Дерек медленно потягивал вино. Допив, он снова налил себе. Когда он допил и этот бокал, сзади к нему подошла девушка.

Она была в традиционном наряде Нижних Каналов, чему Кэри был очень рад, потому что не любил, когда женщины начинали одеваться в бесформенные и безликие одежды, в которых все выглядели одинаково. Он считал старую моду просто очаровательной. Юбка девушки представляла собой широкое полотнище тяжелого

оранжевого шелка, стянутого на талии широким поясом. Больше на ней не было ничего, если не считать ожерелья, но ее тело было тонким и гибким, как тростник под ветром. Вокруг щиколоток и в волосах звенели маленькие колокольчики, так что, когда она двигалась, звучала тихая волшебная музыка, сладкая и в то же время порочная.

— Вот теперь все ушли, — сказала она Дереку. Дерек встал и быстро подошел к тайнику Кэри.

— Кто-то следил за нами через щели в шторах, — сказал он, помогая Кэри выбраться наружу. — Надеялись, что я сам себя выдам, подумав, что они вправду ушли. Это был землянин, да? — спросил он у девушки.

— Нет.

Она плеснула себе немного вина и устроилась с бокалом на гостевой кушетке, покрытой шелками и теплыми мехами. Кэри заметил, что глаза у нее цвета изумруда, слегка поднятые к вискам, яркие, любопытные и безжалостные. Он вдруг застеснялся своего небритого подбородка и уже заметной редины на висках, своего грязного и усталого тела.

— Мне не понравился этот Уэйлз, — сказал Дерек. — Он почти так же умен, как я. Нам придется

держать ухо востро.

— Нам? — переспросил Кэри. — Так ты уже взвесил каждый ярд песка?

Дерек уныло пожал плечами:

— Тебе, наверное, было слышно, как я сам себя уговаривал. Впрочем, мне что-то поднадоела оседлая тихая жизнь. — Он улыбнулся той самой улыбкой, которую Кэри запомнил еще с той поры, когда они обчищали гробницы. В тех местах даже убийство было более безопасным занятием. — Меня всегда злило, что нам пришлось бросить это дело. Хочется снова заняться чем-то таким… Кстати, это Аррин. Она пойдет с нами до Барракеша.

— О! Кэри поклонился, и девушка улыбнулась ему из своего уютного мехового гнездышка на кушетке. Потом взглянула на Дерека:

— А что за Барракешем?

— Кеш, — сказал Дерек. — И Шан.

— Но ты не торгуешь с Пустынными землями, — нетерпеливо сказала она. — А если будешь, почему я должна идти с вами только до Барракеша?

— Мы идем в Синхарат, — сказал Дерек. — Вечно живой Синхарат.

— Синхарат? — потрясенно прошептала Аррин. Последовало долгое молчание, потом она переве-

ла взгляд на Кэри. — Если бы я знала, непременно сказала бы им, где вы. Лучше бы они вас забрали. — Девушка задрожала и наклонила голову.

— Это было бы глупо, — ответил Дерек, лаская ее. — Ты бы упустила свой шанс быть любовницей одного из спасителей Марса.

— Если вы останетесь живы, — возразила она.

— Но, мое дорогое дитя, а можешь ли ты, сидя здесь, гарантировать мне, что не умрешь завтра?

— Нужно признать, — тихо сказал Кэри, — что ее шансы все же несколько выше.

Глава 2

Баржа была длинная и узкая и стояла на понтонных подушках, так что держалась высоко над водой даже при полной загрузке. Понтоны, корпус и палуба были из металла; на Марсе уже давно не строили кораблей из дерева. Посреди палубы помещалась низенькая кабинка, где могли спать несколько человек, а ближе к тупому носу прямо в палубе был устроен очаг, на котором готовили еду. Движение барже обеспечивали монстры — четверо злобных чешуйчатых шипящих марсианских зверей шли по берегу и тянули баржу на бечеве. Баржа двигалась очень медленно. Кэри хотел отправиться в Барракеш по суше, кратчайшим путем, но Дерек запретил ему это.

— Я не могу снарядить караван. Моя торговля проходит на каналах, все это знают. Так что нам с тобой придется ехать одним, по ночам, а днем прятаться и пережидать. Мы только потеряем время. — Он показал большим пальцем в небо: — Уэйлз свалится тебе на голову, когда ты будешь меньше всего ожидать его. В самый неподходящий момент. На барже тебе есть где укрыться, и к тому же у меня достаточно людей, чтобы отбить

у него охоту совать нос в дела честного торговца, занимающегося легальным бизнесом, если он начнет очень уж наседать.

— Он не пойдет на такое, — мрачно сказал Кэри.

— Пойдет, если совсем отчается. Но это будет несколько позже.

Так что баржа легко скользила на юг по тонкой полоске темной воды — последней открытой водной артерии, которая некогда была большим океаном. Теперь она несла талую воду с полярных ледниковых шапок.

По берегам канала стояли деревни, редкие оазисы жизни и культуры, длинные клинья полей выделялись удивительными зелеными заплатами на фоне желто-красного запустения. Но попадались места, где песок одержал победу над людьми, засыпав поля, погребя под собой дома, и только по круглым холмикам можно было догадаться, что прежде здесь жили и трудились люди. Берега канала соединяли мосты, некоторые совсем целые и служащие людям, другие — похожие на сломанные радуги, висящие в небе. Днем солнце жарило невыносимо, от него не было никакого спасения, зато ночью две луны окутывали всю землю изменчивым очарованием. Если бы

Кэри не грызло острое нетерпение, наверное, он был бы счастлив.

Но все это уйдет безвозвратно, если Вудторп и его Реабилитационный проект победят. Каналы перекроют плотинами и устроят запруды-водохранилища далеко на севере, а малочисленное население депортируют и расселят на новых землях. Глубокое бурение, вплоть до подземных водоносных слоев, восполнит дефицит воды в зимнее время, когда полярные шапки замерзают. Пустыня превратится — во всяком случае, на какое-то время — в цветущий сад. Кто откажется от такого ради жалкого, захолустного существования? Кто станет отрицать, что прежняя жизнь была плохой и что Реабилитационный проект хорош? Никто — кроме народа Марса и доктора Мэтью Кэри. Но никто не станет их слушать.

В Синхарате оставалось единственное средство, единственная надежда заставить выслушать это особое мнение.

Небо было пустым. Аррин сидела на палубе среди наваленных кипами тюков с товаром. Кэри видел, что она почти неотрывно наблюдает за ним, однако не испытывал восторга. Ему казалось, что девушка терпеть его не может, потому что он впутал Дерека в эту опасную авантюру.

Жаль, что Дерек не оставил ее дома.

На четвертые сутки на рассвете ветер неожиданно стих. Солнце палило немилосердно, от раскаленного песка и камней струилось дрожащее марево. Вода в канале стала похожа на полированное стекло, а на востоке линия горизонта окуталась туманной желтоватой дымкой.

Дерек долго принюхивался, как собака, втягивая ноздрями стоячий воздух, и около полудня приказал стать на якорь. Десятеро из команды вскочили с тюков и принялись лихорадочно работать, прикрепляя стальными якорями канаты, мастеря укрытие для зверей, проверяя крепления грузов на палубе. Кэри и Дерек работали вместе со всеми, и когда Кэри случайно поднял глаза, то увидел, что Аррин сидит на корточках у очага, лихорадочно что-то помешивая в горшке.

Небо на востоке вздыбилось стеной, волна заклубилась до самого зенита, внизу охряная с черными подпалинами, вверху цвета огненной раскаленной меди. Потом все это обрушилось на землю и с ревом понеслось на людей.

Поддерживая друг друга, они заползли в кабину и стали на колени, плечо к плечу, — двенадцать мужчин и Аррин. Баржа брыкалась и перекатывалась с боку на бок, погружалась и подпрыгивала,

борясь, сопротивляясь, словно живая, под порывами ураганного ветра. Пыль и песок проникали в каждую щель, в каждое вентиляционное отверстие, наполняя воздух горьковатым привкусом. Тьма запахла горящей серой, и раздался оглушительный грохот.

Кэри доводилось попадать в песчаные бури, и он жалел, что находится сейчас не на открытом пространстве, как бывало раньше, а на барже, которая вот-вот перевернется, и он пойдет ко дну, как самый последний дурак, на самой сухой планете во всей Солнечной системе. И все это время Аррин мрачно и стоически оберегала свой горшок с едой.

Наконец дикие порывы ветра сменились ровным штормом. Когда стало ясно, что баржа не перевернется, а останется стоять как надо, все поели пищи из горшка Аррин, и это было весьма кстати. Затем команда отправилась вниз, в трюм — поспать, потому что там было больше места.

Аррин накрыла горшок крышкой, чтобы не попал песок, и вдруг спокойно сказала:

— А почему вы должны идти туда — куда идете?

— Потому что доктор Кэри считает, что там сохранились записи, которые убедят сторонни-

ков Реабилитационного проекта в том, что наш «примитивный» народ знает, о чем говорит.

Кэри не мог как следует разглядеть выражение ее лица в полумраке, но ему показалось, что девушка хмурится, о чем-то напряженно думая.

— Вы так считаете, — сказала она наконец, обращаясь к Кэри. — А вы уверены?

— Я точно знаю, что эти записи существовали. Когда-то хроники были, это бесспорно. На них есть ссылка в других хрониках. Сохранились ли они по сей день или нет — другой вопрос. Но, учитывая особенность места и его жителей, думаю, что это возможно.

Он ощутил, как Аррин дрожит.

— Но Рамы жили так давно…

Она прошептала это слово едва слышно. Оно означало «Бессмертные» и вселяло ужас столько веков, что никакое время не могло стереть память о них. Рамы Достигли своего бессмертия при помощи системы ин-Дукции, что можно сравнить с переливанием старого вина в новые бутыли, и хотя сам принцип трансплантации сознания из тела носителя в другое тело был чисто научным, реакцию людей, из которых Рамы выбирали себе подходящие тела, можно было охарактеризовать как животный ужас.

Рамы — это вампиры, считали в народе. Их родина, древний город Синхарат, расположенный на острове, находился в дальних пределах Шана, полузабытый и заброшенный; обитатели Пустынных земель считали его святыней и запретным местом. Они нарушили табу только один раз, когда Кайнон из Шана поднял свое знамя, провозгласив, что заново раскрыл тайну Бессмертных, и посулил племенам Пустынных земель и обитателям Нижних Каналов вечную жизнь и всю добычу, которую они в состоянии унести. Увы, он дал им лишь смерть и горе, и с тех пор запрет неукоснительно соблюдался — с еще большим фанатическим рвением.

— Их город никогда не грабили, — сказал Кэри. — Вот почему у меня есть надежда.

— Но, — возразила Аррин, — они не были людьми. Они были воплощение зла.

— Напротив. Они были самыми что ни на есть настоящими людьми. И однажды они сделали великую попытку искупить свою вину.

Девушка вновь повернулась к Дереку:

— Шани убьют вас.

— Это весьма вероятно.

— Но вы все равно должны идти, — язвительно сказала она, — хотя бы для того, чтобы посмот-

реть, сможете ли пройти.

— Именно так, — рассмеялся Дерек.

— Тогда я пойду с вами. Лучше я увижу, как вас убьют, чем буду ждать и гадать, что с вами случилось, и никогда не узнаю.

И, словно давая понять, что разговор закончен, Аррин свернулась калачиком на своей койке и уснула.

Кэри тоже уснул, и сон его был тревожен, неспокоен, наполнен какими-то смутными видениями и мечтами о Синхарате. Он просыпался в пыльной, душной темноте с чувством безнадежности и отчаяния — нет, никогда ему не увидеть древнего города.

Утром буря стихла, зато возникло новое препятствие. Вал песка в сорок футов длиной перегородил канал.

Монстров впрягли в специальные черпаки, которые извлекли из трюма, и они начали чистить фарватер, и каждый человек из команды тоже взялся за лопату.

Кэри копал сырой песок; высокий рост и светлая кожа резко выделяли его на фоне более мелких и темных жителей Нижних Каналов. Он чувствовал себя незащищенным, почти голым и все время поглядывал на небо. Когда они доберут-

ся до кочевников, Уэйлзу будет нелегко отыскать его. В Валкисе, который торгует с людьми из пустыни, Дерек сможет добыть Кэри подходящий наряд, и Кэри въедет в Барракеш уже в обличье странствующего кочевника. Но до той поры ему придется соблюдать осторожность, опасаясь как Уэйлза, так и местных жителей — они в такой же степени ненавидели землян, как и кочевников, которые совершали набеги на их поля и крали их женщин.

Тем не менее опасность заметил не Кэри, а Дерек. Около полудня он вдруг окликнул Кэри. Тот, уже плохо соображавший от жары и усталости, поднял голову и увидел, что Дерек показывает на небо. Кэри бросил лопату и прыгнул в воду. Баржа была совсем близко, но флаер приближался гораздо быстрее, чем двигался Кэри. Было ясно, что к тому моменту, когда он доберется до поручней трапа, его непременно заметят сверху.

— Поднырни под днище, — раздался над его головой спокойный голос Аррин. — Там есть место.

Кэри втянул в грудь воздух и нырнул. Вода была ледяная и мутная после бури, даже солнечный свет не мог пробиться сквозь нее. Но баржа отбрасывала огромную черную тень. Туда-то и поплыл Кэри. Полагая, что уже миновал пон-

тоны, Кэри вынырнул на поверхность, от души надеясь, что Аррин сказала правду. Она оказалась права. Между днищем и водой действительно был промежуток, и Кэри мог дышать. В промежуток между понтонами ему было видно, как флаер снизился и завис на роторах над каналом, высматривая, вынюхивая. Потом он сел. В кабине было несколько человек, но вылез только один — Говард Уэйлз.

К нему вышел Дерек — поговорить. Остальные продолжали работать, и Кэри заметил, как лишняя лопата быстро исчезла в мутной воде. Уэйлз не отрывал глаз от баржи. Дерек играл с ним. А Кэри ругался про себя. Пронизывающий холод воды достал его уже до костей. В конце концов, к вящему изумлению Уэйлза, Дерек пригласил гостя на баржу.

Кэри осторожно плавал взад и вперед в свободном пространстве под брюхом судна, пытаясь хоть как-то разогнать кровь. Ему показалось, что прошла целая вечность, пока Уэйлз не убрался в свой флаер. Еще одна вечность прошла, пока тот не взлетел. Кэри выбрался из-под баржи на солнечный свет, но конечности у него так занемели от холода, что он не смог вскарабкаться по лестнице. Аррин с Дереком пришлось втащить

его наверх.

— Любой другой человек, — сказал Дерек, — уже отступился бы, убедившись, что тебя здесь нет. Но не этот. Уэйлз никогда не считает своего противника ниже себя по уму и хитрости.

Он влил немного спиртного между стиснутыми зубами Кэри, завернул промерзшего насквозь товарища в толстые одеяла и уложил в постель. Потом спросил:

— Уэйлз может догадаться, куда мы направляемся?

Кэри нахмурился:

— Вообще-то да. Если он не поленился хорошенько порыться в моих книгах и бумагах.

— Не сомневаюсь, что он это сделал.

— Там есть все, что ему нужно, — мрачно сказал Кэри. — Как мы пытались однажды, но потерпели неудачу — и что я надеюсь там найти, хотя тогда еще не существовало никакого Реабилитационного проекта и все это было из чисто археологического интереса. И я упоминал Бессмертных в разговоре с Вудторпом, во время спора о целесообразности и разумности таких проектов, равнозначных землетрясению… вернее, мар-сотрясению. А что? Уэйлз говорил что-то об этом?

— Он сказал: «Барракеш все расставит по местам».

— Вот как? — злобно ощерился Кэри. — Дай-ка мне ту бутылку. — Он сделал долгий глоток, и спиртное влилось в него, как огонь в кристаллический лед. — Черт, хорошо бы украсть у них флаер!

Дерек покачал головой:

— Скажи спасибо, что ты этого не сделал. Они бы сбили тебя за час.

— Да, ты прав. Просто я так спешу…

Кэри снова глотнул из бутылки, затем улыбнулся. Улыбка у него вышла довольно странная, отнюдь не подобающая известному ученому.

— Если боги будут милостивы ко мне, однажды я сверну мистеру Уэйлзу голову.

Местные явились в тот же вечер — человек сто с лопатами и инструментами. Они уже отработали весь день, прочищая соседний сектор, но без звука подключились к команде Дерека и проработали еще ночь и половину следующего дня, урывая несколько часов для сна по очереди, когда совсем не было сил держаться на ногах. В канале заключалась вся их жизнь, и он был превыше всего — жены, ребенка, брата, отца, его самого, — и это было логично.

Кэри оставался в кабине, прячась от посторонних глаз и испытывая угрызения совести, хотя и не слишком сильные. Работа была просто адова.

Ближе к полудню канал наконец расчистили, и баржа поплыла дальше на юг.

Спустя три дня на востоке возникла далекая горная гряда. Она постепенно приближалась, пока совсем не подошла вплотную к воде. Горы были высокие и крутые, окрашенные в мягкие оттенки красного и золотого; волны, плескавшиеся о них миллион лет, и ветер, дувший десять тысячелетий, оставили на скалах глубокие следы. Впереди Кэри заметил дрожащую полоску тумана среди пустыни — там проходил еще один канал. Они приближались к Валкису.

Баржа вошла в него на заходе солнца Низкое светило посылало свои почти горизонтальные лучи на утесы Порой лучи простреливали насквозь пустые глазницы окон и дыры дверей пяти городов, что растянулись по уступам красно-золотых гор. И казалось, что в домах горят очаги и светятся лампы, встречая усталого рыбака, возвращающегося с моря. Но на улицах, площадях и на длинных пролетах вырубленных в камне лестниц двигались только медленные тени, отбрасываемые заходящим солнцем. Старинные причалы стояли

величественные и голые, как надгробные камни, показывая, где были выстроены новые гавани взамен старых, которые тоже были покинуты после того, как вода ушла и отсюда.

Только нижний город жил, причем лишь малая часть его, но она жила яростной и кипящей жизнью, не повинуясь навалившимся холодным столетиям. С палубы баржи Кэри видел факелы, горящие в сумерках подобно желтым звездам, слышал голоса, а также дикую, но прекрасную музыку арф с двойной декой. Сухой ветер нес запах пыли, острых пряных ароматов и чего-то совсем непонятного. Новая культура еще не успела коснуться древнего города, и Кэри был только рад, хотя Валкис, пожалуй, неплохо было бы малость почистить, не причинив ему при этом вреда. Тут царили такие пороки, что уши отказывались верить.

— Не высовывай носа, — велел ему Дерек, — пока я не вернусь.

Уже совсем стемнело Баржа стояла у древнего каменного причала, выходящего на широкую площадь, с трех сторон окруженную обшарпанными зданиями Дерек отправился в город, за ним последовала вся команда — правда, совсем для других целей Аррин осталась на палубе и

лежала на животе, на тюках с товаром, подперев подбородок кулаками. Она смотрела на звезды и прислушивалась к звукам с видом обиженного ребенка, которому запретили играть в опасную, но увлекательную игру. Дерек не разрешил ей ходить по улицам одной.

От скуки Кэри решил вздремнуть.

Он не знал, сколько проспал — несколько минут или несколько часов, — когда его разбудил истошный кошачий вопль Аррин. Он подскочил как ужаленный.

Глава 3

На палубе были какие-то мужчины Кэри слышал шум возни и проклятия в адрес Аррин. Незнакомцы что-то кричали про землянина.

Кэри скатился с койки. Он все еще был в земном костюме, который намеревался сменить на то, что принесет ему Дерек. В отчаянии Кэри сорвал с себя все и засунул в какой-то угол, под скомканные меха. Аррин больше не визжала, зато донесся приглушенный вопль — ей явно заткнули рот. Ученый весь дрожал на пронизывающем холоде ночи.

Шаги по палубе, легкие и быстрые… Кэри потянулся и снял с крючка на стене топор с длинной рукоятью, которым в случае опасности рубили крепления на палубе. И тут же ему в голову пришла мысль — как будто сам топор подсказал, что надо делать.

Тени мужчин возникли в проеме, темные силуэты на фоне тусклого света палубных огней.

Кэри издал боевой клич кочевников, разорвавший ночную тишину, и прыгнул вперед, размахивая топором.

Мужчины тут же исчезли из проема, как будто

их дернули за веревочки. Кэри выскочил из кабины на палубу, в круг света факелов, и принялся крутить топором вокруг головы. Этому приему он научился много лет назад, когда понял, как полезно уметь прикидываться марсианином. Естественно, его угораздило вляпаться в кое-какие истории, не подобающие великому ученому-археологу, вроде межплеменных войн и набегов, зато он приобрел весьма странные, но бесценные навыки. Вот и теперь Кэри отогнал своим свистящим топором совершенно опешивших бандитов. С диким визгом он теснил их все дальше и дальше, а они взирали на незнакомца в немом изумлении — пятеро мужчин с серебряными серьгами в ушах и очень острыми ножами на поясе.

Потом Кэри присовокупил кое-что из того, что кочевники говорят о жителях Нижних Каналов, и кровь бросилась бандитам в лицо. А потом он наконец поинтересовался, какого черта им здесь нужно.

Один из нападавших, в ярко-желтой юбке, сказал:

— Нам сказали, что здесь прячется землянин.

«Интересно, кто бы это мог сказать?» — задумался Кэри. Мистер Уэйлз, через какого-нибудь

марсианского шпиона? Ну конечно, кто же еще! Он уже начинал люто ненавидеть мистера Уэйлза. Но заставил себя деланно рассмеяться и спросил:

— Разве я похож на землянина?

Топор снова сверкнул в ночи. Кэри успел отрастить волосы, и они спутались в всклокоченную гриву великолепного цвета, рыжевато-коричневую гриву кочевника. Его обнаженное тело было сухощавым и вытянутым, как у обитателей Пустынных земель, и он все время упражнял свои мышцы, держа их в форме.

Аррин подошла, потирая разбитый рот и глядя на него с таким же немым изумлением, как и визитеры из Валкиса.

— Нам сказали, что… — снова завел человек в желтой юбке.

На площади перед причалом начали собираться зеваки — мужчины и женщины, праздные, любопытные, жестокие.

— Меня зовут Марах, — оборвал Кэри. — Я покинул Колодцы Тамбоины потому, что убил человека, и за мою голову назначена награда.

Колодцы были слишком далеко, и он мог не опасаться, что именно здесь его смогут уличить во лжи.

— Ну что, кто-нибудь желает получить эту награду?

Люди осторожно наблюдали за ним. Пламя факелов металось на сухом ветру, рассеивая свет на поднятых кверху лицах. Кэри становилось не по себе.

Рядом послышался шепот Аррин:

— А вас не узнают?

— Нет. — Он бывал здесь трижды с бандами кочевников, однако вряд ли кто-нибудь запомнил именно ею из сотен и сотен наездников.

— Тогда стойте насмерть, — посоветовала Аррин.

Он так и сделал. Люди продолжали изучать его, улыбаясь и перешептываясь. Наконец человек в желтой юбке произнес:

— Не знаю, кто ты — землянин или кочевник, но мне отвратительна твоя физиономия.

Толпа заржала и подалась вперед. Кэри слышал мелодичное позвякивание аленьких колокольчиков женщин. Он схватил топор и велел Аррин отойти подальше.

— Если ты знаешь, где Дерек, то беги за ним. Я постараюсь сдерживать их, сколько смогу.

Он не заметил, ушла девушка или нет. Он был занят: он наблюдал за толпой, за сверкающими

острыми клинками. Это было поистине смехотворно — сражаться ножом и топором в век космических полетов и атомной энергии!.. Но у Марса долгое время не было ничего другого, а парни из Департамента Разоружения Объединенных Миров мечтали отнять когда-нибудь даже это.

На Земле, вспомнил Кэри, еще существуют племена, которые закаливают копья на костре и едят мясо своих врагов. Ножи, во всяком случае, убивали достаточно эффективно.

Он немного отступил от поручней, давая топору простор. Ему уже не было холодно, кровь бурлила в жилах, обжигая натянутые нервы.

Но тут раздался вопль Дерека, пронесшийся над всей площадью.

Толпа расступилась. Сверху Кэри было видно, как Дерек вместе с доброй половиной команды в ярости пробивается через толпу.

— Я убью любого, кто сунется сюда! — заорал он.

— А кто он тебе? — вежливо осведомился человек в желтой юбке.

— Это мои деньги, болван! Деньги за провоз, которые я не получу до Барракеша — и то если доставлю его живым, чтобы он мог принести их мне. А вот если он мне не заплатит, то я сам

с ним разберусь. — Дерек вспрыгнул на палубу баржи. — А теперь убирайтесь. Или прольется немного больше крови, чем требуется для развлечения.

Люди Дерека встали рядом, плечом к плечу, вдоль поручней; вдалеке показались уже и остальные члены команды, спешащие на подмогу. Двенадцать крепких вооруженных мужчин — это уже не похоже на развлечение. Толпа медленно потянулась назад, и пятеро парней нехотя последовали за всеми.

Дерек выставил часового и увел Кэри в кабину.

— Надень вот это, — сказал он, кинув Кэри какой-то сверток.

Кэри отложил топор. Теперь его била крупная дрожь, и пальцы никак не могли справиться с узлами.

Сверху в свертке оказался толстый плащ кочевника. В него были завернуты кожаная юбка, хорошо поношенная и обмятая, украшенная побрякивающими бронзовыми застежками, широкий бронзовый воротник и кожаные доспехи — почерневшие и засаленные от долгого употребления.

— Мы сняли это с мертвого тела, — сообщил Дерек. — Там внизу еще есть сандалии. — Он бро-

сил Кэри длинный нож кочевников. — Возьми. А теперь, мой дорогой друг, могу сказать тебе, что у нас крупные неприятности.

— Мне показалось, что я отлично сыграл, — произнес Кэри, примеривая обнову. Возможно, когда-нибудь, если он останется жив, он снова станет примерным почетным доктором археологии — но не сейчас. — Кто-то сказал им, что здесь прячется землянин.

Дерек кивнул:

— У меня здесь друзья, люди, которые мне доверяют и которым доверяю я. Они-то и предупредили меня. Поэтому я вытащил своих парней из борделей, ну и… Наслушался же я от них!

Кэри рассмеялся, накинул на себя накидку и застегнул бронзовый крючок на горле. Грубая ткань приятно согревала.

— Теперь Уэйлз точно знает, что я с тобой. Это он пытался так выяснить истину. Чтобы наверняка.

— Но вас могли убить, — сказала Аррин.

Кэри пожал плечами:

— Они готовы скорее убить меня, нежели упустить, хотя, разумеется, никто этого вслух не говорит. Вся загвоздка в том, что Уэйлза не проведешь этим маскарадом и он не станет ждать до Барракеша. Он появится на барже, как только

ты выйдешь из Валкиса, — и уж не сомневайся, с ним будет достаточно вооруженных людей, чтобы он получил свое.

— Все верно, — согласился Дерек. — Тогда так. Пусть получит себе баржу. — Он повернулся к Аррин: — Если ты все еще горишь желанием идти с нами, собирайся. И учти, тебе придется долго ехать верхом.

Потом он повернулся к Кэри:

— Лучше прямо сейчас убраться из города. Звери и припасы у меня будут к восходу Фобоса. Где мы встретимся?

— У маяка, — ответил Кэри.

Дерек кивнул и вышел. Кэри тоже вышел и подождал на палубе, пока Аррин переоденется.

Через несколько минут она появилась, закутанная в длинную накидку с капюшоном. Девушка вынула колокольчики из волос и сняла их со щиколоток, так что теперь двигалась совершенно бесшумно, легко и проворно, как гибкий мальчик-подросток.

— Пошли, житель пустыни, — ухмыльнулась она ему. — Как, ты сказал, твое имя?

— Марах.

— Не забудь топор.

Они спустились с баржи. На палубе горел оди-

нокий факел. Огни на площади тоже почти все погасли. Тут не было ни души, зато на примыкавших улицах наблюдалось изрядное оживление и слышалась музыка. Кэри повел Аррин налево, вдоль канала. Он оглянулся: никто не шел за ними, никто не следил. Звуки и огни постепенно стали слабеть, тускнеть. Здания, мимо которых они проходили, были пустыми, окна и двери распахнуты всем ветрам. Деймос плыл по небу, и через провалы в крышах виднелось лунное сияние — серебряные лучи проникали в дома и ложились на нанесенную ветром пыль, плотным слоем покрывавшую пол.

Кэри несколько раз останавливался, прислушиваясь, но ничего не услышал, кроме завывания ветра. Он начинал успокаиваться и торопливо вел Аррин, широко шагая своими длинными ногами. Теперь они уже отошли от канала и поднимались по разбитой улочке в гору.

Вскоре улочка перешла в лестницу, вырубленную в скале. По обеим сторонам стояли дома без крыш, прилепившиеся к поверхности утеса, словно покинутые птичьи гнезда. Воображение Кэри, как всегда, населило их людьми, наполнило сетями и утварью, оживило голосами, огнями и запахами.

На самом верху он остановился, чтобы дать Аррин передышку, и посмотрел вниз — через века — на пылающие по берегу канала факелы.

— О чем ты думаешь? — спросила Аррин.

— Я думаю о том, что ничто и никто не должен умирать — ни люди, ни океаны.

— Рамы жили вечно.

— Слишком долго, пожалуй. И это было плохо, насколько я знаю. Все же мне грустно думать о людях, которые строили эти дома, трудились здесь, рожали детей, мечтали о будущем…

— Ты очень странный, — заметила, — Аррин. — Когда я впервые увидела тебя, я никак не могла понять, за что Дерек полюбил тебя. Ты был такой… тихий. Сегодня я видела, каким ты можешь быть. Но сейчас ты опять несешь чепуху и снова нерешительный и мягкий. Какое тебе дело до всех этих костей и пыли?

— Это только любопытство. Я никогда не узнаю конца истории, но по крайней мере я могу узнать ее начало.

Они снова двинулись вперед. Теперь они шли вдоль берега бывшей гавани, с нависающими громадами пирсов, изгрызенными и обкатанными ветрами. Перед рассыпающимся мысом поднималась к небу разрушенная башенка маяка.

Путники подошли прямо к ней, туда, где некогда проходили корабли, — и почти тут же Кэри услышал позвякивание сбруи и шаги животных. Это был Дерек.

Они вышли еще до восхода Фобоса.

— Это твои владения, — сказал Дерек. — Теперь я простой путешественник.

— Тогда вы с Аррин ведите вьючных животных, — сказал Кэри, выезжая вперед.

Они оставили город далеко позади, поднимаясь все выше и выше в гору. Отсюда канал казался стальной лентой, сверкавшей в свете луны, однако лента эта становилась все уже и дальше, а потом и совсем пропала из виду. Здесь горная гряда подходила прямо к морю, образуя длинный изогнутый полуостров. Но от гор сохранились лишь голые остовы, и Кэри повел свой отряд через каменный лес скалистых костей и отростков по тропе, которой ходил лишь однажды, от души надеясь, что не забыл дорогу.

Они шли ночами, а днем отдыхали в укрытиях под скалами, и трижды над ними пролетал флаер, похожий на хищного ястреба, выслеживающего добычу. Кэри уже не раз прошибал холодный пот при мысли, что он сбился с тропы, но каково же было его изумление и восторг, когда он увидел

морское дно именно там, где и рассчитывал его увидеть, — по другую сторону хребта, с бродом через канал.

Они перешли канал при лунном свете, остановившись только затем, чтобы наполнить бурдюки. К рассвету путники уже были в горах над Барракешем.

Посмотрев вниз, Дерек сказал:

— Думаю, нам следует забыть о караване, идущем на юг.

Торговлей люди Кеша и Шана занимались в мирное время; теперь же они готовились к войне. И, как и предсказывал Дерек, без всякой помощи и поддержки доктора Кэри.

Они толпились на улицах. Они сидели в караван-сараях. Они собирались толпами у ворот, и на берегах канала, и около илистого озерца, которым заканчивался канал. Табуны животных ломали дамбы, разбивали ирригационные каналы, травили посевы на полях. А из пустыни все скакали и скакали всадники, прибывали новые воины с развевающимися флажками и копьями, сверкавшими в свете утренней зари. Где-то вдалеке слышалось дикое завывание труб.

— Если только мы спустимся вниз, — сказал Кэри, — нас немедленно втянет в круговорот вой-

ны. Всякий, кто осмелится теперь повернуться спиной к Барракешу, получит в спину копье за трусость.

От бешенства лицо у него потемнело и исказилось гримасой жестокости. Скоро вся эта орда устремится на север, собрав новые силы на Нижних Каналах, соединяясь на ходу с другими племенами, которые вольются в наступающую армию из восточных пределов Пустынных земель. Люди Городских Штатов будут гибнуть, как овцы с перерезанным горлом, и, возможно, даже купол Кахоры будет повержен. Однако рано или поздно привезут пушки, и тогда уже смерть пойдет косить самих кочевников. А все из-за того, что хорошие люди вроде Вудторпа хотят только добра.

— Я иду в Синхарат, — сказал Кэри. — Но вам известно, как ничтожны шансы у маленькой партии, без каравана и без колодцев.

— Да, — ответил Дерек.

— И ты знаешь, что мы навряд ли избежим встречи с Уэйлзом без прикрытия каравана.

— Скажи, как мне попасть домой.

— Ты можешь дождаться своей баржи и возвратиться в Валкис.

— Не могу, — серьезно ответил Дерек. — Мои

люди будут смеяться надо мной. Хватит тратить время на болтовню. Пустыня перед нами, а время — это вода.

— Кстати, о воде, — сказала Аррин. — А когда мы вообще доберемся до места? И как вернемся обратно?

— Доктор Кэри слышал, что в Синхарате есть роскошный колодец, — произнес Дерек.

— Он слышал, — съязвила Аррин. — Но точно не знает. В точности как с хрониками. — Она полупрезрительно посмотрела на Кэри.

Кэри коротко улыбнулся:

— О колодце мне известно доподлинно, из надежного источника. Он находится в коралловом рифе, глубоко под городом, так что его можно использовать, не нарушая табу Шани не подходят близко к нему, если не испытывают крайней нужды, но я разговаривал с человеком, который пил из него.

Кэри повел их вниз, в долину — прочь от Барракеша. Дерек нервно посматривал на небо.

— Думаю, что Уэйлз приготовил для нас хорошенькую ловушку. И теперь поджидает нас около нее.

Полеты флаеров над территорией племен были строжайше запрещены, на то требовалось особое

разрешение, которое в такой ситуации было теперь не достать. Но оба они понимали, что Уэйлза это не остановит.

— Кто знает, — мрачно сказал Кэри, — возможно, придет час, когда мы будем рады видеть его…

Он сделал большой крюк на север, чтобы избежать встречи с воинственными кочевниками, спешащими в Барракеш. Потом маленький отряд направился по дну мертвого моря прямым курсом на Синхарат.

Очень скоро Кэри уже потерял счет дням. Дни сливались в единый однообразный ад, в котором трое людей и их спотыкающиеся животные перебирались через кучи камней, поднимающихся к солнцу, или ползли под рифами полусгнившего коралла, окруженного таким тонким песком, что он сверкал на свету, словно толченое стекло. По ночам был лунный свет и пронизывающий холод, но холод не утолял жажду. Только одно было хорошо, хотя именно это и тревожило Кэри больше всего: в пустом и жестоком небе ни разу не появился флаер.

— Пустыня велика, — сказала Аррин с надеждой. — Возможно, он просто не может найти нас. А может, он утомился и плюнул.

— Только не он, — отозвался Кэри.

— Возможно, он думает, что мы уже умерли, так что нечего тратить время.

Возможно, подумал Кэри. Возможно. Но временами он клял Уэйлза последними словами. Что задумал этот подонок? Однако ответа не было.

Наконец была выпита последняя капля воды. И Кэри забыл про Уэйлза и стал думать лишь о колодцах Синхарата, прохладных и чистых в своем коралловом лоне.

Он все еще думал о них, вяло посылая вперед зверя, который теперь был почти так же слаб, как и он сам Видение колодца, полного воды, настолько помрачило рассудок Кэри, что он заметил опасность в самый последний момент. Его опаленные солнцем, подслеповатые глаза уловили что-то странное и послали сигнал мозгу. Кэри резко остановился в дикой тревоге.

Они ехали не по гладкому песку, а по многочисленным следам, оставленным отрядом наездников, ^ и ехали уже довольно долго.

Глава 4

Остальные вышли из своего оцепенения, когда Кэри показал им на дорогу, призывая к тишине. Широкая дорога сворачивала в сторону и исчезала из виду за огромным белым коралловым рифом. Следы были совсем свежие, ветер успел лишь слегка размыть их очертания.

Нещадно нахлестывая измученных животных, они поскакали по дороге. Риф поднимался высоко в небо, словно стена. По всей его поверхности зияли огромные дыры — каверны, и они нашли достаточно большую, что могла укрыть всех троих вместе со зверями. Кэри пошел один к изгибу рифа, за которым скрылись всадники, и ветер погнался за ним, дудя и гуляя в просторных сотах коралла.

Археолог подполз к уступу и понял, где он находится.

На противоположной стороне рифового кольца была широкая сухая лагуна. Она простиралась примерно на полмили — прямо до кораллового острова, поднимавшегося вверх в резком и ярком солнечном свете. Голые коралловые скалы красиво переплетали в себе полосы темно-розового,

белого и нежно-розового цветов. Изысканная лестница вела от пустыни в город, окруженный стенами и башнями столь безупречной архитектуры, выстроенными из такого многоцветного мрамора и так изысканно мягко обкатанными временем, что было невозможно определить, где кончается работа рук человеческих и начинается работа самой природы. Кэри видел все это сквозь дымку усталости и изумления Он понял, это и есть Синхарат! Вечно Живой!

Следы воинов Шана вели в лагуну. Копыта взрыхлили песок возле покореженных обломков, бывших некогда припаркованным флаером, потом следы шли дальше, оставив за собой груду железа и две темные бесформенные тени, распростертые на песке. Следы обрывались у подножия утеса, где Кэри заметил организованное скопление людей и животных. Воинов было двадцать пять — тридцать, насколько он мог сосчитать. Они стояли лагерем.

Кэри знал, что все это значит. Кто-то чужой пробрался в город.

Некоторое время Кэри лежал неподвижно. Он любовался прекрасным мраморным городом, сверкавшим на чудном коралловом пьедестале. Ему хотелось заплакать, но в его теле осталось

слишком мало влаги, к тому же отчаяние очень быстро сменилось дикой злобой. «Ну ладно, подонки, — подумал он. — Погодите!»

Археолог вернулся к Дереку и Аррин и рассказал им о том, что видел.

— Уэйлз прилетел как раз перед нами и стал поджидать. Зачем суетиться и обыскивать всю пустыню, если в итоге мы все равно придем сюда? На сей раз он счел, что мы у него в кармане. Вода! Мы не могли убежать без воды. — Кэри улыбнулся ужасной улыбкой: губы его потрескались, язык распух. — Только шани нашли его быстрее, чем он нас. Партия войны. Наверное, они заметили, как пролетел флаер, и прискакали проверить, не села ли машина здесь. Они поймали двоих. Но остальные ушли в Синхарат.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дерек.

— Шани никогда не пойдут в город, если на то нет особой причины. Если они застигли нарушителя границ, то просто будут караулить колодец и ждать. Рано или поздно он все равно явится к ним сам.

— А сколько можем ждать мы? — спросила Аррин. — Мы не пили ни кайли уже два дня.

— Ждать, черт возьми!.. — выругался Кэри. — Мы не можем ждать. Я иду туда.

Сейчас, именно сейчас, пока у них еще есть какие-то силы. Завтра будет уже поздно.

— По-моему, смерть от копья легче, чем от жажды, — заметил Дерек.

— Мы сумеем избежать и того и другого, если будем очень осторожны. И если нам повезет.

И он рассказал им свой план.

Спустя час Кэри вышел на дорогу, по которой воины проследовали через лагуну. Он шел, а вернее, тащился, держа под уздцы спотыкающееся животное. На монстре сидела Аррин, черная накидка полностью скрывала ее лицо в знак скорби. Между двумя оставшимися зверями на импровизированных носилках, сделанных из одеял и веревок, лежал Дерек, завернутый с ног до головы в свой плащ, — пожалуй, слишком убедительно изображая труп.

Кэри услышал крики и увидел, как издалека к ним скачут всадники. Внезапно на него напал страх. Малейшая ошибка, неточность — и тогда ничто на Марсе не спасет их. Но жажда была куда хуже страха.

Была и еще одна причина. Проходя мимо трупов на песке, лежащих возле разбитого флаера, Кэри заметил, что оба убитых — марсиане, и тогда он с какой-то звериной злобой уставился на ба-

шенки Синхарата. Уэйлз был там, в безопасности, по-прежнему живой, по-прежнему стоящий между Кэри и тем, чего ученый так страстно желал. Рука Кэри судорожно сжала топор. Он уже слегка повредился в рассудке на почве Говарда Уэйлза и хроник Бессмертных.

Когда всадники приблизились на расстояние броска копья, археолог остановился, поднял топор и воткнул его в песок как знак мира. Выждав минуту, он негромко произнес:

— Ради всех богов, будьте осторожны.

Всадники натянули поводья, из-под копыт полетел песок.

— Я требую выполнить мою последнюю просьбу, — сказал Кэри.

Он стоял, раскачиваясь над своим топором, пока всадники изучали его, закутанную женщину и запыленный труп. Их было шестеро, высоких, крепких мужчин с дикими глазами и длинными копьями наготове. Наконец один из них спросил:

— Как вы сюда попали?

— Муж моей сестры, — сказал Кэри, показывая на Дерека, — умер во время похода на Барракеш. Законы нашего племени повелевают похоронить его там, где он родился. Но сейчас караваны не

ходят. Вот нам и пришлось отправиться в одиночку, и во время песчаной бури мы сбились с пути. Не знаю, сколько дней мы блуждали в пустыне, пока не наткнулись на ваши следы.

— А вы знаете, где находитесь? — спросили кочевники.

Кэри отвел глаза от города:

— Теперь я понял. Но если человек умирает, ему дозволено воспользоваться колодцем. Мы умираем.

— Тогда воспользуйтесь, — сказал кочевник. — Только держитесь подальше от нашего лагеря. Это дурное предзнаменование. Мы отправляемся на войну, лишь закончим здесь одно дело. Мы не желаем, чтобы всякие трупы отбрасывали на нас свою тень.

— Пришельцы? — спросил Кэри, показав на трупы в песке и останки флаера.

— Пришельцы. Какой еще дурак осмелится будить призраков запретного города?

Кэри покачал головой:

— Во всяком случае, не я. Я даже смотреть на него не желаю.

Всадники ускакали обратно в лагерь. Кэри медленно потащился к утесам. Ему было ясно, где может находиться колодец. В розовом коралле

виднелся огромный арочный вход, люди входили и выходили оттуда, чтобы напиться и напоить своих зверей. Кэри, добравшись до места, монотонно завел церемонную речь, речитативом твердя традиционные фразы, которых требовал этикет. Он просил дать дорогу мертвому, так, чтобы воины, и беременные женщины, и лица, проходящие обряд очищения, отошли подальше. Воины расступились.

Кэри вошел с жестокого солнца в благотворную тень извилистого прохода, достаточно высокого и широкого, поднимающегося вверх и вверх — сначала едва заметно, а потом все круче и круче — и наконец обрывавшегося в огромной, гулкой, как собор, зале, тускло освещенной факелами. Их свет выхватывал из мрака причудливые коралловые формы. В центре залы помещался колодец, имевший форму широкой чаши.

И тут Аррин впервые издала короткий мучительный вскрик. Семь или восемь воинов, охранявших колодец, как один отпрянули в стороны, и Кэри с Аррин и «покойником» смогли подойти к воде в одиночестве. Несколько человек поили своих зверей; Кэри словно из уважения к запрету обошел их стороной как можно дальше. В полумраке он поднялся по истертым ступеням,

вырубленным в коралле. И остановился.

Он помог Аррин спешиться и усадил ее, потом стащил Дерека с носилок и положил на твердый коралловый пол. Звери кинулись к воде, и он не сделал никаких попыток остановить их. Археолог наполнил один бурдюк для Аррин, а потом сам бросился навзничь между пьющих животных и окунул голову в чудную чистую холодную воду. После этого он несколько минут стоял на коленях в каком-то полузабытьи, пока не вспомнил, что Дереку тоже нужна вода.

Он наполнил еще два бурдюка и отнес их к Аррин, встав подле нее на колени, словно в знак нежного утешения, пока она рыдала над «мертвым». Его распахнутая накидка надежно скрывала то, чем занималась девушка, — поила Дерека из бурдюка. Кэри что-то сказал, тихо и быстро, затем вернулся к животным. Он погнал их прочь от воды, чтобы они не подхватили воспаление копыт и не охромели. Вся эта суета была призвана скрыть то, что происходило за его спиной.

Кэри повел шипящих и спотыкающихся зверей туда, где прежде были Аррин и Дерек, все еще прикрываясь Животными на тот случай, если стражники наблюдают. Он схватил свой топор и

последний бурдюк с водой и погнал зверей вверх по лестнице, так быстро, как только Мог. Лестница была винтовая, и он в кромешной тьме уже повернул за второй поворот, когда стражники наконец опомнились и издали яростный вопль.

Он не знал, будет ли за ним погоня. Кто-то пошарил во тьме, ощупывая его лицо, и голос Дерека что-то быстро произнес. Он слышал, как задыхается Аррин — словно загнанная собака. У него самого колени тряслись от слабости. «Какой мощный ударный отряд против Уэйлза с его людьми и тридцати разъяренных воинов шани», — с сарказмом подумал археолог.

Внизу, у первого поворота, вспыхнуло пламя факелов и послышались голоса. Кэри с Аррин и Дереком ринулись вверх, помогая друг другу, однако шани не последовали за ними, а остановились. Факелы и голоса исчезли. Кэри с друзьями поднялись еще выше, потом без сил рухнули на вытертые ступени.

— Почему они не погнались за нами? — спросила Аррин.

— А зачем? Наших запасов воды надолго не хватит. Они могут позволить себе подождать.

— Да, — согласилась девушка. — Но как мы выберемся отсюда?

— Это будет зависеть от Уэйлза, — ответил Кэри.

— Не понимаю.

— Рано или поздно кто-нибудь должен послать сюда флаер, чтобы выяснить, что случилось. Весь вопрос в том, как скоро. — Он похлопал по бурдюкам с водой. — Вот почему они так важны для нас. Это дает нам выигрыш во времени.

Маленький отряд вновь двинулся по лестнице вверх, по протертым множеством ног камням. Бессмертные ходили сюда за водой долгое-долгое время. Вскоре впереди мелькнул дневной свет, просочившийся через щель, и мужской голос, полный ужаса, закричал откуда-то сверху:

— Я слышу их! Они идут сюда…

Но ему ответил резкий голос Говарда Уэйлза:

— Подожди!

Потом он спросил по-английски:

— Кэри? Доктор Кэри, это вы?

— Я! — прокричал в ответ Кэри.

— Слава Богу, — сказал Уэйлз. — Я видел вас, но не был уверен… Поднимайтесь сюда, добро пожаловать. Мы все теперь в одной ловушке.

Глава 5

Синхарат был городом без людей, но мертвым городом он не был. У него была память, был голос. Ветер давал ему дыхание, и он пел, пел бесчисленным множеством крохотных органных трубок из коралла, пел пустыми мраморными проемами и узкими глотками улочек. Тонкие минареты выступали в нем флейтами, а ветер не стихал никогда. Порой голос Синхарата звучал мягко и мелодично, что-то рассказывая о вечной молодости, весне жизни и неиссякающих удовольствиях. А порой он был мощным и яростным, исполненным гордыни. Он кричал: «Ты умрешь, я — никогда!» Бывало, он впадал в безумие, насмешливый и ненавидящий. Но песнь его всегда была воплощением зла.

Теперь Кэри понимал, почему Синхарат стал запретным городом. Причина таилась не только в древнем ужасе перед его обитателями. Дело было в самом городе — под ярким ли солнцем или под скользящими лунами. Город был крошечный. В нем всегда жили немногие; самое большее — тысячи три Бессмертных, и остров давал им достаточно простора и покоя. Но они строили

тесно и высоко. Улицы представляли собой глубокие туннели между стенами, а башни тянулись ввысь, немыслимо тонкие и высокие, вонзаясь в самое небо. У некоторых обрушились верхушки, иные развалились до основания, однако в целом город был по-прежнему прекрасен.

Цвета и оттенки мрамора восхищали глаз. Многие дома сохранились и были как новые, разве что ветер стер резьбу на фасадах, так что лишь при определенном освещении на стене возникал вдруг узор или тень прекрасного лика — горделивого, с надменной улыбкой на устах, а порой целая процессия торжественно выступала, направляясь на забытое богослужение.

Возможно, все дело было в ветре и в ощущении чьего-то невидимого присутствия, это-то и придавало городу зловещее и злое очарование. Но Кэри думал иначе. Рамы сделали с городом что-то особенное, вселили в него что-то такое, что духом напоминало загадочную женщину Бессмертных — прелестную и манящую, но с какими-то странными, пугающими глазами. Даже трезвомыслящий Говард Уэйлз чувствовал себя здесь не в своей тарелке, а уж остальные… Спасшиеся жители Городских Штатов Марса ходили по улицам, как собаки, поджавши хвост. Дерек

утратил часть своей привычной самоуверенности, а Аррин просто не отлипала от него.

Внутри зданий это чувство обострялось. Там были залы и комнаты, где жили Рамы. Вещи, которые им принадлежали, резьба и выцветшие фрески, которыми они любовались. Вечно юные, вечно живущие Бессмертные, кравшие чужие жизни, они ходили по этим коридорам и видели свои отражения в отполированном до зеркального блеска мраморе, и нервы Кэри все время чувствовали их незримое присутствие — после стольких веков.

Кэри обнаружил следы высокоразвитой технологии, равноценной, если не превосходящей все то, что он видел на Марсе. Неизбежный возврат к примитивной жизни пришел с истощением природных ресурсов. В одной маленькой комнатке Кэри обнаружил сломанное оборудование, лежавшее среди стеклянных осколков и пыли; он догадался, что именно здесь Рамы обменивали свои устаревшие тела на новые. Из некоторых фресок, выполненных поистине с садистским юмором, было ясно, что жертвы, как правило, убивались — хотя и не сразу, после того как завершалось «переселение».

Но ему никак не удавалось обнаружить архи-

вы. На улице Уэйлз и его люди с помощью Дерека (Аррин выступала в роли часового) расчищали место для посадки флаера. Уэйлз как раз связался с Кахорой перед неожиданным нападением кочевников. Так что там знали, где он находится; как только они поймут, что Уэйлз подозрительно долго не выходит на связь, то непременно пошлют связного. Если у них будет посадочная площадка и хотя бы немного воды, расходуемой под строжайшим контролем, и шани не озвереют от нетерпения, сохранялся шанс благополучного исхода.

— Но только, — сказал Кэри, — если флаер действительно прилетит, приготовьтесь прыгнуть в кабину как можно быстрее. Шани атакуют стремительно.

Никаких трений с Говардом Уэйлзом у него не возникло. Вообще-то он ждал осложнений и последние марши лестницы преодолел с топором наготове. Однако Уэйлз лишь покачал головой.

— У меня тяжелый служебный шокер, — сообщил он. — Но я не собираюсь стрелять в вас. Так что можете убрать свой топор, доктор.

Марсиане тоже были вооружены. Кэри знал, что они легко могли бы скрутить его. Возможно, пока они берегли боеприпасы для шани, которые

продолжали играть в войну.

— Я сделаю то, ради чего я пришел сюда, — сказал Кэри.

Уэйлз пожал плечами:

— Мое задание заключалось в том, чтобы найти вас. Полагаю, больше у нас не возникнет проблем — если мы все унесем отсюда ноги. Кстати, я видел, что творится в Барракеше, и могу подтвердить, что вы не имеете к этому ровным счетом никакого отношения. Я лично считаю, что многие мои начальники просто безмозглые идиоты, но в этом нет ничего нового. Так что ступайте и занимайтесь своим делом. Я не буду вам мешать.

Кэри ушел вперед, взяв с собой минимум воды, одеяло и сухие концентраты, которые он положил в карман пояса. Прошло два с половиной дня; ученый все отчетливее чувствовал горечь поражения. А потом совершенно случайно он перелез через огромный упавший мраморный блок в длинную комнату со множеством хранилищ по обеим сторонам — и горячая волна возбуждения смыла всю его усталость.

Щеколда из какого-то нержавеющего сплава легко скользнула под его рукой. Кэри вошел и в буквальном смысле был оглушен невероятным богатством — сокровищницей знаний, которая

предстала его глазам. Археолога тотчас же пронзила острая мучительная боль утраты: ведь он может унести с собой лишь малую толику этого богатства! Остальное он, возможно, больше никогда не увидит.

Бессмертные расположили свои архивы по простому и стройному принципу хронологии. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти то, что он искал, но даже это оказалось слишком долго.

Дерек прибежал за ним, что-то крича на ходу. Кэри закрыл дверь в хранилище и стал карабкаться по мраморному блоку, прижимая к груди бесценные реликвии.

— Флаер! — вопил Дерек. — Скорее!

Вдалеке Кэри услышал разъяренные вопли шани.

Он последовал за Дереком, однако вопли приближались — воины Шана тоже заметили флаер и поняли, что тот сядет в городе. Кэри мчался по узким изгибающимся улочкам, которые вели к площади. Когда он добежал, то увидел, что флаер завис в воздухе примерно в тридцати футах над землей, едва не задевая загроможденную камнями площадку. Уэйлз и марсиане отчаянно махали ему.

Шани нахлынули двумя волнами: первая со стороны колодца, вторая — сверху, с утеса. Кэри поднял свой топор. Затрещали шокеры.

Археолог надеялся, что шани просто постараются удержать кочевников на расстоянии, потому что не хотел ничьей смерти, тем более ему не хотелось умирать самому, особенно сейчас.

— Скорее во флаер! — завопил Уэйлз.

И Кэри заметил, что машина пошла вниз, поднимая столб пыли и песка.

Воины в передних рядах теряли равновесие, когда в них попадали парализующие разряды. Они падали, сверкая остроконечными копьями и металлическими украшениями. Первый шокер уже разрядился, но никто не собирался задерживаться ни на секунду.

Дерек подсаживал Аррин в кабину. Оттуда протянулись руки, и кто-то некстати завопил, что надо поторапливаться. Кэри отшвырнул свой топор и прыгнул в люк. На него навалились марсиане, потом Уэйлз; пилот рванул вверх так резко, что ноги Уэйлза остались болтаться в воздухе. Кэри ухватил его за шиворот и втянул в кабину. Уэйлз засмеялся каким-то диковатым смехом, и флаер взмыл вверх, над минаретами Синхарата. Копья забарабанили по его броне.

Техникам пришлось повозиться, адаптируя свое оборудование к микропленкам Бессмертных. Результаты были далеки от совершенства, но Комитет планетарной помощи Объединенных Миров, срочно созванный на совещание в Кахоре, такие мелочи не беспокоили. Собравшиеся были начальниками над Аланом Вудторпом, и им надлежало принять решение; времени уже было в обрез. Огромная волна бунта катилась с севера от Пустынных земель, передвигаясь со скоростью несущихся зверей, на которых скакали кочевники. И теперь уже Вудторп не мог свалить все на доктора Кэри.

Подавленный и довольно испуганный, Вудторп сидел рядом с Кэри в зале заседаний, где проводились слушания. Дерек тоже был там, и Уэйлз, а также некоторые высокопоставленные чиновники из Городских Штатов и двое вождей из Пустынных земель, которые знали Кэри как Кэри, а не как кочевника, и доверились его честному слову, явившись на эту встречу.

Жаль, что так поздно, с горечью подумал Кэри Только один Комитет не понял, не оценил потенциальной взрывоопасности ситуации. Им говорили об этом прямо и откровенно. Но они предпочитали верить балбесам типа Вудторпа,

у которого есть некоторые специальные знания, но нет способности оценить ситуацию в целом.

Теперь же члены Комитета дисциплинированно сидели и слушали шепот привезенных Кэри пленок, лившийся из проекторов. Они видели остров в синем море. По улицам ходили люди, в гаванях стояли корабли Город полнился звуками жизни. Только море опустилось, схлынуло с вершин коралловых рифов. Лагуна стала мелкой лужей, окаймленной широкими пляжами, а внешний риф стоял голый над слабым прибоем. Мужской голос говорил что-то на древнем верхнемарсианском, слегка искажаемом воспроизведением и заглушаемым голосом переводчика на эсперанто. Кэри постарался отвлечься от всего, кроме этого голоса, дошедшего через века.

— Природа насмехается над нами в эти дни, напоминая о том, что даже планеты умирают. Мы, которые настолько сильно любили жизнь, что ради этого отнимали ее у бесчисленного множества других людей, лишь бы сохранить свою… теперь мы видим начало нашего неизбежного конца. И хотя впереди еще могут быть тысячелетия, осознание грядущего конца рождает странные мысли. Впервые за все это время некоторые из нас сознательно избирают смерть.

Другие начинают менять тела, находя себе все более и более юных носителей жизни, и меняют их безостановочно. Все мы стали испытывать угрызения совести — не из-за нашего бессмертия, а из-за методов, которыми оно достигается.

…Одно убийство врезается в память, и в нем можно раскаиваться всю жизнь. Десять тысяч убийств становятся бессмыслицей, так же как десять тысяч совокуплений или десять тысяч партий в шахматы. Время и повторяемость перемалывают их в единообразную пыль. И все же теперь мы сожалеем, и наивная пылкая мечта посетила нас: мы хотим прощения. Прощения, скорее, не со стороны наших жертв, а от нас самих…

…Мы начали наш грандиозный проект. Люди Харифы пострадали от нас больше, чем любой другой народ, потому что их побережья доступны, а их юноши и девушки очень красивы и здоровы. Мы постараемся как-то компенсировать свою вину перед ними.

Вместо оживленных улиц Синхарата возникло изображение покинутого и унылого прибрежного участка пустыни. Некогда эти края были многолюдными. В них еще сохранились руины больших и малых городов, соединенных между

собой мощеными дорогами. Когда-то здесь стояли заводы и энергостанции, построенные на базе развитой технологии; теперь все это ржавело, и ветер приносил охряную пыль, засыпая останки.

— Сотню лет, — продолжал голос Бессмертного, — не было ни одного дождя.

Вон там был оазис, с колодцами, полными прохладной воды. Высокие темноволосые мужчины и женщины черпали из них, поливая огромные поля. А здесь была деревушка в тысячу человек, с опрятными хижинами.

— Марс убил больше детей, чем убили мы. «Счастливчики», которые выжили, живут теперь вот в таких «городах»… Те, кому повезло меньше…

Длинная цепочка животных и людей в плащах с капюшонами двигалась по бесплодной пустой равнине. И вожди Пустынных земель кричали: «Наш народ!»

— Мы снова дадим им воду, — произнес голос Бессмертного.

Бобина кончилась. Во время перерыва, пока ставили следующую, Вудторп неловко кашлянул и пробормотал:

— Но это было так давно, Кэри… Ветры перемен…

— Приносят настоящую бурю, — закончил Кэри.

Снова на экране замелькали кадры. Теперь на берегу моря стоял большой завод, перегонявший пресную воду из морской. Рядом с ним возник поселок, зазеленели поля и плантации молодых деревьев.

— Все хорошо, — сказал голос Бессмертного — И со временем будет еще лучше, поскольку поколения у них сменяются быстрее.

Поселок превратился в город. Население возросло, расползлось. Новые города, новые поля. Земля процветала.

— Многие тысячи новых жизней, — продолжал Бессмертный, — которые никогда не появились бы, если бы не наши усилия. Мы компенсировали свои убийства.

Бобина кончилась. Вудторп пожал плечами:

— Но нам-то нет нужды ничего искупать! Мы…

— Если мой дом сгорит, — сказал Кэри, — то мне все равно, от чего он сгорел — от молнии, от умышленного поджога или от небрежности ребенка, игравшего со спичками. Дома-то все равно нет.

Закрутилась третья бобина.

Теперь говорил совсем другой голос; то ли пер-

вый диктор добровольно ушел из жизни, то ли у него просто не хватило мужества дочитать текст до конца.

Завод по перегонке воды захирел, металлических деталей на ремонт не хватало, и найти их было невозможно. Солнечные батареи, оказалось, нельзя заменить. Запасы воды сократились. Урожай погиб. Наступила паника и голод, и насосы прекратили работу, и города встали, как мертвые суда в мертвых гаванях.

Голос Бессмертного произнес:

— Таковы последствия наших актов милосердия, которые мы совершаем. Теперь те тысячи людей, которых мы возродили к жизни, должны умереть, как умирали их предки. Жестокие законы выживания, которые мы заставили их забыть, невозможно постигнуть заново. Однажды они уже прошли через страдания, и справились с этим, и смирились. Теперь же мы ничем не в силах им помочь. Мы можем только стоять и смотреть.

— Выключите это! — закричал Вудторп.

— Нет, — сказал Кэри, — досмотрите до конца.

И они досмотрели до конца.

— А теперь, — сказал Кэри, — я хотел бы напомнить вам, что Хариф — это прародина

практически всех кочевых племен Пустынных земель. — Он обращался не к Вудторпу, а к представителям Комитета. — Так называемые примитивные народы прошли через весь этот ужас не один раз, и у них сохранились некоторые воспоминания. Племенные легенды рассказывают им, что случилось с их народом в прошлый раз, когда они поверили в ненадежные перемены, которые принесли им люди. Теперь вы понимаете, почему они так настроены воевать?

Вудторп посмотрел на нахмуренные и озабоченные лица представителей Комитета.

— Однако, — начал он, — теперь все будет не так. Наши ресурсы…

— Наши ресурсы находятся за миллионы миль отсюда, на другой планете. Каков по гарантии срок работы ваших насосов? У Бессмертных по крайней мере были естественные источники воды — для тех, кто выживал после подобных экспериментов. Вы же хотите уничтожить последнее — чтобы у них вообще ничего не осталось.

Кэри посмотрел на представителей Городских Штатов:

— И ваши Штаты дорого заплатят за это. С таким огромным населением смерть от голода и жажды… — Его передернуло. — Есть другие спо-

собы помочь: еда, медикаменты. Образование, возможности для молодых марсиан увидеть, поработать в других, более зеленых местах — если они захотят. А пока на нас движется армия. Нужно во что бы то ни стало остановить ее. Мы сказали вам все. Теперь вожди слушают, что скажете им вы.

Председатель Комитета пошептался с коллегами. Конференция была предельно краткой.

— Передайте вождям, — сказал председатель, — что мы не хотим войны. Пусть идут домой с миром Скажите им, что Реабилитационный проект отменяется.

Огромная армия медленно отхлынула назад в Пустынные земли и растворилась в песках. Кэри прошел через слушания по делу о его халатности, получил взыскание и принял отставку с легким сердцем Он пожал руку Говарду Уэйлзу и вернулся в Джеккару — выпить с Дереком и побродить у канала, который теперь не исчезнет с этого места, пока не умрет планета.

И это было славно.

Но в конце канала стоял Барракеш. Оттуда караваны отправлялись на юг, и оттуда начиналась долгая дорога на Синхарат. Кэри помнил о хранилищах за поверженным мраморным блоком и

знал: когда-нибудь он непременно отправится но этой дороге снова.